

МАЛЫЕ ГОРОДА, БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ

Социальная антропология
малого города

Сборник статей

Москва

2014

Редакционная коллегия:

М. Е. Кабицкий, О. Ю. Артёмова, М. Ю. Мартынова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Л. Б. Заседателева
доктор филологических наук, профессор В. Л. Кляус

Малые города, большие проблемы. Социальная антропология малого города: Сборник статей / ред.: М. Е. Кабицкий, О. Ю. Артёмова, М. Ю. Мартынова. — М.: ИЭА РАН, 2014. — 358 с. с илл.

ISBN: 978-5-4211-0102-4

Сборник научных статей по темам, представленным в одноимённой секции X Конгресса этнографов и антропологов России (2013 г.). Многие статьи — результат исследований, проводившихся в РГГУ и ИЭА РАН в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» и программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Для всех интересующихся городской антропологией.

ISBN: 978-5-4211-0102-4

© Коллектив авторов, 2014

© ИЭА РАН, 2014

Содержание

<i>Н. А. Антропова</i> Малые города России глазами социального антрополога	7
<i>Е. П. Батьянова</i> Политические репрессии советского времени в семейных хрониках Карачева.....	29
<i>С. Златанович</i> Дискурс послевоенной повседневности: сербский анклав в городе Гнилане (Косово).....	49
<i>А. Ю. Илюхина</i> Социальный капитал малого российского города на примере г. Городец и г. Гусев	73
<i>М. Е. Кабицкий</i> Феномен малого города/посёлка в Южной Европе: к постановке проблемы	87
<i>М. Ю. Мартынова</i> Особенности идентичности и стратегий жизненного пути горожан Калининградской области....	117
<i>Т. В. Паликова</i> «Скука царит всюду по городам нашего Забайкалья»: проблемы общественной жизни в дореволюционном Забайкалье	167
<i>Г. Н. Сеидова</i> Самый древний город России и его непростая судьба (к празднованию юбилея Дербента) ...	180
<i>О. В. Смурова</i> Ретроспекции этнической истории Костромского края в контексте современной миграции.....	205
<i>Т. Б. Уварова, Т. Н. Самарина, Ф. О. Орлов</i> Малые города Центральной России в постсоветских урбанистических процессах: социокультурные особенности (по материалам обследования г. Лебедянь)	224
<i>В. В. Чубарова</i> Город с прошлым и город с настоящим...	255
<i>Б. Шпрем Ловрич</i> История городов и гильдий в Крапинско-Загорском округе Хорватии.....	275
<i>О. Ю. Артемова</i> Классическая социальная антропология и современные горожане	291

Применяемые сокращения:

ДГУ — Дагестанский государственный университет

ДНЦ РАН — Дагестанский научный центр Российской академии наук

ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии

им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

КГУ — Калининградский государственный университет

МГУ — Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

РГУ — Российский государственный университет

им. И. Канта

РУДН — Российский университет дружбы народов

СЭ — журнал «Советская этнография»

ТОГУ — Тихоокеанский государственный университет

УНЦСА РГГУ — Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ

ЭО — журнал «Этнографическое обозрение»

От редколлегии

2–5 июля 2013 г. в Москве прошёл X Конгресс этнографов и антропологов России, центральная тема которого была сформулирована так: «Современный город и социально-культурная модернизация России». В этом широком контексте рассматривались проблемы городской культуры, урбанизации, традиционности и модернизации, идентичности, этничности, миграционных процессов, социально-культурной адаптации и многие другие. В частности, в рамках симпозиума № 1 (Социокультурные проблемы больших и малых городов) плодотворно работала секция, названная «Малые города — большие проблемы».

Закрывая конгресс, директор Института этнологии и антропологии РАН академик В. А. Тишков призвал учёных, работавших в тех секциях, где состоялись наиболее интересные доклады и обсуждения, подумать о публикации соответствующих материалов в виде статей и сборников. Таким образом, отталкиваясь от этого предложения и учитывая большой интерес и значение представленных на секции по малым городам научных результатов, её участники пришли к решению о публикации данной книги.

Разумеется, содержание статей позволило значительно полнее раскрыть многие темы, чем это можно сделать в устном выступлении. Надо, правда, сказать, что не все сюжеты, рассматривавшиеся на секции, вошли в сборник. Ряд статей на темы, поднимавшиеся её участниками,

публикуются также в журнале «Вестник российской нации» в тематическом блоке, посвящённом городской антропологии.

Многие представленные исследования были выполнены в рамках трех крупных научно-исследовательских проектов: «Социальная антропология современного российского города: изучение и подготовка специалистов» в РГГУ и ИЭА РАН под руководством В. А. Тишкова (по Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013); «Молодежь в эпоху социальных перемен: диахронный анализ индивидуальных стратегий выбора жизненного пути в российской городской провинции с 1991 по 2012 гг.» — также в РГГУ под руководством В. А. Тишкова и по той же Федеральной программе; «Постсоветские социокультурные трансформации в российском городе» в ИЭА РАН под руководством М. Ю. Мартыновой (программа Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», 2012–2015 гг.).

В то же время не все выступления и статьи относятся к этим проектам, и даже не все касаются собственно малых городов: удачно, на наш взгляд, дополняют и обогащают общую картину сюжеты о таких достаточно крупных городах, как Дербент, Кострома и Калининград. Стоит отметить и тот важный факт, что тематика статей не ограничивается территорией России: присутствуют исследования, касающиеся Сербии, Хорватии и таких стран Южной Европы, как Италия, Испания и Португалия.

Н. А. Антропова

Малые города России глазами социального антрополога

Резюме: В статье ставится вопрос о необходимости создания социокультурного портрета малого города на основе социоантропологического исследования. Предложено пять основных и пять дополнительных показателей, которые могли бы лечь в основу портрета города. Важность каждого критерия обосновывается примерами из исследованных автором городов.

Тема статьи и предшествующего ей доклада на конференции выросла из проекта по исследованию малых городов. На этапе планирования исследования были введены общие критерии, по которым были отобраны города: они должны быть расположены в регионах, где не слишком велико значение этнического фактора (то есть были исключены республики), города должны иметь статус районного центра, численность населения которого не превышает пятидесяти тысяч человек. В нашу выборку попало около двадцати городов. Мне с коллегами удалось посетить шесть из них (Городец и Заволжье в Нижегородской области, Гороховец во Вла-

Наталья Александровна Антропова — научный сотрудник
УНЦСА РГГУ. Эл. адрес: antropova0409@mail.ru

димирской области, Богородицк в Тульской области, Таруса в Калужской области, Темрюк в Краснодарском крае). Довольно быстро стало понятно, что согласно статистическим показателям города выглядят почти одинаковыми. Для всех характерно снижение численности населения, отток молодежи в большие города, экономический провал в период кризиса 1990-х годов или 2008 года.

Однако ощущения от городов разные. Где-то хочется быть и возвращаться, другие города хочется забыть, как страшный сон, или немедленно начать что-то делать, чтобы хоть как-то повлиять на сложившуюся депрессивную обстановку в городе. Наш исследовательский интерес с посещением каждого нового города все только нарастал. Как ухватить эту разницу, каким языком могут быть описаны ощущения, которые мы выносим после визита в город?

В то же время существует некоторый набор характеристик, стабильных по отношению к любому городу, к которым даже мы, социальные антропологи, апеллируем, когда посторонние люди спрашивают нас: какой он, этот город, который ты изучаешь? Чаще всего мне приходилось говорить о том, есть ли в городе производство или нет, немного сложнее становилось, когда производств в городе существует несколько или город расположен настолько близко к Москве, что этот фактор оказывается более важным, нежели наличие или отсутствие крупного производства. Тогда для описания

в ход шли такие показатели как: хороши ли дороги в городе, что происходит в парках, как выглядят дома... Интересно, что для самих жителей городов часто таким маркером успешности или не успешности города становится бассейн (Личное сообщение М. И. Драмбяна).

Все это навело меня на рассуждения, которые занимают меня уже не первый год и которые я хотела бы вынести на обсуждение. Возможно ли создание социокультурного портрета города, который фиксировал бы важные для нас, социальных антропологов, характеристики? Необходимо, чтобы эти характеристики были довольно универсальными, их можно было бы применить при исследовании любого малого города и на их основе провести сравнение. В то же время их не должно быть слишком много. В ходе обсуждения с коллегами появилось несколько показателей, которые можно было бы использовать. Чтобы предложения были обоснованными, я буду говорить о них на конкретных примерах из разных городов.

Первое, о чем можно было бы говорить, это социокультурный уровень первых поселенцев или тех, кто населяет территорию без перерыва во времени. Значение этого обстоятельства обусловлено (на наш взгляд) устойчивостью в передаче паттернов поведения и способов оценки окружающей действительности от поколения к поколению. В Нижегородской области есть район, в котором на расстоянии 10 километров друг от друга находятся два города (довольно редкий случай

для нашей страны, за исключением Московской области). Один — Городец — основан в XI в., но длительный период был заброшен и постоянно заселен с XVII в. представителями различных старообрядческих согласий (см.: *Филатов* 2005: 35, 63). Другой — Заволжье — основан в середине XX в. в связи со строительством Горьковской ГЭС. В этом месте самыми первыми жителями были как переехавшие жители ближайших деревень, частично затопленных новым водохранилищем, так и строители ГЭС: инженеры и заключенные (до сих пор жители города выделяют один из районов города, утверждая, что в нем опасно ходить потому, что там «зеки живут» — *Городецкий район* 2011: 345). Несмотря на то, что города самым тесным образом связаны между собой экономически и административно уже более полувека, прослеживается большая разница в повседневных практиках его жителей. В районе бытует поговорка, которой местные жители иллюстрируют отличие друг друга «Городецкие куркули (или пряники) и заволжские моты». Но наиболее точно эту разницу выразила, вероятно, одна из работниц администрации Городецкого района: «Я работала сначала на Заволжском моторном заводе, а вот недавно – в администрации. Я могу сказать, что это огромная разница. На заводе все было просто, правильное мнение одно и это мнение начальника. Если был кто-то недовольный или несогласный, его старались перевести на другое место, внутри завода, но подальше. Здесь же, в Городце, все

оказалось гораздо сложнее. Я никак не могла понять, что происходит. А здесь у людей на все есть свое собственное мнение и очень велико влияние скрытого лидера. У меня работа не складывалась, пока я не нашла этого лидера и не установила с ним контакт» (Социальная антропология современного российского города 2010: 231) Здесь необходимо еще раз напомнить, что город Городец с XVII в. заселен старообрядцами, испытывавшими длительные гонения за свою веру и выработавшими механизмы сохранения собственной религиозной и групповой идентичности (см., например: Солдатов 2012). Несмотря на естественную миграционную смену населения и снижение влияния старообрядческой церкви, в основном город заселен потомками старообрядческих семей, вобравших в себя опыт предшествующих поколений.

Значение первых поселенцев для социокультурного описания города велико еще и потому, что в малых городах наблюдается преемственность ремесленных традиций. Восстанавливается и сохраняется только то, что было заложено предками, инновации крайне редки. Чтобы проиллюстрировать утверждение, воспользуемся тем же примером. Городец известен как центр народных промыслов, в том числе глухой резьбы по дереву и городецкой росписи. В настоящее время прикладываются значительные усилия для сохранения этих традиций со стороны администрации, в то же время значительное количество мастеров успешно работают и без

поддержки органов власти (Социальная антропология современного российского города 2010: 210). В ближайшем Заволжье, на расстоянии всего десяти километров нам не удалось найти ни одного мастера, дома не украшены резьбой, не удалось также увидеть ни одной квартиры или дома, где были бы предметы, украшенные городецкой росписью.

Второй возможный показатель для составления социокультурного портрета города это характер застройки города. Посмею утверждать, что малые города России можно поделить на два типа: города, в которых преобладает частная застройка (частный сектор), и в которых преобладают многоэтажные дома блочного типа. Понимая, что в научном кругу существует негативное отношение к связи типа жилья и типа личности, проживающем в этом жилье, все же приведу слова рядовых горожан, говоривших об этом: «Здесь (в Городце) никакие общественные движения невозможны, тут же каждый закроется у себя на участке, и ничего ему не нужно», «Неужели можно променять жизнь в своем доме на подъезд? Вонючий, загаженный... Здесь я закрыла ворота, и здесь все мое», «Жизнь в большом доме, она объемная. У меня есть двор, у меня есть подвал, у меня есть чердак, у меня есть основное жилье. Я перемещаюсь между ними, и мне никогда не бывает скучно» (ПМА 1). Кроме того, мне приходилось наблюдать принципиально разное отношение к внешнему и внутреннему наполнению и оформлению своего жилища.

Как часто нам приходится видеть свежевыкрашенный фасад, окна с наличниками частного дома («окна без наличников, они какие то голые...» (ПМА 1)) и свалку мусора на заднем дворе того же дома! Словно бы для жителей частного дома очень важно быть красивыми с внешней стороны. В то же время, крайне редко можно встретить заботу жителей многоквартирного дома о состоянии палисадника и никогда — о внешнем виде своих окон. Представить наличник на окне пятого этажа невозможно. Вся творческая энергия по созиданию красоты собственного жилья тратится на его внутреннее наполнение. И пусть я стану объектом критики, но рискну утверждать, что тип дома, в котором живет человек, будет влиять на такие свойства личности как интровертность и экстравертность.

Есть и второй важный момент, напрямую вытекающий из характера застройки города. Во-первых, малые города, где преобладает частный сектор, занимают гораздо большую площадь, нежели города той же численности, но многоэтажной застройки. На уровне повседневных практик это отражается в невозможности пересечь город пешком и значит в необходимости предпринимать дополнительные усилия для посещения, например, центра города жителями его окраин.

Наконец, важнейшее обстоятельство, связанное с характером застройки города, это наличие подлинных общественных пространств. О значении общественных пространств написано много (см., например, обоб-

щающую статью А. Желниной «Публичное пространство в социологии города»: Желнина 2009), главное, что эта территория открыта и активно используется всеми жителями города. Наличие подлинных общественных пространств обеспечивает контакт представителей разных слоев жителей города и сообщает городу целостность. В противном случае может возникнуть ситуация, услышанная автором от одного из горожан: «Да в этом городе поговорить не с кем, здесь вообще одно быдло живет, я вот когда в *рюмочную* хожу, только таких (алкашей) вижу» (ПМА 1). Человек, слишком часто навещающий *рюмочную*, как, впрочем, и любое другое место, может увидеть только постоянных посетителей этого заведения или предприятия. Чтобы увидеть других людей, нужно общее место. Наследие советского периода оставило в каждом посещенном нами городе след в виде центральной площади, где в 90 % случаев до сих пор стоит памятник В. И. Ленину. Интересно, что в тех же 90 % эта площадь не является общественным пространством. Есть ли такое общественное пространство в городе, и какое физическое воплощение оно имеет, предсказать заранее невозможно. Любопытен пример города Темрюк Краснодарского края, где единственный на весь город большой парк и прилегающая к нему площадь перестали быть общественным пространством в результате проводимой политики. Постепенно молодежь, всегда проводившая в парке свободное время, переместилась в станицу Голубицкая,

расположенную в нескольких километрах от города. Парк превратился в места прогулок мам с маленькими детьми, а представителей старшего поколения, как и туристов, не видно вовсе. В городе Богородицке Тульской области единственный большой парк расположен вокруг усадьбы графа Бобринского и используется преимущественно туристами (возможно потому, что располагается парк на горе и идти к нему, особенно зимой, по скользким и не вычищенным дорожкам просто опасно). А в Городце есть несколько зон, которые могли бы претендовать на роль общественных пространств, например, большая площадь между монастырем и администрацией, прилегающий к ней парк. Но подлинную функцию общественного пространства несет набережная реки Волга, где собирается молодежь, гуляют мамы с детьми, проводят время с удочкой пенсионеры, приезжают молодожены, чтобы сфотографироваться, гуляют туристы, здесь же в день города собираются все жители, чтобы посмотреть на историческую реконструкцию — высадку на берег князя Юрия Долгорукого (основателя города) с дружиной. Общественными пространствами могут также служить и заведения общепита (кафе и рестораны), поэтому их тоже необходимо рассматривать и описывать.

Третий, задуманный мною критерий, позволяющий проникнуть во внутреннее устройство жизни города, звучит так: количество местных общественных организаций на количество жителей. Важно, чтобы в

исследовательское поле попадали действительно местные объединения, являющиеся следствием реализации потребностей местных жителей и их активной жизненной позиции. Из подсчета, на наш взгляд, должны быть исключены общероссийские организации, имеющие свои филиалы практически во всех населенных пунктах и потому не способные стать зеркалом локальных особенностей. К общероссийским общественным организациям относятся: Общество инвалидов РФ, Общество ветеранов, политические партии и т. п.

Это единственный показатель, который может быть представлен в цифрах, однако его не так просто вычислить. Локальные объединения далеко не всегда являются официально зарегистрированными юридическими лицами и информацию о них необходимо искать по косвенным признакам и во вторичных источниках, чаще всего в местных газетах и объявлениях. В ходе работы нам приходилось встречаться с такими местными организациями: Клуб любителей краеведения, «Нет бездомным животным», Духовой оркестр, Дамский клуб «Леди», Объединение любителей рукоделия «Параскева», Шахматный клуб, Объединение любителей археологии, Вольное казачье общество и др. Мне кажется принципиально важным, что в городах появляются объединения, имеющие самоназвание (а значит, высокую степень осознанности своей деятельности) и выходящие в публичную сферу. В качестве анти-примера приведу часть интервью с молодым фотогра-

фом, приехавшим в город Темрюк из Белгорода, но планирующим переехать в Краснодар: «В Белгороде у меня было объединение фотографов, мы обменивались опытом, информацией. Было здорово. Когда я приехал сюда (вслед за девушкой), я снова попытался сделать что-то подобное, но у меня ничего не получилось. Фотографы есть, а общаться не хотят. Надо уезжать... А то так завязнешь...» (ПМА 3).

К общественным организациям относятся в нашей стране и религиозные объединения. Вопрос о способе включения религиозных организаций в социокультурный портрет — один из самых сложных для нас. Вероятно, целесообразно рассматривать ситуацию в каждом городе максимально подробно. Дело в том, что степень влияния русской православной церкви на самосознание жителей города сильно зависит от личности настоятеля храма или епископа. Так, расположенные на территории города Гороховец монастыри на момент исследования (2010 год) практически являлись закрытыми для жителей города и не старались активно включиться в формирование городской среды. Напротив, в Городце активность настоятеля монастыря, а позже епископа Городецкого, направлена за стены монастыря, что выражается в таких нестандартных для современной РПЦ мероприятиях как: лекция о значении поста в зале краеведческого музея, организация Народного университета, участие в праздновании Дня города. С другой стороны, жители города не готовы

относиться к церкви как к влиятельному институту городского развития. Например, одна из информанток рассказывала, что чувствовала себя на исповеди как на собеседовании: «Меня подробно расспрашивали, кем я работаю и что делаю... Не пойду больше туда». Отношение к батюшке выражается категориями «настоящий» и «ненастоящий». Та же информантка: «Я пойду в церковь в Бриляково (деревня недалеко от Городца), там батюшка настоящий...» (ПМА 1).

Русская старообрядческая церковь представлена в очень небольшом количестве городов, еще реже встречается мусульманская мечеть и единоверческая церковь (подчеркну, что мы не изучали города, расположенные на территории республик). Поэтому, в случае если такие организации имеются, важно их описывать и включать в социо-культурный портрет города.

Открытым пока для нас остается вопрос об описании иных церквей. Наиболее часто в малых городах России встречается баптистская церковь. В одном из изученных нами случаев она играла одну из ведущих ролей в организации культурной жизни города Унеча (личное сообщение М. И. Драмбяна). Чаше количество прихожан баптистской церкви невелико, ограничивается несколькими десятками человек, что в масштабах города не имеет слишком большого значения. Однако для баптистов характерно функционирование по сетевому принципу. Нередки случаи смены места жительства по направлению церкви. Такие истории мы встре-

чали в Городце, Темрюке, Заволжье. Люди, включенные в жизнь церкви, чувствуют себя не привязанными к одному месту, чувствуют связь с братьями по всей стране. В то же время баптистская церковь активно занимается реабилитацией социально-опасных личностей: наркоманов, алкоголиков (ПМА 3). Вероятно, исключить их из описания было бы неверным.

Четвертый пункт в описании города — это вербализованный образ города. Возможно, этот пункт мог бы быть первым. Почти в каждом городе есть краткая формула, в которой сосредотачивается представление жителей о своем городе. Например, жители Тарусы, небольшого городка на берегу Оки в Калужской области говорят о нем так: «Таруса – это же ТА Русь», вкладывая в эти слова представление о правильной, исконной Руси. Для Богородицка местные активисты придумали формулу «Богородицк — тульский Петергоф», рядовые жители же говорят так: «Богом забытое место». На въезде в Городец долгое время висела растяжка со словами: «Добро пожаловать в древний Городец», в соседнем городе, Заволжье, та же самая районная администрация повесила растяжку, выполненную в том же графическом стиле: «Заволжский моторный завод. Добро пожаловать». Такие фразы — как эпитафия, небольшая формула, дающая возможность настроить исследовательский фокус.

Пятый пункт в портрете, это ответ на вопрос кто управляет городом. Здесь важно узнать, является ли

глава местным жителем, одобрена ли его кандидатура большей частью населения. Или же управление городом сосредоточено в руках пришлого человека, чья позиция обусловлена политическим влиянием. Если это местный житель, какие группы за ним стоят: родственные, профессиональные, криминальные или какие-то иные. Так, удручающее положение в городе Гороховце Владимирской области некоторые его жители связывали с фигурой главы района, которой многие годы безуспешно пытался противостоять глава города. Глава района состояла в родственной связи с губернатором Владимирской области (они сват и сватья) и потому ее положение было непоколебимо (по информации, полученной от жителей города).

Наконец, есть еще целый ряд показателей, которые могут помочь дополнить картину города, но которые не являются системообразующими в рамках города.

Это, например, степень проникновения в жизнь города москвичей (людей из Московской области). Или шире – близость Москвы и степень влияния на жизнь города. Например, в расположенном в 200 километрах от Москвы городе Богородицк большая часть жителей уезжает на заработки в Москву, в результате нередко встречаются семьи, где отец находится на заработках, а мать воспитывает детей и ведет хозяйство. Значительная часть молодежи также уезжает в Москву учиться и крайне редко возвращается (что, конечно, связано не

столько с близостью Москвы, сколько с общим депрессивным состоянием города). Примерно на таком же расстоянии от Москвы расположен город Таруса, однако это совершенно иное место. Это город дачников, в основном москвичей. Постоянная численность жителей города не более 10000 чел., в летний сезон она возрастает в разы. В таком режиме город существует уже не меньше века, с той поры, когда здесь обосновалась семья Цветаевых. Здесь жили такие известные дачники как: В. Э Борисов-Мусатов, Н .П. Крымов, К. Г. Паустовский, Н. А. Заболоцкий, С. Т. Рихтер и многие другие художники, писатели и ученые. Сегодня известные люди в мире культуры лично озабочены текущими делами города. Например, муж Беллы Ахмадулиной Б. Мессерер прилагает значительные усилия для строительства памятника поэтессе недалеко от памятника Марине Цветаевой и Паустовскому, тем самым формируя единую зону вдоль крутого берега Оки. Москвичи имеют большое значение и для постоянного воспроизводства среды художников, которая сложилась в городе. Полевые данные показали, что в этом небольшом местечке проживает более полусотни художников, основными заказчиками которых являются москвичи-дачники, приезжающие на летний сезон (ПМА 2). Именно в это время устраиваются многочисленные выставки-продажи, город наполняется уличной активностью. Интересно, что такая ситуация провоцирует превращение в художников людей неюношеского воз-

раста. Например, одна наша собеседница стала художницей в пенсионном возрасте, когда выросли уже ее внуки.

Вообще вскользь можно заметить, что москвичам словно бы мало становится своего родного города. Степень их проникновения в жизнь российской провинции только возрастает (см., например: *Нефедова* 2012), и если в городе нет москвичей в той или иной форме, скорее это свидетельствует о том, что в городе что-то не в порядке. В Городец и Заволжье москвичи приходят с идеями крупного и не очень бизнеса. Например, в 2013 г. ведется строительство нового коммерческого многоквартирного дома московской инвестиционной компанией.

Интересна ситуация и в Темрюке. Темрюкский район, расположенный на берегу Азовского моря, является новой, еще недостаточно освоенной территорией для туризма. Москвичи появляются не только как туристы, но и с проектами строительства малых гостиничных комплексов, а также с проектами в сельскохозяйственной сфере, в частности в виноделии. Интересно, что являясь центром туристического района, Темрюк не является туристическим городом. Причина не только в том, что город стоит не на море, но и в том, что администрация города целенаправленно принимает меры, чтобы туристическая жизнь не проникала в город. Поэтому для москвичей Темрюк — это админи-

стративный центр региона, в котором они стремятся обосноваться.

Неожиданную информацию можно получить, изучая интернет-пространство в разрезе местной жизни. Предварительные исследования показали, что даже в самых депрессивных местах формируются группы активистов, пытающихся улучшить жизнь в городе. Бывает и так, что эти активисты не являются постоянными жителями города.

Крайне интересно, как местная администрация интерпретирует историю региона, с опорой на какие периоды истории выстраивается локальная идентичность. Например, в Темрюке наиболее актуальным оказался казачий период — из более чем тысячелетней истории региона. А в Городце вольно или невольно замалчивается значение старообрядцев в развитии города, но сохраняется преемственность с советской историей. Например, в 2005 г. была заложена липовая аллея, посвященная 85-летию ВЛКСМ.

Важным, но, пожалуй, одним из самых сложных для сбора информации показателей, может стать способ решения конфликтных и спорных вопросов на уровне города. Для иллюстрации приведу пример из Городца. Смена главы администрации района, которая имеет гораздо большее значение в жизни города, чем городские власти, была так прокомментирована жителями: «Он довольно пожилой, управлял здесь в девяностые годы и теперь с теми же идеями пришел. Но здесь

уже так не получится, не пройдет». В ответ на решение главы администрации поднять цену на муниципальную землю, жители города подали на главу в суд.

Может оказаться интересным и изучение тенденций профессиональной ориентации молодежи. Это словно некоторая обращенность в будущее, выраженная в сегодняшних планах и мечтах молодежи. По свидетельству коллег, изучавших город Гусев в Калининградской области, лучшим вариантом устройства своей жизни молодежь считает поступление в ряды российской армии, карьеру военного. В то время как в Городце преобладающей мечтой является открытие собственного дела. Пусть маленького, например, маникюрного салона, но непременно чтобы работать на себя. А в Богородицке основное желание молодежи — уехать в Москву и закрепиться там.

Все вышесказанное отнюдь не означает, что социокультурное описание должно быть лишено таких показателей, как уровень безработицы, наличие крупных работодателей, демографические тренды, географическое положение. Все это важные характеристики, однако им, на наш взгляд, должно быть уделено меньшее внимание в антропологическом описании города.

Итак, нами предложены пять основных и пять дополнительных показателей, на основе которых мог бы быть составлен социокультурный портрет малого российского города.

Основными показателями, на наш взгляд, могут стать следующие:

1. Социокультурный уровень первых поселенцев;
2. Характер застройки города (преобладание частной застройки (частного сектора) или многоэтажных домов блочного типа; наличие подлинных общественных пространств);
3. Количество местных общественных организаций на количество жителей (в том числе религиозные объединения);
4. Вербализованный образ города;
5. Ответ на вопрос, кто управляет городом.

Дополнительными показателями являются:

1. Степень проникновения москвичей в жизнь города;
2. Тенденции в сфере профессиональной ориентации молодежи;
3. Пути построения локальной идентичности (с опорой на какие периоды истории);
4. Существующие способы решения конфликтных и спорных вопросов на уровне города;
5. Интернет-пространство в разрезе местной жизни.

Закономерен вопрос о методах, которыми эта информация может быть собрана и о сроках, необходимых для получения этих данных. Каждая из этих тем может стать основой для полноценного исследования. Поэтому я хочу еще раз напомнить, что такой портрет

может быть использован, прежде всего, для представления антропологического подхода в изучении города внешнему зрителю. Такой взгляд будет интересен туристу, инвестору, управленцу. Для профессионального антрополога этот портрет может дать первичную картину, на основе которой данные по более узкой теме будут легче поняты и интерпретированы.

Такой подход был апробирован нами летом 2013 г. Перед нами стояла узкая задача исследования стратегий выбора жизненного пути представителями молодого поколения в городе Темрюке. Впервые оказавшись в этом месте, первые три дня мы полностью посвятили сбору общей информации о городе. В течение последующей работы мы получали дополнительные данные.

Наш коллектив из трех человек легко собрал необходимую информацию в течение недели. Мы применяли классические социоантропологические методы: наблюдение, интервью, работа с письменными источниками. Источниками информации служили не только жители города, местная пресса, официальные данные, но и сама городская среда (определение городской среды см., например: Глазычев 1984, Абрамян 2011).

В качестве иллюстрации приведу пример из другого города, Гороховца Владимирской области. Как уже упоминалось выше, в момент исследования там шла серьезная политическая борьба между главой района и главой города. Поскольку местная пресса находилась

под контролем главы администрации, информации о положении дел туда просачивалась крайне редко. Однако гуляя по городу, мы увидели надпись крупными буквами на асфальте, которая содержала слова поддержки главе города (это было прямое адресное обращение), что стало отправной точкой для выяснения ситуации в городе.

Нам представляется, что такой социокультурный портрет может быть составлен только людьми, владеющими качественными методами исследования, поскольку обязателен выезд на место, обязательны навыки установления доверительного контакта с самыми разными представителями городского сообщества, важно умение выделять ключевые моменты в речи собеседника, и, наконец, необходимо находиться в пространстве гуманитарной науки для адекватной интерпретации полученной информации.

Предложенный социокультурный портрет может быть составлен только для городов с относительно небольшой численностью, и не может быть переложен на средние и большие города.

Литература:

Абрамян 2011 — Абрамян Г. П. Современная городская среда как фактор влияния на социокультурную ситуацию // Материалы международной юбилейной научной конференции «Россия и Кавказ». Владикавказ, 6-7 октября 2009 г. С. 321–324.

Глазычев 1984 — Глазычев В. Л. Социально-экономическая интерпретация городской среды. М.: Наука.

Городецкий район 2011 — Городецкий район: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / [Отв. ред. А.В. Лисицына]. Н. Новгород.

Желнина 2009 — Желнина А. Публичное пространство в социологии города // Портал «Социологические прогулки» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urban-club.ru/?p=89>

Нефедова 2012 — Нефедова Т. Горожане и дачи // Отечественные записки, № 3 (48).

ПМА 1 — Полевые материалы автора, собранные в городах Городец и Заволжье, 2010–2013 гг.

ПМА 2 — Полевые материалы автора, собранные в городе Таруса, декабрь 2012 г.

ПМА 3 — Полевые материалы автора, собранные в городе Темрюк Краснодарского края, июль 2013 г.

Солдатов 2012 — Солдатов А. Современное старообрядчество: сохранение идентичности // Родина, № 12.

Социальная антропология современного российского города 2010 — Социальная антропология современного российского города (итоги полевых исследований). / Ред.: О. Ю. Артемова, Н. А. Антропова. М.: ИЭА РАН.

Филатов 2005 — Филатов Н. В. Городец на Волге XII–XIX веков. Н. Новгород.

Е. П. Батьянова

Политические репрессии советского времени в семейных хрониках Карачева

Резюме: В статье представлены материалы о политических репрессиях советского периода, собранные автором в г. Карачеве. Анализируются устные рассказы и воспоминания об этих событиях, письма, дневники из семейных архивов. Подчеркивается, что устная история конкретизирует официальную версию истории советского периода, наполняет ее новым содержанием.

Собирая материалы по устной истории своего родного города Карачева¹, я встретила там с преподавательницей одного из местных учебных заведений. «Чем Вы сейчас занимаетесь?» — спросила она. «Да вот, записываю воспоминания о сталинских репрессиях в Карачеве» — «А разве они здесь были?!» — искренне удивилась моя собеседница.

Я, конечно, не думаю, что эта женщина-преподаватель, представляющая культурную элиту го-

Елена Петровна Батьянова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН. Эл. адрес: elena-batyanova@yandex.ru

¹ Карачев — один из малых городов Брянской области. О современном Карачеве см.: *Передельский* 2007, *Батьянова* 2013.

рода, никогда не слышала о погромах церквей и монастырей, об арестах, расстрелах и других актах насилия и террора, совершенных советскими властями в Карачеве. Но для нее, как и для многих жителей Карачева и других городов российской глубинки, в толковании этих событий очень устойчив советский стереотип, согласно которому факты насилия и террора, происходившие в стране в 1920-1950-х гг., расцениваются как неизбежное проявление классовой борьбы, как необходимые меры государства по отношению к врагам трудящегося народа, и, кроме того, как события, давно ушедшие в прошлое, о которых не принято говорить.

Таким представлениям способствует и то, что в краеведческих работах по истории малых городов репрессии советского периода, как правило, замалчиваются. В музейных экспозициях отсутствует какая-либо информация о них. В экскурсиях они или вообще не упоминаются, или о них говорится мимоходом.

Факты репрессий до недавнего времени замалчивались и в семьях. Люди старшего поколения, испытывавшие на себе, каково это жить с клеймом «враг народа» или «сын врага народа», старались оградить своих детей от какой бы то ни было информации о преследованиях, гонениях, которым подверглись когда-то они сами или члены их семей. Карачев в этом отношении не отличается от многих других городов России. Мне рассказывал бывший директор школы, сейчас настоятель одного из главных карачевских храмов

о. Тимофей: «Я и не знал раньше, что мой дед в тюрьме сидел. Когда узнал, спросил у матери: “Почему ты нам раньше об этом не говорила?” — “А что об этом говорить? Тогда всех сажали”,» — скупой ответила она. Люди, подвергшиеся гонениям советских властей, многие годы после этого испытывали состояние социального дискомфорта и страха. 56-летний житель Карачева Николай Николаевич Некрасов рассказывал мне: «Бабушку с работы выгнали как жену врага народа... Ее, видно, здорово напугали — она боялась об этом говорить, перед самой смертью только немножко разговорились». Некоторые из родственников расстрелянных, сосланных, раскулаченных старались уверить себя и окружающих, что трагедия с их близкими произошла по ошибке, по нелепой случайности. Так, дочь расстрелянного в начале 1920-х годов священника Василия Смирнова поведала мне семейное предание: «Отца расстреляли, а на другой день пришла телеграмма от Ленина: “Отца Василия не трогать!”».

Воспоминания, семейные хроники современных карачевцев содержат разнообразные сведения о фактах репрессий и на Брянщине, и в других регионах России. Устные рассказы на эту тему дополняются фотографиями, дневниками, письмами и даже записками из тюрем и ссылок, сохранившимися в семейных архивах. В качестве жертв репрессий фигурируют разные категории населения: выходцы из семей «буржуев и дворян», священнослужители, крестьяне, интеллигенция,

военные, советские и партийные деятели, люди, репрессированные по национальному признаку.

Выходцы из семей «эксплуататорских» классов жили в постоянном напряжении, стараясь скрыть свое происхождение, но общество постоянно им об этом напоминало. Так, на вузовском дипломе одного из жителей Карачева (моего родственника) Николая Александровича Гарфа, окончившего в 1918 г. Петроградский лесной Институт, было написано: «Обладатель сего диплома имеет дворянское происхождение». Естественно, что такая пометка предупреждала советских начальников о том, что, принимая Гарфа на работу, они имеют дело с потенциальным «врагом народа». В начале Великой Отечественной войны Н. А. Гарф был осужден на 10 лет по 58 статье — «контрреволюционная деятельность» — помимо непростого происхождения свою роль сыграла и его немецкая фамилия. Вместе с ним отбывала ссылку и его жена Варвара Семеновна. Реабилитирован он был лишь в 1989 г., через 19 лет после смерти (Фото 1).

Жестоким репрессиям подвергались священнослужители. Перед революциями 1917 г. в Карачеве и его окрестностях функционировало 14 церквей. К 1941 г. в городе закрыли все церкви. Был погроmlен и закрыт один из древнейших православных монастырей России — Николо-Одринский, расположенный в семи километрах от Карачева (См.: Черникова 1996). Аресты священнослужителей, начиная с 1920-х гг., происходи-

ли постоянно. В 1938 г. большая группа карачевских священников была расстреляна. Об этих прискорбных событиях вспоминает 87-летняя Мария Федоровна Прудникова — дочь расстрелянного протодьякона Федора Прудникова: «В 1930-м г. в Карачеве еще... многие церкви работали. Была Знаменская церковь... Там отец мой служил с отцом Андреем (протоиерей был Андрей Миловидов)... Потом закрыли этот храм в 1930-м г. ... А у моего отца такой голос был! Он ездил в Москву перед этим, и архиерей хотел его забрать к себе на службу в Москву. Отец не смог поехать — семья большая, шесть человек детей. Вернулся в Карачев (Фото 2).

Перевели его в Михаило-Архангельский собор. Здесь он, может, неделю послужил, и ночью пришли, его забрали. Я все это помню, как будто это вчера было. Как они загремели в дверь. Приехали на машине «черный ворон». К нам пришли двое, но там еще другие в машине сидели. И перевернули у нас все, искали что-то. ... Забрали отца. ... Он... три года пробыл на Севере — валил лес. Приехал ... настолько худой, все торчало, все кости. Стал служить в соборе опять. В 1937 г., в декабре, ночью забарабанили в дверь. Мать выскочила: «Что такое?» Закричали: «Открывай! Что не открываете дверь?» И все такое прочее. Мать открыла, они зашли. Отцу: «Собирайся!» Опять, значит, забирать. Опять всё трусили: каждый журнальчик, каждую книжечку.... Что-то искали. Забрали его. А «ворон»

стоял. Машина черная — «ворон». Ночь была. Мать и говорит мне: «Маша, бежи к отцу Григорию Морозову на Белинскую улицу и скажи, пусть... Мария Ивановна куда-то спрячет отца Григория. Пока забирают нашего отца, пусть он спрячется. Я бежала ночью без оглядки. Постучала: “Кто?” — “Мария Ивановна, откройте. Это я”. Открывает. Спрашивает: “Что ты прибежала ночью?” — “Мама говорит, чтобы Вы отца Григория спрятали куда-нибудь. А то нашего отца забрали опять”. Она: “Отца Григория уже увезли”. В эту ночь забрали всех: отца Григория со Всех Святых, отца Андрея с собора старшего, отца Жаворонкова Вячеслава Николаевича (тоже священником был), дядю моего — отца Ивана (служил на Бережке...) тоже забрали, дядю Володю — маминого брата забрали... (где-то недалеко здесь церковь была)... И монашек забрали... Вот одну помню, а другую не могу вспомнить... Когда отец уже оделся, все мы подбежали к нему, хотели поцеловать его, они на нас: «Вон, щенки! Что подбежали?». И так мы не видели больше его. Увезли, и все на этом дело кончилось. Не говорили, где они, куда их увезли. А уже теперь, когда вот это потепление началось, пришла мне бумага — письмо из КГБ.... Открываю, читаю: «Уведомляем Вас, что Ваш отец 1888 г. рождения расстрелян 25 февраля 1938 г. в г. Брянске». И вот в этот день их всех, священников, расстреляли. ... 20 декабря 1937 г. забрали, а в феврале 1938 г. расстреляли. Вот так кончилась жизнь нашего отца» (ПИМА 2013).

Прихожане карачевских церквей неодобрительно относились к антирелигиозной вакханалии, затеянной большевистской властью. Семьям репрессированных священнослужителей люди помогали как морально, так и материально. Семейные хроники Карачева запечатлели случаи проявления к жертвам режима добра и сострадания: «Отца забрали. ...А у нас что? Шесть человек было детей у матери, я самая маленькая... . Ну и что? Начался голод у нас. ...Есть нечего было. Лежали мы с братцем на печке, а пришла соседка Женя Никитина, говорит: «Что-то я не вижу ни Машу, ни Вову». Мать встала, плачет и говорит: «Лежат на печке, умирают. Есть нечего». Какой день уж мы не ели ничего. Соседка пальто схватила, укрыла меня, укутала, принесла к себе домой, накормила. Потом за Володей пришла. Его накормили. «Что же вы не сказали ничего, хоть бы пришли — чем-нибудь мы с вами поделились бы, а то дети голодные!» Соседи начали помогать: кто кусочек хлеба принесет, кто картошку... Помню, лежали мы на печке. Мать прибежала с улицы: «Ой, дети, я вас сейчас накормлю». Кто-то очистки выбросил на улицу, она их подобрала, принесла, вымыла, поставила варить: «Ну все, слезайте с печки, сейчас я вас буду кормить». Мы слезли с печки. Поставила она эти очистки. Как *узяли у рот*. Вы не представляете. Я даже до сих пор помню горечь эту, настолько они горькие были. «Мамочка милая, мы не можем это есть, они горькие». Мать заплакала: «Что же я буду делать?»... И мы

заплакали... В соборе (отец там немножко послужил) приход был большой, в него входили все ближние деревни: Песочня, Мальтино, Аксиньино, Сумароково, Подсосонки. И вот женщины пришли к нам (какой-то праздник был). Говорят матери: «Петровна, пошли с нами в деревню. Мы картошки соберем и привезем тебе картошку». Мать пошла с ними. Собрали мешка два нам картошки, и мужчины привезли её на лошади. Мать, бывало, по две картошечки чистит, супчику жиденького сварит. По кусочку хлебушка понадавали ей». (М. Ф. Прудникова — ПМА 2013).

Надо сказать, что многие репрессированные священнослужители проявляли удивительную стойкость, верность своим убеждениям и своему делу. Вот карачевский священник Дмитрий Семенович Нефедьев. Его неоднократно арестовывают, ссылают. От него отрекается дочь. Но он упорно возвращается к своим занятиям. В конце 1940 — начале 1950-х гг. он служил сразу в нескольких храмах Карачева (некоторые храмы были открыты в период немецкой оккупации и продолжали работать до начала хрущевской антицерковной кампании), был благочинным, то есть старшим священником в городе. «Он такой шустрый-шустрый был, — рассказывает М. Ф. Прудникова.— Помню, что уже собор наш был закрыт, церкви были закрыты, а он ходил в церковь Всех Святых на самой окраине. Бегал быстро-быстро, как метеор» (Там же).

Вера давала священникам мужество достойно вести себя и в тюрьме, и в ссылке. В дневнике карачевского агронома Петра Васильевича Цитовича, отбывавшего ссылку в Северном крае, есть запись, где упоминается группа сосланных на Север стариков-священников (см. ниже). Несмотря на физическую немощь, они полны духовных сил. Священники облагораживали среду, внося высокое духовное начало в тягостный быт ссыльных, где царили жестокость и смерть².

Все же некоторые из священнослужителей не выдерживали гонений и, чтобы обезопасить себя и свою семью, порывали с церковью. Таковым, например, был карачевский священник Феофил Лавров, служивший в годы войны и после нее в Введенской церкви Карачева. Лавров публично отрекся от священного сана и уехал в поселок Белые Берега, где некоторое время работал на бумажной фабрике, но затем снова вернулся в лоно церкви и принял сан священника³. Отказывались от своей профессии и другие служители церкви: «У врача

² Примечательно, что беллетризованные дневниковые записи П. В. Цитовича, сделанные в ссылке, так и называются — «Смерть кругом» (Архив Батьяновых).

³ Сведения о священнике Феофиле Лаврове мне любезно предоставил о. Тимофей (Алексей Алексеевич Елецкий) — настоятель храма Николая Чудотворца в Карачеве. Отец Тимофей проводит архивные изыскания по истории карачевских церквей в советский период.

О. Ф. Н. муж был священником, потом стал учителем». (ПМА 2013).

В 1930-е годы в стране махровым цветом расцвело доноительство. К сожалению, оно не обошло стороной и церковь. Некоторые из священнослужителей, сотрудничая с карательными органами власти, писали доносы на своих сослуживцев. По убеждению верующих карачевцев, таких доносчиков обязательно постигала божья кара: «Ефим П. тоже был священником, но написал донос на своих же... Видимо, хотел выслужиться, славу себе какую-то заработать. Но Бог его наказал. Когда церкви закрыли и начали колокола снимать, он тоже полез на колокольню и упал. А высота какая была! Страшная высота! И вот он упал с колокольни этой и сломал себе позвоночник. Так и умер. Все тогда говорили: “Бог его наказал за то, что он предал всех священников”». (М. Ф. Прудникова — ПМА 2013).

Потомки раскулаченных крестьян, проживающие в Карачеве, очень сдержанны, многие из них не склонны рассказывать о репрессиях, о разорении и унижениях, которые пришлось испытать их близким. В душах некоторых из них до сих пор живет обида на власть, на все общество, которое допустило такую несправедливую жестокую акцию, как раскулачивание. О жизни в деревне начала 1930-х годов рассказывает 90-летняя свидетельница коллективизации Евдокия Адриановна Заломаева : «У нас в деревне жила семья, не скажу, что богатые они были. Но их сослали на ссылку куда-то

далеко, в леса. Богатых туда отправляли при Сталине. Все забрали у них. Потом еще поселок рядом с нашей деревней был. Там тоже семья жила. У них пятеро детей. Посадили всех зимой на лошадь и отправили в Сибирь. Жестоко тогда Сталин расправлялся, гад. ... Все зерно отбирал из колхоза, на трудодень почти ничего не давали. ... Голодные мы были, страшное дело. Господи! Сколько людей *поумерло* с голоду. ... Тут еще один год жара невозможная была, даже картошка не выросла. Совершенно нечем было кормиться. Рвали клевер — хлеб пекли, почки с липы ели. Травами жили. Крепко плохо было. Не дай Бог, как люди жили!» (ПМА 2013).

В 1930-е годы репрессии обрушились не только на крестьян, но и на многих специалистов сельского хозяйства: агрономов, землеустроителей и других аграриев. В 1932 г. был арестован мой дед, агроном и преподаватель Карачевского сельскохозяйственного техникума, автор книг и учебников по коноплеводству Петр Васильевич Цитович. (Фото 3). Пребывая в ссылке в селе Емецк Северного края (современная Архангельская область), он и там продолжал свои коноплеводческие исследования. Вот выдержка из его письма от 26.2.1934 г. жене Цитович Галине Александровне: «Ты радуешься, что у меня не убит интерес к работе. Нисколько... не убит, даже значительно возрос, п. ч. инстинкт борьбы за существование подгоняет. Мне нужно гораздо больше других знать и уметь, чтобы не быть за

бортом. ... Я списался с Шатиловской опытной станцией⁴ и вчера получил письмо, что мне выслан 1 кг конопля для опытов. Вчера же получил от них и новую литературу по конопле, вышедшую после моего ареста. Обещают снабжать литературой и в дальнейшем. Это обстоятельство меня очень радует, п. ч. всякое проявление человеческого отношения дает новые силы... Кроме работы с коноплей думаю заняться по геологии района — обследовать берега рек, оврагов, сделать описания... Конечно знаю, что встретятся громадные трудности в работе в связи с моим положением» (Архив Батяновых).

В 1937 г. в Карачеве был арестован старший землеустроитель Карл Яковлевич Ягунд. По рассказу его внука Алексея Алексеевича Елецкого, поводом для ареста послужило то обстоятельство, что в районе погибал скот: «Стали искать виноватых: нашли “группу вредителей”, и дедушка в эту группу попал. Некоторых расстреляли. Мои родители ничего не знали о судьбе деда и думали, что его тоже расстреляли. А его выпустили в 1940-м г. и даже путевку дали съездить на юг, на ку-

⁴ Шатиловская опытная станция — один из старейших сельскохозяйственных научных центров России, где работали ведущие специалисты по селекции растений. В настоящее время входит в состав Всероссийского научно-исследовательского института зернобобовых и крупяных культур.

рорт. Это уже при Берии было. В Орловской тюрьме дедушка сидел. Слух в тюрьме потерял, но никогда не рассказывал об этом.... В 1941-м г., когда немцы наступали, в Орловской тюрьме наши расстреляли всех заключенных, всех, кого не успели освободить» (ПМА 2013).

«Чистки», аресты, расстрелы, происходившие в 1930-х гг. в верхних эшелонах власти, не обошли стороной и рядовых ее представителей. Свидетельство тому — рассказ 70-летнего карачевского инженера Игоря Ароновича Левина: «Мой дед Петр Дмитриевич Арцишевский, 1890 г. рождения, работал юрисконсультom на Карачевской фабрике Первого мая. Загребел он в 1938 г. Произошло это так: родная сестра его была замужем за высоким по чинам энкавэдистом в Киеве. Дед то ли в командировку туда уехал, то ли в отпуск. В общем, был там у сестры... . Приехал Ягода в Киев. (Это было в 1936 г., когда Ягоду сменял Ежов). Надо было по этому случаю банкет какой-то делать. Получается, что они (дедова сестра с мужем) на банкет идут, а дед остается дома. «Пойдем с нами!», — деду говорят. Кому-то вздумалось заснять эту компанию с Ягодой. А после ареста Ягоды, когда чистку наводили, нашли фотографию, деда на ней увидали: «А это кто такой?». Обвинили всех в шпионаже по Киевскому военному округу. Всё. В 1938 г. деда взяли, а в 1942 г. он умер где-то на Урале. Всего лишь четыре года прожил в лагере» (Там же).

Кампания по выявлению «предателей» и «врагов народа» с новой силой вспыхнула во время Великой Отечественной войны. Людей арестовывали в это время по малейшему подозрению в «измене Родине». В июле 1941 г. жертвами репрессий в Карачеве стали семь офицеров, в том числе отец И. А. Левина, рассказавшего об этом случае следующее: «Мой отец Арон Яковлевич Левин окончил военное училище в Белоруссии, и его прислали служить в Карачев, на военную базу... В самом начале войны он был арестован. А произошло это так. Сидели молодые офицеры и рассуждали о том, как немцы быстро идут. Упомянули, что у них техника хорошая. Бывший сверхсрочник Соловьев накапал на них — донес, что они хвалят вражескую технику. ... Этого было достаточно. 28 июля был суд — Орловский трибунал. Одного расстреляли, а остальные по 10 лет получили. Расстреляли Левченко Василия... . Он был единственный среди арестованных, кто имел высшее образование — с него и спрос другой» (Там же).

Поводы для обвинения в антисоветской деятельности нередко выглядели весьма неожиданными и нелепыми. Так, репрессированный дед карачевской учительницы Н. М. до ареста (по одной из семейных версий) был врачом-дантистом. Случилось так, что он вырвал больной зуб у двадцатипятилетнего человека, после чего тот умер. По обвинению в антисоветской деятельности врач был сослан на Соловки, но бежал оттуда — «по детям соскучился». Пришел к жене, а «она уже давно от

него отказалась» и тут же выдала его чекистам (Там же).

Устные рассказы карачевцев, письма и дневники репрессированных воспроизводят безрадостную картину жизни людей в ссылке и в заключении.

Об отношении местных жителей Северного края к ссыльным пишет в своих дневниках П. В. Цитович: «Сначала мы обращали на себя внимание просто тем, что были чужие, возбуждали легкий внешний интерес. Потом к нам привыкали. Но некоторые типы, которым доставляло удовольствие поиздеваться над бесправным человеком, отличались способностью точно и безошибочно выделить ссыльного из массы местных жителей» (Архив Батьяновых).

Приведу описание П. В. Цитовичем одного дня его пребывания в ссылке. Это выразительная иллюстрация повседневной жизни ссыльных начала 1930-х гг.: «26 сентября 33 г. всех находившихся на архангельском пересыльном пункте вызвали на наружный двор пункта, выстроили и проверили по списку. Затем по рядам прошел агент и отобрал стариков и негодных к работе. Эта отборка производилась оригинальнейшим способом. Проходя по рядам, он брал каждого за плечи и встряхивал. Крепко державшиеся на ногах признавались годными и ставились отдельно. После такой сортировки пришли два завработами, и один отобрал всех плотников, столяров и других строительных рабочих, а другой забрал остальных «годных» и увел их на погру-

зочные работы. При выдаче людей завработами отделились и направлялись назад на пересыльный пункт рецидивисты (шпана). Нас, негодных к работе, оказалось 17 человек. Тут было пять стариков-священников, два б[ывших]. присяжных поверенных, я и девять стариков-крестьян — белорусов. С нас взяли подписку о том, что мы завтра к 10 ч. утра явимся в комендатуру арх[ангельского] ГПУ..., и объявили, что мы можем уйти с перес. пункта или можем переночевать в бараке вместе с оставленными там рецидивистами. Девять крестьян сразу же заявили, что они будут ночевать в бараке, и пошли туда. Восемь оставшихся не решились ночевать в бараке — мы боялись, что лишимся остатка своих вещей, но и пойти в город без всяких документов на руках было невозможно. Мы попросили, чтобы нам было разрешено переночевать в свободном бараке или каком-либо другом помещении.

После долгих отказов нам разрешили ночевать в сапожной мастерской — маленькой пристройке около бани пересыльного пункта. Мастерская занимала маленькую комнатку с одним окном и печкой. В ней стояло три топчана и небольшой столик с сапожными инструментами. В этой мастерской работал один сапожник-ссылный, тут же и живший. Вместе с этим постоянным жильцом мастерской нас оказалось в ней девять человек. Мастерская была холодная. В стены и одинарное окно сильно дул холодный северный ветер. Наносили дров и начали топить печь.

Места для ночевки распределяли по жребии. Причем шесть человек должны были ночевать на нарах, сооруженных из топчанов и принесенных со двора досок, а остальные трое — на полу.

Сразу же, конечно, между священниками завязались религиозные споры. Трое из пяти оказались благочинными, из них один — обновленец. Я, лежа на нарах, слушал эти споры, и все яснее для меня представлялась примиренческая роль обновленца. Под эти споры я и уснул. Холод не давал спать. Под себя подстилал я брезентовый плащ и байковое одеяло, а накрылся курткой. Было холодно особенно снизу — дуло из-под нар, было холодно и сверху: холод охватывал плохо укрытые плечи. Кругом набросились клопы. Так я и проворочался, как «Марко в пекле», всю ночь. Но вот забрезжила утренняя заря. ... Вместе с зарей поднялся изможденный старик-священник из Вятки и запел: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим». Другие подхватили, и убогую комнату наполнили торжественные звуки. Сегодня был церковный праздник — Воздвижение» (Там же).

И в тюрьме, и в ссылке люди часто подвергались жестокому, бесчеловечному обращению. Родственники советских политических заключенных рассказывали о пытках, которым подвергались «враги народа» в советских тюрьмах. Некоторые возвращались из тюрем с потерей слуха (см. выше), с психическими расстройствами и с крахом доверия к власти в душе. Рассказывает

57-летний житель Карачева Николай Николаевич Некрасов: «Мой дед Марченков Михаил Евминович работал инструктором райкома по сельскому хозяйству..., по району мотался. Первый раз деда арестовали в начале 1930-х гг...., а второй раз — перед войной. Сидел он в Брянске. Здорово ему там досталось. ... Бабушка пыталась доказать, что он не виноват. Дошла до Крупской, ей писала. Чуть ли не ездила в Москву. После этого и ее на работе восстановили, и от него на время отстали. Бабушка рассказывала, что он пришел полуменяемый. Рассказывал ей, как его пытали. Вплоть до психических воздействий, галлюцинации вызывали. Довели до того, что он головой о каменный подоконник бился — пытался покончить с собой. Но выжил. ... Ненавидел он по-черному советскую власть, органически, до судорог. Не знаю, что надо сделать, чтобы идейного коммуниста довести до того, что он возненавидел партию всеми фибрами души» (ПМА 2013).

Заклученные и сосланные «враги народа» погибали не только от голода и болезней. В дневнике П. В. Цитовича упоминается случай, когда трое его товарищей по ссылке, погибли от руки местного крестьянина, который, предположил, что у них есть деньги. Крестьянина арестовали и осудили на три года — жизнь «политических» стоила ничтожно мало. Отец И. А. Левина, осужденный в 1941 г. по 58 статье, на девятом году своего пребывания в заключении был звер-

ски убит уголовником, который «проиграл его в карты».

Советская тюрьма и ссылка разрушали в человеке привычные традиционные, основанные на христианских понятиях представления о жизни и смерти. «С детских лет, — пишет П. В. Цитович, — смерть была для меня священна как по своим обрядам, так и по обстановке. Такую же смерть, со всей отталкивающей обстановкой, я не мог себе и представить. Особенно же было ужасно то, что грубые чувства окружающих людей нисколько не смягчались от присутствия покойника» (Архив Батьяновых).

Нравственные аномалии советской идеологии нарушали преемственность семейной, генеалогической, исторической памяти, родственные и семейные связи. Некоторые люди ради собственной безопасности и благополучия семьи отрекались от своих репрессированных мужей, жен, родителей. Но таких «отказников» было не очень много, и окружающие относились к ним со скрытым презрением. Все же часть старшего поколения жителей Карачева весьма положительно оценивает советский период в истории страны и города и к жертвам репрессий относится без особого сочувствия и с долей осуждения: «Раз забрали, значит — было за что». У некоторых людей мне так и не удалось получить какие-либо сведения об их опальных родственниках. Тем не менее, даже те материалы, которые удалось собрать в Карачеве за короткий период, свидетельствуют, что

устная история, дополненная документами из семейных архивов, конкретизирует, восполняет, а порой и переписывает заново конъюнктурную официальную версию советской истории, воссоздает ее недостающие страницы, иллюстрируют ее живыми портретами людей, реальными событиями их жизни. Исследования, связанные с темой «Советский период в устной истории Карачева» будут продолжены.

Литература и источники

Архив Батьяновых — Семейный архив А. П. и Е. П. Батьяновых. Документы и фотографии 1911–1934 гг.

Батьянова 2013 — Батьянова Е. П. Карачев // Мы здесь живем: Социальная антропология малого российского города / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Изд-во РГГУ. С. 400–452.

Передельский 2007 — Передельский Л. Д. Карачев. Брянск: Дебрянск.

ПМА 2013 — Полевые материалы автора, собранные в г. Карачеве в 2013 году.

Черникова 1996 — Черникова О. А. Разрушение Карачевского Одрино-Николаевского монастыря (1920–1930 гг.) // Страницы истории Карачева. Брянск: Земля Брянская.

С. Златанович

**Дискурс послевоенной повседневности:
сербский анклав в городе Гнилане (Косово)**

Резюме: Статья основана на полевых исследованиях сербской общины г. Гнилане в 2006 г. в рамках всеобъемлющего многолетнего изучения юго-восточного района Косова, а в последующие годы также и работы среди лиц, переехавших из данного района в другие города Сербии. Исследование было направлено на выявление соотношения этнической и других форм коллективной идентичности.

В основе работы лежат полевые исследования сербской общины юго-восточного Косова, которое является частью более обширной области, известной под названием Косовское Поморавье. Концепция исследования заключалась в обследовании сети населенных пунктов (локалитетов) (*Hannerz* 2003: 21, 25; *Hannerz* 2003a), поскольку в фокусе находилась ситуация миграции. Исследуемая сербская община распалась на две части: на жителей, оставшихся в Косове, и на тех,

Саня Златанович — доктор этнологии и антропологии, научный сотрудник Этнографического института Сербской академии наук и искусств, Белград (Сербия). Эл. адрес: szlat@eunet.rs; Sanja.Zlatanovic@ei.sanu.ac.rs

кто переселился в Сербию. Причем значительно число тех членов общины, которые «и здесь, и там». Наша работа охватывала анклав Витина (его, помимо одноименного городка, составляют села Врбовац, Грнчар, Бинач, Клокот и Могила), затем региональный центр — город Гнилане — и его окрестные села (Шилово, Горнье-Кусце, Партеш, Пасьяне, Горњи-Ливоч). В исследуемую группу входили также переселенцы с территории Косовского Поморавья в городах Смедерево, Вранье и Враньска-Баня (Сербия). Экспедиции проводились в 2003–2006 годах, но наблюдения за динамикой происходящего в данной общине продолжают по сей день. Целью исследования является наблюдение за тем, как в контексте существования, глубоко измененного после событий 1999 года и введения протектората ООН, трансформируются соотношения между этничностью и другими формами коллективной идентичности (религиозной, региональной, местной, гендерной...) сербской общины юго-восточного Косова⁵.

В центре внимания данной статьи будет небольшой сербский городской анклав в городе Гнилане — в этот региональный центр я приезжала неоднократно в течение 2006 года.

* * *

⁵ Часть результатов исследования опубликована в *Златанович 2005, Златанович 2008, Златановић 2011, Zlatanović 2011* и др.

Согласно местной (общинной) переписи населения 1927 года, в городе Гнилане проживало 7 215 человек, из которых «41 % сербов, 27 % турок, или турецкоговорящего населения, 15 % арбанасов и 15 % цыган» (*Урошевић* 1931: 50). В период после Второй мировой войны происходит резкий скачок как численности населения в Гнилане в целом, так и доли его жителей-албанцев. По переписи 1981 года число жителей Гнилане возросло до 35 229, и из них — 25 619 албанцев, 5 644 серба и других (*Popis* 1991: 321)⁶. Результаты переписей населения показывают, что во второй половине XX века численность сербской общины не претерпевала значительных колебаний (4500–5500 человек), в то время как происходил резкий рост количества членов албанской общины⁷. С июня 1999 года сербское и прочее неалбанское население резко и в массовом порядке начинает покидать город. Черед второй, более крупной волны переселений наступает после 17 марта 2004 года. В 2006 году, во время моего пребывания в

⁶ Последняя государственная перепись населения, которую Югославия проводила в Косове, состоялась в 1991 г. Албанское население ту перепись бойкотировало.

⁷ Из-за своей неопределенности многие группы в Косове не подходили под жесткую систему официальной статистики, соответственно они неминуемо оказывались подвергнутыми статистической ассимиляции (*Duijzings* 2000: 151). Эта одна из причин, по которым Косово рассматривается исключительно через призму сербско-албанских отношений.

Гнилане, в нем проживало около 50 сербов. Согласно последним наблюдениям, сербская община там насчитывает всего 37 членов, причем наблюдается тенденция ее дальнейшего уменьшения (Стоильковић 2009: 124).

* * *

В период военных столкновений 1998—1999 годов в Косове в Гнилане и его окрестностях было значительно меньше разорений домов и насилия, чем в других частях края, и эта территория считалась одной из самых мирных частей Косова (OEBS 2004: 200; OEBS II 2004: 3). В этом районе сербское население проживало компактно в крупных селах, поэтому незаконное воинское формирование «Освободительная армия Косова» (ОАК) не могло здесь внедриться и использовать аграрные районы в качестве своих баз. Кроме того, Гниланский округ был удален от путей, по которым ОАК получала оружие (Там же). Однако начиная с июня 1999 года — после окончания вооруженных столкновений и введения международного протектората — ситуация резко ухудшилась. В отчетах о соблюдении прав человека, датированных июнем, июлем и августом 1999 года, преобладают сообщения об убийствах, похищении людей и сожжении домов (OEBS II 2004: 3). До 20 июня 1999 года в Гнилане был разрушен всего один дом. К концу октября того же года в Гнилане было сожжено или уничтожено 280 домов (Там же).

После подписания представителями международного сообщества и СР Югославии соглашения от 9 июня 1999 года югославские и сербские полицейские, военные и военизированные части отошли из Косова. В вакууме, возникшем после их отхода, вплоть до прибытия представителей международных сил безопасности и позднее сербское и прочее неалбанское население подвергалось безнаказанному насилию. Информанты описывают тот период как «ужасный»: члены ОАК, передвигаясь по городу, запугивали, убивали, похищали оказавшихся на улице неалбанцев (сербов и представителей различных ромских групп) и жгли их дома. В Гнилане сербы до конца 1999, да и в течение 2000 года не рисковали выходить на улицу. В течение же нескольких лет после вооруженного конфликта они жили, по их словам, как под домашним арестом. Ежедневно семьи бросали свои дома. Магазины, хозяевами которых были сербы, пустели и закрывались. Домашние запасы продуктов становились все более скудными. Оставшиеся сербы встречались по домам друг у друга. Поскольку на улицу они не смели выходить, постольку благодаря сохранившейся старинной системе *капиджик* (небольшая запасная калитка между соседними домами во внутренней части забора)⁸ им удавалось ходить друг к другу в гости. В сложный период 1999 года таким образом — проходя из двора во двор

⁸ Сербск. *капицик* — балканский турцизм (Петровић 2012: 174).

через *капиджики* — сербы могли прийти от дома в центре до дома в верхней части города.

Во время моего приезда в Гнилане сербы решались выйти из дома только по какому-либо конкретному делу. По праздникам они ходят на литургию в церковь, с которой очень крепко связаны. Активно общаются друг с другом. Собираются вместе на «крестных славах»⁹. Как сформулировала одна моя собеседница: «Ходим все ко всем». Она объяснила, что до войны ее семья жила среди узкого круга родственников и друзей, а теперь она дружит со всеми оставшимися сербами. На «крестную славу» им звонят родственники, переселившиеся в Сербию, чтобы их поздравить, и интересуются, есть ли у них гости, а они отвечают, что теперь в гости приходит больше людей, чем раньше.

Сербы из окрестных сел и деревень стали приезжать в Гнилане только по прошествии нескольких лет после вооруженных столкновений. Они доезжают только до центра города, до той его части, где расположена церковь св. Николая. Там они отставляют машину, покупают все необходимое в близлежащих магазинах, в аптеке и, не задерживаясь, быстро возвращаются назад. Возле храма св. Николая работает маленький сербский рынок, на который по вторникам и четвергам привозят

⁹ Сербск. *крсна слава* — день святого покровителя отдельно взятой семьи или целого рода (по мужской линии) у верующих Сербской Православной Церкви.

свои товары крестьяне. В такие дни работает автобусное сообщение, связывающее круговым маршрутом села и деревни с городом. Из-за низких цен на этот рынок приходят и отдельные покупатели-албанцы.

Во время моего пребывания в Гнилане сербы, которые здесь остались, в основном компактно проживали в центре города. Все они надеялись, что обстановка успокоится и нормализуется повседневная жизнь, были полны решимости не продавать свои дома и остаться жить в Гнилане. Однако их самих оставалось так мало, что организовать повседневную жизнь им было очень трудно. В городе произошли большие и резкие изменения как в плане политики, так и территориальной конфигурации. Очень много членов сербской общины переселилось отсюда, и в их дома въехали в основном незнакомые оставшимся сербам албанцы, так что Гнилане перестал быть тем городом, в котором его сербские жители выросли, который они знали и любили. Поскольку сербов здесь осталось мало, моя собеседница средних лет говорит, что если вдруг кто-то из них умрет, то в тот момент может не оказаться подходящего человека, чтобы подготовить покойника к похоронам: некоторые из сербской общины стары и слабы, а молодые женщины не должны бы этим заниматься и др. На сербском кладбище в Гнилане очень много разрушений. С 1999 года усопших гниланцев хоронят в пригородном селе Шилово. «Нашего города больше нет» — эту фразу я слышала много раз в обществе гни-

ланцев. Поскольку их Гнилане — исчезнувшая вселенная, то они тщетно пытаются продать свои дома албанцам и переехать в Сербию. В разговорах, в которых участвовало несколько человек, с упреком повторяли, что если бы сербы остались в Гнилане в большем количестве, то могла бы восстановиться хорошая жизнь. Но не выдержали они трудного периода, продали дома и переселились. Вот теперь и те, что остались, вынуждены уезжать. Некоторые из информантов выказывали понимание поступка тех своих земляков, кто из-за страха покинул Косово, но отнюдь не тех, кто продал свое имущество.

В 1999 году в Гнилане, Витине и в других местах стратегического значения албанцы покупали сербские дома по невероятно высоким ценам, предлагая за них такие деньги, которые сильно превышали реальную стоимость конкретной недвижимости. Многие из моих собеседников отмечали, что албанцы такими стратегическими покупками «проводили зачистку территории». Быстро росло число проданных домов, и таким образом сербская община осталась без оплота в городах. Тенденция продаж сербских домов и земельных участков продолжается до сих пор¹⁰, но уже по более низким ценам. В зависимости от места ситуация сильно раз-

¹⁰ Продажа недвижимости албанцам началась на несколько десятилетий раньше, но с 1999 г. это явление получило массовый характер.

нится. В отдельных селах, в которых сербов до войны было меньшинство, теперь проживают исключительно албанцы, сербские дома там были разграблены или сожжены в 1999 году, а землю не продать. В этнически смешанном окружении оставшиеся сербы стараются продать дома албанцам, торгуясь за более выгодную цену. В крупных и компактных сербских селах — таких, например, как Шилово — дома не продаются. Албанцы не проявляют к ним интереса, но и без того, как мне объясняли мои собеседники, на такой поступок сербы из этих сел и не решились бы, так как тем бы напрямую поставили в невыгодное положение своих родственников и соседей. Тем не менее, земли на окраине сел и вдоль дорог продаются. И многие информанты считают, что из-за этого сербские села оказались внутри своего рода стягивающегося обруча. Эта ситуация отражается на взаимоотношениях как внутри широкой сербской общины (подвергаются осуждению те, кто продал недвижимость, расположенную на позициях, значимых для повседневной жизни и для выживания общины), так и в рамках семьи и круга родственников.

Динамика послевоенных перемен была такова, что возник новый этнический и социальный ландшафт. Личные рассказы отражают разнообразие взглядов и опыта. Мои собеседники были единодушны в том, что те из сербов, у кого были хорошие соседи-албанцы, не пострадали во время конфликта и смогли остаться в Гнилане. Как правило, сербы и албанцы, жившие в не-

посредственном соседстве, помогали друг другу во время и после войны. Так, например, один из информантов в Гнилане, решив продать свой дом, предложил его купить ближайшему соседу, как и полагается по обычаю. Сосед-албанец посоветовал ему не продавать дом, потому как обстановка должна была нормализоваться. Затем наступил период кризиса, и тот же самый сосед неоднократно помогал этой сербской семье, защищал ее. Во время сербских погромов 17 марта 2004 года большая группа албанцев окружила дом моего собеседника, и тот же сосед вышел к нападавшим и сказал, что эта недвижимость продана. Позднее хозяина дома эвакуировали представители KFOR (Международные силы для Косова). Моя собеседница средних лет, дом которой остался один среди домов албанцев, рассказывала, как большая группа соседей-албанцев не позволила погромщикам войти на ее улицу. Были такие же примеры и 17 марта 2004 года: отдельные албанцы приняли сербов в свои дома и защитили сербские объекты от нападений (Стоилькович 2009: 40-41, 79-81, 84, 94). Все же такие примеры и одна, и другая сторона отодвигают на задний план. На первый план выдвигается конфликт, а не совместные элементы идентификации. Своих старых соседей-албанцев сербы описывают как старожилов, старых гниланцев, подчеркивая их и свой идентитет старожилов и горожан. Синтагмы «старый гниланец», «старая гниланка», «старые гниланцы» используются для описания и албанцев, и

сербов, при этом содержат в себе исключительно положительное предваряющее значение. В то время как новые соседи-албанцы, в основном, рисуются в отрицательном свете: приезжие из глухомани, те, которые относятся к сербам холодно или даже очень неприязненно.

В течение последнего десятилетия XX века строительство православных церквей, возведение памятников в честь выдающихся личностей и событий в сербской истории, переименование улиц представляло собой действия «по загрузке национального содержания в символическое пространство территории, воспринимаемой как национальная» (Радовић 2009: 105). После вооруженных столкновений 1999 года и отхода сербских властей из Косова вновь начались изменения в конфигурации пространства: разрушение православных храмов и памятников сербского культурного наследия, воздвижение памятников бойцам террористической ОАК, переименование улиц и объектов, причем в соответствии с национальной идеологией новых победителей¹¹. Памятник сербскому князю Лазарю, поставленный в центре Гнилане в 1989 году в рамках мероприя-

¹¹ Срджан Радович показывает, как Приштина — столица Косово — всего лишь за два десятилетия пережила полную трансформацию городской топографии, фонда памятников и памятных мест (Радовић, 2009). Ситуация в Гнилане и Витине, можно сказать, почти что списана под копирку.

тий в честь 600-летия Косовской битвы, был снесен уже в 1999 году. На его месте несколько лет спустя был установлен памятник Агиму Рамадани, одному из полевых командиров ОАК. Две радикальные реконфигурации пространства, исключаящие и уничтожающие «другого», свидетельствуют о сильных процессах гомогенизации и укрепления этнического идентитета, о процессах разграничения, перемещения резких и непреодолимых границ.

После отхода югославской и сербской армии и полиции в июне 1999 года единственной сербской структурой, оставшейся в Косове, является Сербская Православная Церковь. В Гнилане люди долгое время после войны собирались в церкви св. Николая, которая являлась своеобразным местом сбора. Здесь они получали помощь в разных формах и информацию. По инициативе одного из членов церковного совета в крестильне этого храма сербы письменно обещали, что не станут продавать свою недвижимость и что останутся в Косове. Священник из Гнилане объясняет это так: «Чтобы остановить народ, раз уж их государство бросило. <...> Церковь — это мать, которая всех принимает. <...> Это подписание для них было как некая клятва». Бóльшая часть подписавшихся все же решилась продать свою недвижимость.

Представители Православной Церкви ходатайствовали перед Правительством Республики Сербия, чтобы последний оставшийся сербский дом возле храма

св. Николая в Гнилане не был продан (хозяин этого дома на тот момент уже начал договариваться с албанцем о продаже). Правительство Сербии одобрило средства на выкуп дома, и в 2002 году объект был выкуплен и затем перешел во владение Церкви. Для членов сербской общины в Гнилане было важно, чтобы остался хотя бы один сербский дом возле храма, чтобы они могли здесь собираться, а подход к храму не был в определенном смысле перекрыт албанскими домами. Сам же дом стар и полуразрушен. В этом доме открыт клуб «Святой Николай», в котором собираются мужчины, чтобы поиграть в шахматы и поговорить. В клуб заходят и несколько албанцев, которые сохраняют старые дружеские отношения с некоторыми из сербов. Во время моего приезда в 2006 году над маленьким забором, огораживавшим двор, и над воротами при входе в клуб по-прежнему находилась защитная колючая проволока.

Небольшому городскому анклаву в Гнилане, да и другим членам сербской общины не хватает культурной жизни. Театральные спектакли, как и прочие культурные события в городе, проходят только на албанском языке. Время от времени в селе Шилово проводятся лекции и круглые столы с участием представителей Православной Церкви. В Гнилане очень слабо ловится сигнал телевизионных каналов из Сербии. В последнее время в некоторые села стали приходить сербские газеты и журналы, но нерегулярно. Информанты жалуются на скудость информации. Огромные усилия

направляются на сохранение сербской восьмилетней школы. Молодежи и детей в Гнилане очень мало, поэтому мои собеседники подчеркивают отсутствие перспектив у сербской общины¹².

* * *

Дискурсу членов сербской общины в Гнилане о себе и о «других» присуща ностальгия, причем ностальгия рефлексивного типа. Светлана Бойм объясняет, что два типа ностальгии определяют отношение к прошлому: *реставрационный* и *рефлексивный*. Реставрационная ностальгия обеспокоена национальным прошлым и будущим, в то время как рефлексивная — связана с личными воспоминаниями. Рефлексивная ностальгия предполагает тоску и ощущение принадлежности, она не придерживается одного прямолинейного нарратива, а стремится к детали, она фрагментарна и неопределенна. В своей основе ностальгия прославляет прошлое время и его ценности, переживает из-за их утраты и одновременно противопоставляет их менее ценному настоящему (Войт 2001: 41, 49-50).

Локальные идентичности могут конструироваться и выражаться многими способами, один из которых — через дихотомию *село (деревня) / город*, игравшую важ-

¹² В политическом дискурсе и в дискурсе СМИ о сербах в Косове речь, в основном, идет о северной части края, граничащей с Республикой Сербией, где сербы составляют абсолютное большинство в нескольких административных общинах.

ную роль в Косове (ср. *Duijzings* 2000: 12, 20). Дискурсивное оформление городского, гниланского образа жизни, общественных отношений, повседневной и обрядовой практики указывает на бережно сохранившиеся элементы культурной гибридизации с османскими ценностями. В своих рассказах об отличиях городской культуры, престиж которых очень высок и сегодня, мои собеседники из Гнилане ссылались на османский период и его влияние (в одежде, еде и т. д.)¹³. Подчеркивались различия между городскими, гниланскими обычаями и обычаями в окрестных селах. Самоопределение «мы, гниланцы» объединяет различные аспекты коллективной идентификации: внутри сербской общины юго-восточного Косова дихотомию *город / село*, внутри самого города Гнилане дихотомии *старожилы / приезжие, сербы / албанцы* и др.

В домах в Гнилане готовили блюда и сласти восточного типа, которыми угощали как в повседневной жизни, так и в особых ситуациях, значимых для социума. Рассказ о пахлаве¹⁴ — это история о добрососедских отношениях, записанная многократно и в окрестных селах: албанки готовили пахлаву с особым мастерством и угощали ею на Байрам, причем обязательно ее передавали для членов семей гостей-сербов. Сербы же

¹³ Косово находилось под турецким владычеством до 1912 года, когда было присоединено к Сербии.

¹⁴ Сербск. *баклава* — балканский турцизм (*Петровић* 2012: 63).

соседям и друзьям-албанцам дарили на Пасху красные яйца. В дополнение к обзору межкультурного обмена можно привести рассказ молодой информантки о том, как в послевоенный период сосед-албанец обратился к ее отцу с просьбой объяснить, как красить яйца, так как его дети очень просили. Нарративы о гниланской кулинарии несут в себе ностальгическую ноту прежних встреч, единства, общественной солидарности и сплоченности.

На городской престольный праздник — Покров Пресвятой Богородицы — 14 октября 2006 года в храме св. Николая в Гнилане во время церковного обряда находились не только гниланцы, но и жители окрестных сел. Накануне праздника и на сам праздник мои собеседники с ярко выраженной ностальгией вспоминали довоенные времена, когда вечером перед праздником накрывали столы в крестильне храма, плясали и пели под музыку до глубокой ночи. Покров Пресвятой Богородицы был последним в череде народных празднеств, им завершался годовой цикл. Информантка средних лет объясняет: «Мы сбегали с уроков в школе лишь бы быть здесь, в церкви. Очень хорошо было! Люди приезжали из всех сел и деревень. Яблоку негде было упасть. Где там! Все кипело от народа! Сейчас нет людей, ничего нет. Весь народ переселился в Сербию». Воспоминания о прежней социальной сплоченности заканчивались на контрасте с печальными нынешними временами, в которых «нет людей, ничего нет».

В основе ностальгии оставшихся гниланцев лежат потери. Ее сопровождают теплые воспоминания и поступки (показ старых фотографий, перешедших по наследству и сохраняющихся как самая большая драгоценность деталей восточного женского костюма, приготовление особых восточных сладостей, чтобы угостить меня и др.), рефлексия о прежних временах и образе жизни, которого больше нет. Проявленный рефлексивный тип ностальгии — элегический, фрагментарный, но вполне открытый для возврата в реальность. Ностальгические нарративы сплетаются, в основном, вокруг разнообразной как внутригрупповой, так и межгрупповой сплоченности, солидарности, непрерывности, традиции.

Послевоенный период характеризуют глубокие изменения в разных типах контекстов, что благоприятствует ностальгическим всплескам. Ностальгические интерпретации прошлого представляют собой критику современности. Как объясняет М. Великоня, ностальгия — это способ существования в периоды резких изменений, ностальгия оказывает катартическое и терапевтическое действие. Она утопически хранит прошлое, антиципируя более праведный мир и мир существующий. Ностальгия может быть субверсивной, создавая трещины в доминирующей модели (Velikonja 2010: 165-166). Ностальгия представителей малого сербского анклава в Гнилане представляет собой кри-

тику доминантного дискурса, причем как в Косове¹⁵, так и доминантного дискурса о Косове в Сербии, в котором больше нет места для «другого».

Ностальгический дискурс членов сербской общины о себе и «других» характеризует также выраженный традиционализм. Сербская община становится все меньше и меньше, ее окружает значительно превосходящая ее по числу и доминирующая албанская община, строящая новую реальность. Если иметь в виду послевоенный контекст и ситуацию анклава¹⁶, то традиционализм как форма сопротивления вполне понятна. К традиционализму склонны все национальные меньшинства, сопротивляющиеся ассимиляции (*Прелић* 2008: 281).

* * *

Период международного протектората охарактеризовался неясным статусом Косова, размытыми границами (территориальными и символическими), пересечением различных политических, финансовых и про-

¹⁵ В официальном и массовом дискурсе послевоенного Косово нет никаких сигналов ностальгических воспоминаний о югославском прошлом, скорее всё, что о нем может напоминать, отстранено. Однако такие воспоминания можно услышать в укромном, частном дискурсе (*Schwandner-Sievers* 2010).

¹⁶ Анализ реальной ситуации в Косове в период после введения международного протектората дают тематические выпуски журнала «Лицеум»: *Сикимић* 2004; *Сикимић* 2005.

чих интересов: в первую очередь как международных сил и организаций, так и групп внутри косовских албанцев, затем косовских сербов и сербского государства, которое пыталось через косовских сербов сохранить за собой и увеличить влияние и контроль в Косове, — а кроме того нечеткими полномочиями, полной путаницей в повседневной жизни (ср. *Nedeljković* 2008: 58-59, 71). Я находилась в Гнилане в августе 2006 года, когда в Вене при международном посредничестве шли переговоры между делегациями Сербии и Косова. Мои собеседники с беспокойством ожидали окончательного решения вопроса о статусе края и, как правило, высказывали надежду, что Косово не получит независимости и международного признания.

В феврале 2008 года Косово приняло декларацию о независимости. В качестве суверенного и независимого государства Косово признали США и 22 государства Евросоюза, а также другие страны. Количества этих стран недостаточно для принятия Косова в ООН. Международное сообщество настаивает на сохранении мультиэтничности Косова. Наблюдая массовое и непрерывное выселение сербского и ромского населения (а также ассимиляцию бошняцкого, турецкого и другого населения), трудно поверить, что косовское общество стремится к цели, заявленной действующими лицами мировой политики. Точно также и международная миссия в Косове с ее терпимостью к насилию вряд ли способна достичь поставленной цели. Тем не менее,

парламент Косова принял «мультиэтничные» символы государственности: гимн без слов и желто-голубой флаг. На флаге — контурное изображение территории Косова, а над ним — шесть звездочек, символизирующие проживающих на территории Косова этнические общины. Флаг Косова напоминает флаг Евросоюза, в котором Косово и Сербия должны бы оказаться в перспективе. Во время торжеств по поводу годовщин самопровозглашенной независимости Косова официальный флаг спокойно стоит на определенных ему местах, а там, где выплескиваются эмоции, машут многочисленными албанскими национальными флагами с черным орлом на красном фоне¹⁷. Современное, мультиэтничное общество — это цель, декларируемая косовской политической элитой ради получения международной поддержки. На практике очевидна национальная исключительность и определение Косова как албанской национальной территории. Помимо этого, албанцы составляют больше 90% населения послевоенного Косова, что этнически и определяет его как гомогенную территорию.

После отсоединения Косова от Сербии и переноса новой государственной границы сербское население края оказалось в положении меньшинства. С таким

¹⁷ О месте национальных флагов в современном мире, о флагах, которыми машут, и флагах, которые спокойно стоят в определенном месте см.: Bilig [1995] 2009: 76-83.

статусом, имплицитным численную и политическую зависимость, с обменом ролями с албанским населением по сравнению с 90-ми годами XX века, сербское население примиряется с трудом. Тяжелое принятие сербскими жителями статуса меньшинства легко понять, если помнить об историческом контексте Косова. Напротив, страхи албанцев перед политической нелояльностью и возможным сепаратизмом сербского меньшинства на севере Косова, а также многие другие исторические и политические причины играют важную роль в албанском стремлении к этнически гомогенному государству.

Косово характеризует весьма сложный исторический, политический и культурный контекст, для описания которого потребовался бы обширный научный труд. Но в любом случае прошлое, увиденное «снизу», под углом зрения обычных людей, получает широкую палитру цветов и эмоций в отличие от официальных — и сербских, и косовских — черно-белых картин жертвы, агрессора и доминирующей ненависти¹⁸.

Перевод на русский язык: Марина Обижаева

¹⁸ Работа выполнена в рамках финансируемого Министерством просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия проекта «Мультиэтничность, мультикультуральность, миграции: современные процессы» (177027), который ведется в Этнографическом институте Сербской академии наук и искусств.

Литература:

Златанович 2005 — *Златанович С.* Картина Запада в анклавe // В поисках "западного" на Балканах / Ред. И. Седакова, Т. Цивьян / Балканские чтения № 8 / Институт славяноведения РАН. Москва. С. 162–166.

Златанович 2008 — *Златанович С.* Жизнь под протекторатом // Наша повседневная жизнь: Антропологические исследования ученых России и Сербии / Ред. М. Мартынова, Д. Радоичич / ИЭА РАН и РУДН. Москва. С. 57–69.

Златановић 2011 — *Златановић С.* Дискурзивно обликовање "других": српска заједница југоисточног Косова у послератном контексту // Гласник Етнографског института САНУ. № LIX/2. Београд. С. 79–99.

Петровић 2012 — *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору: на материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемеркића // Београд: Институт за српски језик САНУ.

Прелић 2008 — *Прелић М.* (Н)и овде, (н)и тамо: етнички идентитет Срба у Мађарској на крају XX века // Београд: Етнографски институт САНУ, Посебна издања 64.

Радовић 2009 — *Радовић С.* Неформални уџбеници историје и географије: савремене политике простора у изградњи националног идентитета // Антропологија № 9. Београд. С. 105–116.

Сикимић 2004 — Сикимић Б. Избегличко Косово // Лицеум № 8 / Ред. Б. Сикимић / Крагујевац: Универзитет у Крагујевцу и Центар за научна истраживања САНУ.

Сикимић 2005 — Сикимић Б. Живот у енклави // Лицеум № 9 / Ред. Б. Сикимић / Крагујевац: Универзитет у Крагујевцу и Центар за научна истраживања САНУ.

Стољковић 2009 — Стољковић Р. Кад је Гњилане горело (мартовско насиље 2004. године). Гњилане: Српски културни клуб Србика и Омладински литерарни клуб.

Урошевић 1931 — Урошевић А. Гњилане // Гласник српског географског друштва № XVII. Београд. С. 38–51.

Bilig [1995] 2009 — Bilig M. Banalni nacionalizam. Beograd: Biblioteka XX vek.

Boym 2001 – Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books.

Duijzings 2000 – Duijzings G. Religion and the Politics of Identity in Kosovo. London: Hurst & Company.

Hannerz 2003 — Hannerz U. Several Sites in One // Globalisation: Studies in Anthropology / Ed. T. H. Eriksen / London-Sterling, Virginia: Pluto Press. P. 18–38.

Hannerz 2003a — Hannerz U. Being there... and there... and there! Reflections on multi-site ethnography // Ethnography. Vol. 4, № 2. P. 201–216.

Nedeljković 2008 — Nedeljković S. Problemi primene

antropologije: antropološko istraživanje savremene kulture na KiM // *Savremena kultura Srba na Kosovu i Metohiji* / Red. S. Nedeljković. Kruševac: Baštinik. S. 19–73

OEBS 2004 — Kosovo: kako viđeno, tako rečeno: Analiza OEBS Verifikacione misije Kosovo, Stanje ljudskih prava: oktobar 1998 — jun 1999 godine. Beograd: Fond za humanitarno pravo.

OEBS II 2004 — Kosovo: kako viđeno, tako rečeno, II deo: Izveštaj Misije OEBS-a na Kosovu, Stanje ljudskih prava: jun 1999 – oktobar 1999. godine. Beograd: Fond za humanitarno pravo.

Popis 1991 — Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Popis stanovništva prema nacionalnom sastavu i tipu naselja u 1981. godini. Podaci po naseljima i opštinama knj. I. Beograd: Savezni zavod za statistiku, Savremena administracija.

Schwandner-Sievers 2010 – *Schwandner-Sievers S.* Invisible — Inaudible: Albanian Memories of Socialism after the War in Kosovo // *Post-Communist Nostalgia* / Ed. M. Todorova and Z. Gille. New York: Berghahn Books. P. 96–112.

Velikonja 2010 — *Velikonja M.* Titostalgija. Beograd: Biblioteka XX vek.

Zlatanović 2011 — *Zlatanović S.* Family in the Post-War Context: The Serbian Community of Southeast Kosovo // *Southeast European (Post)Modernities* / Ed. K. Roth and J. Lauth Bacas / *Ethnologia Balkanica*. № 15. Berlin: LIT Verlag. P. 227–250.

А. Ю. Илюхина

Социальный капитал малого российского города на примере г. Городец и г. Гусев

Резюме: В статье сделана попытка охарактеризовать социальный капитал городского сообщества малого российского города. Рассматриваются такие критерии как соседские отношения, родственные связи и степень доверия различным акторам социального круга респондентов. В полевой работе использовались методы глубинного интервью, включенного наблюдения, а также письменный анкетный опрос.

Принято считать, что в маленьких городах все друг друга знают. В магазине за углом работает бывшая одноклассница, а врач в поликлинике — сосед по лестничной клетке. Сами горожане об этом говорят, хотя, в разных ситуациях то гордятся этим, то отмечают это как негативный момент в своей жизни. При таком обилии знакомств по всему городу, круг общения индивида должен включать несколько десятков, а то и сотен человек, причем он должен увеличиваться вместе с возрастом. Таким образом, в городе, где все друг дру-

Анастасия Юрьевна Илюхина — социальный антрополог, магистрантка Высшей школы урбанистики при НИУ ВШЭ. Эл. адрес: Izumrudnii_gorod@mail.ru

га знают, степень доверия к городской среде и социальный капитал предположительно должны быть очень высоки.

Социальный капитал — сложное и неоднозначное понятие, которым сегодня оперируют как социологи, экономисты, психологи, так и антропологи. Оно было введено в научный дискурс П. Бурдьё, Г. Лоури, Дж. Коулменом, Р. Патнэмом и Ф. Фукуямой (*Галиуллин*, 2009: 223). Хотя их определения несколько разнятся, каждый из них понимает под социальным капиталом, прежде всего, доверие, которое служит базой для построения социальных отношений. Введенное более 30 лет назад, понятие «социальный капитал» и сегодня остается размытым. Согласно всем представлениям о социальном капитале, он может сложиться только при наличии доверия между членами той или иной группы, опираясь на принятые в данном сообществе нормы и ценности. Пьер Бурдьё использовал понятие «социального капитала» для обозначения сети социальных связей: «сети связей необходимы для построения и воспроизведения длительных, полезных отношений, позволяющих сохранять материальную или символическую прибыль (*Бурдьё* 2006: 67). Иными словами, сеть отношений является продуктом инвестиционных стратегий – индивидуальных или коллективных, сознательно или бессознательно нацеленных на установление или воспроизводство социальных отношений» (Там же).

На основе этого понимания социального капитала автором статьи была сформирована качественная анкета, которая позволяла быстро и компактно выявить круг общения респондентов, а также получить некоторое описание этих людей в том числе их доход (по мнению респондента) и как далеко они друг от друга живут (более подробное описание см. ниже). Данные, полученные при помощи анкет, дополнялись материалами глубинных интервью и включенного наблюдения.

С этими инструментами летом 2012 года мы поехали в экспедиции — сначала в город Гусев Калининградской области, а затем в город Городец Нижегородской области. Экспедиции проведены автором и старшим преподавателем Учебно-научного центра социальной антропологии Н. А. Антроповой в рамках научно-исследовательского проекта «Молодежь в эпоху социальных перемен: диахронный анализ индивидуальных стратегий выбора жизненного пути в российской городской провинции с 1991 по 2012 г.»

Эти города, Гусев и Городец — малые, количество жителей в них колеблется от 28,5 (Гусев) до 30,5 (Городец) тысяч человек (Численность и миграция 2012, Отчет 2012). Эти города — административные центры своих районов. Их история складывалась по-разному. Гусев до 1945 года принадлежал Восточной Пруссии, это город, сложившийся в ином культурном контексте, но он до сих пор сохраняет облик и планировку довоенного Гумбиннена — это его прежнее на-

звание. Городец — старинный купеческий город, ставший в конце XVIII века центром старообрядчества Нижегородской области, сегодня же он — центр промышленного района.

Город Гусев расположен недалеко от восточной границы Калининградской области, поэтому расстояние до Литвы и Польши — около 30 км, меньше, чем до Калининграда — 115 км. Развитая сеть автомобильных дорог и действующий круглосуточно пограничный переезд позволяют местным жителям свободно ездить в Польшу и Литву за покупками. В сознании сегодняшних горожан история города, разные вехи которой наглядно отображены городской архитектурой, четко делится на старую, немецкую, и новую — советско-российскую (Фото 4). Город основан в 1794, но после 1946 года его население полностью поменялось. По окончании Великой Отечественной войны в городе проживало всего 1410 человек. Это были возвращенные советские граждане, угнанные в Германию, первые демобилизованные воины и их семьи, в том числе 270 оставшихся немцев (Иванов 2003: 134). Остальная часть населения постепенно формировалась из переселенцев из других областей и республик СССР.

Более поздняя волна переселения — это люди, которые после распада Советского Союза использовали Калининградскую область как плацдарм для переселения за границу, но так и не уехали. Последняя волна — это участники государственной программы по оказа-

нию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. За шесть лет существования программы в Гусев переехали 312 человек (Программа "Переселенец" 2006). В этой последней волне было много иммигрантов из Казахстана — немцев, поляков, литовцев — бывший «неблагонадежный элемент», переселенный в 30-е г. в Казахстан из приграничных районов Украинской ССР, а также депортированные «спецпереселенцы» времен начала Великой Отечественной войны. Также, в городе много семей военных, переведенных в Гусев на службу, поскольку в городе размещалось большое количество воинских частей. Местные жители говорят, что не выделяют каким-то особенным образом тех, кто приехал раньше или позже, философски замечая, что «мы все здесь приезжие» (ПМА 2012).

Начиная с 2006 года, после прихода нового мэра, Гусев пять раз выигрывал конкурс «Самый благоустроенный город и посёлок Калининградской области» среди городов, численность населения которых больше 20 000 человек. Город также активно развивается экономически. На данный момент пристальное внимание администрацией города уделяется проекту «Технополис GS» — мечта властей сделать в Гусеве минисиликоновую долину. Он запускается на базе уже действующих в городе с 2008 года многопрофильных производств в сфере микроэлектроники и нанотехнологий, продукция которых используется, в том числе, в таких

спутниковых антеннах, как «Триколор-ТВ» и «НТВ-плюс».

Сегодня номинальная среднемесячная заработная плата в Гусевском районе составляет от 15 до 17 тысяч рублей (Основные показатели развития 2012). Но низкие цены на импортные продукты и другие товары из соседних стран способствуют общему снижению цен в городе, что позволяет говорить о большой покупательной способности горожан.

Городец совершенно другой город. Городец — древнейший город Нижегородской области, находится в Приволжском федеральном округе. Точная дата основания Городца неизвестна, но ряд современных историков (см., например: *Гусева 2001; Кузнецов 2009*) предполагают, что Городец был основан между 1164 и 1171 гг. За всю историю своего многовекового существования, Городец дважды подвергался опустошительным набегам и разорениям. Поэтому фактически тот Городец, что можно увидеть сейчас, начал постепенно возрождаться только в XVII веке, благодаря выгодному географическому положению и становлению регулярного судоходства на Волге — важной транспортной артерии России. Огромные капиталы, нажитые местными купцами на хлебной торговле и судостроении, превратили Городец в настоящий купеческий город (Фото 5). Хотя официальный статус города он получил впервые только в 1922 г., задолго до этого Городец превосходил по экономическим показателям, численности населе-

ния, инфраструктуре и развитости среды уездный город своего района. Во второй половине XVIII в. Городец становится значительным центром поволжского старообрядчества. Старообрядцы играли заметную роль в экономической и культурной жизни города, так как среди них было много купцов. Свидетельством особой роли старообрядческого купечества в развитии Городца служит памятник купечеству России, который установлен на одной из главных улиц исторической части города.

В городе несколько крупных заводов, судоремонтных и производящих запчасти для автомобилей. Существует также несколько зарубежных предприятий, открытых в последнее десятилетие представителями японского, итальянского, немецкого бизнеса и крупные заводы в соседнем городе Заволжье, также входящем в Городецкий район. Все они предоставляют достаточное количество рабочих мест для города с населением в 30,5 тысяч человек (на 01.01.2012), предлагая средний уровень заработной платы в 17,5 тысяч рублей. Кроме того, важной спецификой Городца является большой вес предприятий малого бизнеса в общей структуре экономики. По данным официальной статистики, более 25% трудоспособного населения города Городец занято в секторе частного предпринимательства (Отчет 2012).

Таким образом, мы видим, что эти совершенно разные города схожи в том, что они не депрессивные — уровень безработицы низкий, города успели оправиться

после кризисных 1990-х и имеют достаточно высокий уровень социально-экономического развития.

Вот в этих позитивных городах мы решили получить представление о качестве социальных связей местных жителей, о тех социальных кругах, в которые они включены или попросту о списке контактов, которые могут выступать ресурсом получения реальных или символических выгод. Для того, чтобы выявить максимально широкий круг общения респондентов этих городов, мы задавали вопросы, охватывающие разные сферы жизни человека — семью, работу, учебу, свободное время.

Например: *К чьему совету, мнению Вы прислушиваетесь, принимая важное для себя решение? Кого бы Вы попросили приглядывать за Вашей квартирой в случае отъезда (проверять, поливать цветы и т.п.)? У кого Вы могли бы занять крупную денежную сумму?*

Кому Вы помогли по хозяйству в последние 3 месяца? (помощь с ремонтом, переездом, с машиной)? Временной период в данном случае не особенно важен. Главное, что такая конкретика позволяет выявить реальных людей, с которыми респондент поддерживает отношения, допускающие оказание им помощи или услуги.

С кем Вы обсуждаете проблемы, интересы, связанные с работой (или учебой)? С кем из соседей Вы общаетесь? Этот вопрос выступал как контрольный, например, если человек отвечает, что у него чудесные, дове-

рительные отношения с соседями, но в случае отъезда цветы он просит поливать родных, которые живут на другом конце города, это означает что уровень доверия к соседям — низкий. А ведь доверие является одним из ключевых факторов, определяющих социальный капитал.

К кому вы обратитесь, если Вам понадобится помощь с устройством на работу, с ремонтом, с покупкой и оформлением машины и т. п.? Здесь особенно любопытен ответ респондента, поскольку важно посмотреть, будут ли здесь указаны те же люди, которым респондент помогает сам (имена которых мы узнали, в одном из вышеприведенных вопросов), или это будут совершенно другие люди.

Выборка составила 50 человек в каждом городе, которых мы опросили анкетным способом. Анкеты были анонимные, раздавались чаще всего по местам работы в утреннее или дневное время. Для того, чтобы у респондентов было достаточно времени для заполнения анкеты, обстоятельно и не торопясь, анкеты забирались вечером того же дня или на следующий день. Наша выборка была не строгой, в нее попадали все жители города, прожившие в нем не менее пяти лет. Возрастной порог не был установлен специально, но можно отметить, что среди респондентов присутствуют мужчины и женщины в возрасте от 16 до 70 лет. Эти данные мы подкрепили глубинными интервью, которых было собрано около 30 в каждом в городе.

Результаты были неожиданными и преимущественно совпадали в обоих городах. За просьбой о помощи в важные моменты жизни, такие как устройство на работу, заем крупных денежных средств или организация маленького бизнеса, жители этих относительно благополучных городов обращаются не к высокостатусным знакомым или богатым друзьям, а к родственникам. В малом городе, где есть возможности устройства в жизни самостоятельно, где уровень безработицы значительно ниже, чем в соседних городах области, при широком круге знакомств с представителями разных социальных групп резиденты города все равно обращаются к родственникам.

Приведем в пример Екатерину, 29 лет. Катя получила образование в городе Дзержинске, в Политехническом вузе. Специальность — химическая технология неорганических веществ и биосинтез, то есть химик-технолог. После университета Катя ушла в декрет, а вышла на работу, которую ей нашла мама. Мать – инженер, порекомендовала Катю через своих знакомых на это место, так как работала в схожей с Катиной специальностью области, но не конкретно в ней. Так, Катя — инженер-технолог стала сотрудником центра экологического мониторинга. Интересно, что после того как Катя сменила место работы, на свое прежнее рабочее место она устроила свою младшую сестру, также получившую специальность химик-технолог. Проблема заключается не в том, что в области нет рабочих мест,

подходящих для этой специальности, а в том, что полученное при помощи родственных связей место воспринимается как проверенное и надежное.

Другой пример — Лена, 30 лет. После школы закончила заочное отделение в педагогическом колледже, по специальности — преподаватель младших классов. Проблем с трудоустройством по специальности не было, но Лена все равно обратилась за помощью к старшей сестре, которая работала в суде. Она помогла устроиться Лене туда на должность машинистки. Через некоторое время в соседнем городе в суде открылась новая вакансия, и, опять-таки при протекции сестры, Лена устроилась работать в новый суд (да и опыт был) — секретарем мирового судьи.

Можно было бы предположить, что у каждого человека найдется хоть один богатый, или занимающий важную должность в городе или зажиточный по местным меркам родственник. Однако здесь нам открывается вторая поразительная тенденция. В этих малых городах люди обращаются за помощью к родственникам, несмотря на то, что сами же респонденты оценивают их доход как низкий.

Таким образом, можно предположить, что родственники и родственные связи по-прежнему играют значительную роль в городских сообществах малых городов. Это подтверждает и тот факт, что социальные сети респондентов оказались достаточно плотными. Около 60 % респондентов заявили о том, что (все или практи-

чески все) описываемые ими люди знакомы между собой, поскольку это преимущественно родственники.

Родственники, как носители знаний о мире, отвечают в данном случае за планирование и устройство жизни респондентов, а также передают эти знания в родственном кругу, то есть сохраняется традиционный способ выживания. Интересно также отметить, что это не только иерархические отношения между разными поколениями, но и помощь в рамках одного поколения, например брат-сестра.

Нельзя также не отметить, что подобное поведение является одним из сдерживающих факторов развития территории.

Для дальнейшего изучения этого феномена, было бы интересно сравнить полученные данные с данными по городам других регионов, по городам других размеров, в том числе мегаполисам, где общество менее традиционное.

Литература:

Бурдье [1983] 2005 — Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 6. № 3. С. 60–74. // Центр гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии и развитие человека. Экспертно-аналитический портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601>
Галиуллин, 2009 — Галиуллин Д. Л. Социальное доверие и социальный капитал в региональной политике

развития // Вестник ТОГУ. Экономическая социология и демография. № 2 (13).

Гусева 2001 — Гусева Т. В. Древний Городец на Волге и его укрепления // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и в раннее новое время (XI-XVIII вв.): доклады второй научной конференции, 7–8 дек. 1999 г. М.: ИРИ РАН. С. 13–22.

Кузнецов 2009 — Кузнецов А. А. Городец на Волге: от основания до 1238 года // Городецкие чтения – 2008: материалы научно-практической конференции «VI Городецкие чтения», 6 дек. 2008 г., и «II Александроневские чтения», 27 февр. 2009 г. Городец: администрация Городецкого района и Городецкий историко-художественный музейный комплекс. С. 7–17.

Иванов 2003 — Иванов А. М. Гумбиннен — Гусев (Историко-краеведческий очерк) / А.М. Иванов // ОГУП «Калининградское книжное издательство».

Основные показатели развития 2012 — Основные показатели развития экономики и социальной сферы муниципальных образований Калининградской области в 2012 г.: стат. бюллетень / Федеральная служба государственной статистики, территориальный орган ФСГС по Калининградской обл. 2012: 1 квартал / отв. за вып.: Л. А. Кононова, Т. А. Алексеенко.

Отчет 2012 — Отчет о деятельности главы администрации Городецкого района и работе администрации Городецкого района за 2012 год. 2012 год в цифрах и

фактах // Городецкий Вестник. 24.01.2013. № 8 (14646).

ПМА 2012 — Полевые материалы экспедиции «Молодежь в эпоху социальных перемен: диахронный анализ стратегий выбора жизненного пути» (2012 – 2013 гг.) автора и участников полевой летней практики группы IV курса 2011/12 уч. г. УНЦСА РГГУ в городе Гусев, Гусевский район, Калининградская область, 27.06.2012 – 08.07.2012.

Программа «Переселенец» 2006 — Программа «Переселенец» [Электронный ресурс]. Администрация Гусевского муниципального района. Информация о реализации государственной программы Калининградской области по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом от 22.06.2006 — по состоянию на 01.01.2013. Режим доступа: <http://www.admgusev.ru/city/migrant/>

М. Е. Кабицкий

Феномен малого города/посёлка в Южной Европе: к постановке проблемы

Резюме: В странах Южной Европы (Италии, Испании, Португалии) промежуточным между городом и деревней является тип малого города/поселка (paese, pueblo, vila), сочетающего в себе черты, традиционно приписываемые как городским, так и сельским поселениям, и не имеющего прямого аналога в ряде других стран, включая Россию. Тем не менее, такие формы поселений имеют большое, в частности, культурное, значение, являются пространством сохранения (и преобразования) этнокультурных традиций, образа жизни и т. п.

Рассматривая проблемы малых городов как специфической категории поселений (и человеческих коллективов) со своими социокультурными особенностями, мы должны чётко представлять себе, как и по каким критериям эта группа выделяется, каким другим группам противопоставляется, в какие «бинарные оппозиции» входит. Основным, как представляется, вы-

Михаил Евгеньевич Кабицкий — кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ, доцент УНЦСА РГГУ.
Эл. адрес: kabitski@yahoo.es

ступает противопоставление малых городов крупным городам, мегаполисам; вторичной, уже на другом уровне (и часто имплицитной) является антитеза «город — село (деревня)»¹. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть, в какой мере можно говорить о такой же двоичной (и двухуровневой) или же — *троичной* системе противостоящих категорий (город — посёлок /малый город/ — село /деревня/) в регионе, представляющем область научных интересов автора — в Южной Европе.

Тема данной статьи в предлагаемой формулировке требует некоторых комментариев.

Во-первых, сама формулировка, вероятно, не очень удачна, поскольку вынужденно содержит определённое словесное выражение (малый город / посёлок) для того рассматриваемого явления, которое, как будет показано ниже, является трудно переводимым.

Во-вторых, под Южной Европой здесь будет пониматься преимущественно Италия, Испания, Португалия, в значительно меньшей степени Южная Франция — без включения стран Балканского полуострова (что

¹ Безусловно, имеет смысл учитывать и оппозицию сельских поселений (село / деревня), присутствующую во многих странах, в том числе и в России. Принятие именно термина «деревня» как основного для сельского поселения делает рассматриваемый нами контраст ещё более резким.

не исключает, конечно, что и за этими границами — как в пределах Европы, так и в других частях света — могут существовать аналогичные явления).

В-третьих, тема такого типа поселений весьма объёмна, требует гораздо большего времени и усилий для своего достаточно полного раскрытия (если это вообще возможно), таким образом, здесь о ней мы можем говорить лишь кратко — только в порядке постановки проблемы. Кому-то (особенно тем, кто знаком с южно-европейскими реалиями) может показаться, что проблемы как таковой и нет, многие вопросы могут показаться очевидными. Всё же хотелось бы настоять на своей позиции о важности постановки такой проблемы, напомнив и о том, что достоинством антрополога иногда оказывается как раз умение обратить внимание на обыденное.

Старая этнография, как известно, обращалась преимущественно к изучению сельского населения, которое рассматривалось как носитель наиболее типичных и сохранных черт традиционной культуры. Позднее появляется понятие *городской этнографии* и происходит становление этой субдисциплины. Наша тема сегодня — малый город. Но даже такая формулировка, как уже сказано, всё же вписана в дихотомию «город — деревня». Однако во всех ли случаях справедлива такая двухчастная схема? Знакомство с жизнью стран Южной Европы показывает наличие такого явления, которое, казалось бы, занимает промежуточное положение меж-

ду типичным городом и типичной деревней, не являясь ни тем, ни другим.

Проблема понимания категорий — это и проблема терминов и их адекватной передачи. Нередко в переводной литературе мы встречаемся с неточным и вводящим в заблуждение выбором эквивалентов, что, очевидно, отражает непереводаемость явления. Так, например, — отступим на время от реалий Южной Европы — поселение в Англии, определяемое как «деревушка», может иметь: церковь, несколько аристократических особняков, несколько магазинов, парикмахерскую, почту, железнодорожную станцию, службу такси, гостиницу, аптеку, в ней практикуют один или несколько врачей, судья, юристы, агенты по недвижимости...²

Вообще говоря, человека, привыкшего к российским реалиям, когда он слышит «деревня», а потом видит каменные дома, мощёные улицы, жильё со всеми удобствами, общественные здания, всё это поражает и заставляет задуматься³. Приведу ещё один пример. Для

² Один из наиболее характерных примеров — «деревня» Сент-Мери-Мид, вымышленный населённый пункт в произведениях А. Кристи (*Кристи* 1990, 2005, 2008a, 2008b, 2009). Характерно, что в испанских переводах она именуется по-разному: «городком / посёлком» (pueblito), собственно «деревней» (aldea) и наиболее абстрактно — «поселением» (poblado).

³ В этом контрасте, впрочем, присутствует и специфически русский элемент: в условиях равнинной лесной местности, где

автора данной статьи отправной точкой к размышлению о несоответствии понятий стала такая наблюдавшаяся им ситуация, когда жители португальской «деревни» Иданья-а-Велья во время праздника в Лиссабоне зашли в представительство «деревни» в столице (!), вынесли оттуда «деревенский» флаг и с ним отправились на праздник.

Именно поэтому здесь следует кратко поговорить о терминах (при этом я исхожу из той достаточно широко признанной точки зрения, что существует определённая взаимосвязь между системой терминов в языке и системой понятий, образующих национальную картину мира).

Итак, между тем, что является бесспорно *городом* (во всех южно-европейских странах его название происходит от латинского *civitas*) и бесспорно *деревней* стоит то, что называется: в Италии — *paese*, в Испании — *pueblo*, в Португалии — *vila*. Очень характерен этимологический контекст этих слов, их вторые значения: *paese* означает также «страна», а *pueblo* — «народ».

Относительно слова *vila* стоит дать особый комментарий. Латинское *villa* (усадьба, имение) дало сло-

дерево в изобилии, а камень редок, последний рассматривается как *городской* строительный материал *par excellence*, в то время как *деревня* характеризуется исключительно (или почти исключительно) деревянными постройками (откуда и народная этимология самого слова «деревня»).

ва со значением населённого пункта во всей Западной Романии (что отражало, видимо, эволюцию системы расселения в этих провинциях): португальское *vila* означает, как уже сказано, рассматриваемый нами тип малого городка (посёлка), так же как и сардинское *bidda*, испанское *villa* — посёлок либо город, французское *ville* — город. И только итальянское *villa* сохранило значение «[богатый] загородный дом», откуда русское «вилла». Характерно, таким образом, что имения римских колонистов, ставшие основой поселений, во всех западных провинциях дали название населённым пунктам, а на исконной итальянской территории этого практически не наблюдается⁴.

Рассмотрим ещё несколько любопытных терминов. Итальянское *borgo* (от *germ.* *burg* — «укреплённое поселение, замок») тоже может обозначать «городок / посёлок» (иногда в большей степени аграрного характера), наряду с другими значениями (район города, часто его неукреплённая часть, ср. русский *посад*). Интересно, что от этого слова происходит название *деревни* в собственном смысле (небольшого чисто сельского поселения) — *borgata*.

⁴ Элемент *villa* встречается иногда и в Италии в названии населённых пунктов, однако такие названия имеют значительно меньшее и регионально ограниченное распространение (преимущественно область Эмилия-Романья).

На территории Пиренейского полуострова широко распространено (как раз преимущественно для интересующего нас типа поселений) наименование *lugar* — дословно «место» (ср. *место*, *местечко* со значением города, городка в ряде славянских языков). С этим термином можно сопоставить французское *lieu-dit* — дословно «место, имеющее название», которое обозначает, впрочем, более мелкий населённый пункт (*деревню* в собственном смысле или хутор), а также может применяться и к ненаселённым пунктам. Любопытно, что названий поселений, происходящих от слова «место», нет в Италии.

В Италии же, в свою очередь, существует интересное название *riève* (от *лат.* *plebs* – народ). Актуальным для обозначения особого типа поселений оно было в Средние века. Это был крупный сельский населённый пункт с церковью, имеющей баптистерий; он являлся центром округа, включающей несколько сёл (деревень), в церквях которых могли производиться все остальные таинства, кроме крещения; священник *riève* имел старшинство над священниками деревенских церквей округа. В дальнейшем, как правило, и другие церкви снабжались баптистерием, а название *riève* сохранилось по традиции.

Итак, напрашивается вывод, что несмотря на часто делающиеся вынужденно неточные переводы прямого эквивалента данные термины в русском языке не имеют, так как аналога рассматриваемому явлению

нет. В самом деле, какое слово в русском языке может быть признано достаточно полным и точным эквивалентом *paese* / *pueblo* / *vila*? На мой взгляд, недостаточно адекватными выглядят и *городок* (как несамостоятельная, уменьшительно-ласкательная форма), и *местечко* (обозначает феномен очень регионально и культурно специфический), и *посёлок* (как явление сравнительно новое, тогда как *paese* / *pueblo* / *vila* в Южной Европе — напротив, традиционное и глубоко укоренённое в истории и культуре; к тому же термин «посёлок» всё равно обозначал фактически два основных вида поселений: посёлки *городского* и *сельского* типа)⁵.

Рассмотрим ещё один аспект, который, возможно, объяснит данную специфику.

С *правовой точки зрения* в странах Южной Европы обычно нет жёсткого различия не только между мегаполисами и малыми городами, но и между городами и сельскими населёнными пунктами, что принципиально отличает их ситуацию от российской.

Так, в нашей стране в советское время имелись города союзного / республиканского / областного /

⁵ В определённый период в Российской империи существовала при классификации городов промежуточная категория «город-село» (см. статью Т. В. Паликовой в настоящем сборнике), однако, насколько можно судить, этот термин не имел широкого распространения.

районного подчинения, а с другой стороны — сельские районы, разделённые на сельсоветы (восходящие к до-революционной волости); теперь введены городские округа, городские поселения, сельские поселения — всё равно отличие сохраняется.

Это объяснимо социально-историческими и гео-климатическими факторами: сравнительно редкое население, внешние по отношению к нему властные структуры, средоточием которых является город, — всё это ведёт к поляризации оппозиции «город — деревня», смычка между которыми остаётся проблемой с древности и до современности (Свечин 2002: 243–245; ср. Соловьёв 1984: 19). Возможно, именно эту специфику имеет в виду Дэвид Андерсон, когда предлагает переводить термин *rural* как «внегородской», а не традиционным вариантом — «сельский» (Андерсон 2013: XXX).

С другой стороны — южно-европейская и средиземноморская традиция; это традиция *полисная*. Полис, как известно — не просто город; это самоуправляемая община (причём не всегда действительно урбанизированная), это единство города и округа, *urbis et orbis*, как говорили римляне, его гражданин может быть одновременно горожанином и земледельцем.

Отражением этой традиции является и ситуация в современной Италии или Испании. Вся страна делится на коммуны или муниципии: там, где кончается один — начинается другой. Например, выезжая из много-миллионной коммуны Рим путешественник пересекает

муниципальную границу и попадает в крошечную коммуна Колонна. Однако номинально они равны! Во всех коммунах существуют однотипные структуры самоуправления, в том числе совет и мэр (синдик, алькальд). Конечно, де-факто они несопоставимы по влиянию как глава мегаполиса и сельский староста (у классика испанской литературы Педро Аларкона выведен такой шуточный образ — «алькальд в монтерилье», или, в приблизительном переводе на русский, «мэр в треухе» (*Alarcón* 1995: 65); но комический эффект на том и основан, что этот персонаж — всё равно алькальд, как в Мадриде или Севилье! Дело в том, что это одна и та же должность.

Именно вследствие такого номинально-юридического единообразия зачастую невозможно вообще сказать однозначно, является ли тот или иной населённый пункт городом (*ciudad*, *città*), «посёлком» (*pueblo*, *paese*) или деревней (*aldea*, *villaggio*): эти статусы могут нигде не фиксироваться, они неофициальны и в любом случае факультативны. Официальным является общий статус муниципия.

Объявления коммун Рима и Колонны

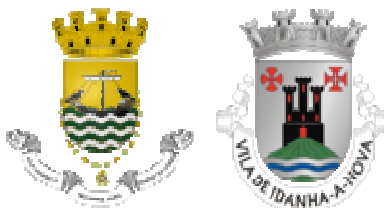
Характерен также пример использования в современной Испании терминов *villa* (городок, посёлок) и *ciudad* (город). В быту всякий город обычно называется словом *ciudad*, однако в официальных документах, символике и пр. он может последовательно именоваться *villa*. В Средние века эти два наименования для городских поселений означали разный статус, разный объём прав и привилегий (большой для «города» и более ограниченный для «городка»), предоставлявшихся, как правило, королевской властью. Сейчас, хотя формально-юридически возможность присвоения такого статуса и сохраняется, но фактически она не употребляется; эти названия остаются не более чем данью традиции. Так, например, столица страны, многомиллионный Мадрид — это «городок» (*villa de Madrid*), а значительно меньшая по размеру и значению Кордова — «город» (*ciudad de Córdoba*).

В Италии по закону почётное наименование «города» присваивается президентом республики коммуна, «выделяющимся своими историческими заслугами, памятниками либо современным значением», однако такое наименование не влечёт за собой каких-либо преимуществ или более широких полномочий в области самоуправления.

Несколько иная ситуация в Португалии. Там «посёлок» или «городок» (*vila*) — это действительно особый статус населённого пункта, отличный от города. Для того, чтобы поселение могло получить такой ста-

тус, закон определяет минимальное число постоянно проживающих избирателей (не менее 3000, для города — от 8000), а также необходимость наличия определённых объектов социальной, культурной и бытовой инфраструктуры.

Впрочем, по важным историческим, культурным и архитектурным соображениям в применении этих критериев могут делаться исключения (Lei 1982: 1530). Герб «посёлка» увенчивается короной с четырьмя зубцами-башнями (город имеет пять, деревня — три)⁶.

Гербы города Лиссабона и «посёлка» Иданья-а-Нова

Что собой представляет такой населённый пункт?

Очень ярко это показано, например, в ряде фильмов Педро Альмодовара. Для этого испанского режиссёра, который вообще в своеобразном — ироничном, иногда почти гротескном — преломлении показывает традиционные, даже стереотипные элементы и образы испанской культуры, тема *пуэбло* — это важный и повторяющийся топос. Не раз герои собираются «уехать в

⁶ Впрочем, последние законодательные изменения отходят от классификации муниципиев по схеме «город / посёлок / деревня» (*cidade / vila / aldeia*) в пользу новой, основанной на плотности и численности населения: муниципии первого, второго и третьего уровня (Lei 2012: 2826).

своё пуэбло», чтобы вновь найти себя, прийти в согласие с миром⁷.

Как пишет А. Н. Кожановский, цитируя испанского антрополога Онорио Веласко, «пуэбло — это некая территории с историей, пуэбло — это последовательный ряд поколений на конкретной и чётко ограниченной земле». Когда какой-нибудь человек здесь говорит о «своём пуэбло», он «говорит о своей “естественной сущности”, подразумевающей одновременно место его рождения и человеческую группу, в которой он родился. Земля и люди воспринимаются столь интимно связанными, что человек считает себя “сыном” их обоих» (Кожановский 2006: 90).

Чем же должен располагать такой «городок» / «посёлок»? Рассмотрим случай Португалии, где этот статус, как уже сказано, чётко определён и юридически актуален. Помимо как минимум 3 000 постоянно проживающих избирателей, в «посёлке» (*vila*) должно иметься не менее половины из следующих объектов:

- пункт медицинской помощи;
- аптека;

⁷ См., например, фильмы «За что мне это?», «Цветок моей тайны» и др. Интересен также сам факт, что у большинства жителей большого города, горожан в первом или, как максимум, втором поколении, есть это пуэбло и представление о «своём пуэбло».

- Народный дом, клуб, Дом рыбака или аналогичный культурный центр;
- общественный транспорт;
- отделение почты / телеграфа;
- торговые и гостиничные предприятия;
- средняя школа;
- отделение банка.

Добавим к этому от себя ещё кое-что, чего там не может не быть.

Во-первых, это **церковь** (зачастую и не одна), а соответственно и свой местный «престольный» праздник. Чаще всего отдельного «дня города» не существует, светские праздничные мероприятия также проводятся в дни, связанные с почитанием святого-покровителя (в каталонских «посёлках» они, например, часто носят простое и ясное название *festa major*, дословно — *большой или главный праздник*).

Во-вторых, **таверна** (бар) — не только (и не столько) объект общепита, сколько публичное пространство, место общения, позволяющего поддерживать сознание и чувство коллектива. О значении бара подробно говорит А. В. Павловская: «это не просто помещение,

Таверна (бар)

где выпивают случайные люди, это особый мир: место сбора знакомых и близких людей, где можно и выпить, и пообщаться, и обменяться новостями, и встретить друзей, и себя показать, и других посмотреть. Это центр общественной жизни...» Исследовательница приводит пример иностранца, который не был принят местными жителями «за своего», пока не стал завсегдатаем бара (Павловская 2006: 177, 183).

Здесь надо сделать две оговорки. Прежде всего, таверна или бар — это в большей степени «мужское» пространство. Несмотря на огромные изменения последних нескольких десятилетий во взглядах на общественные приличия и нормы поведения, таверна или бар в небольших населённых пунктах посещается, по крайней мере по вечерам, преимущественно мужчинами.

Кроме того, стоит подчеркнуть существенное противопоставление между таверной и кафе, уже отмеченное исследователями. Так, португальский антрополог М. В. ди Алмейда выделяет три важных момента, характеризующих различия между ними: таверна воспринимается как заведение традиционное и низкостатусное, кафе — как более современное, комфортное и престижное; второе отличие — ассортимент потребляемых напитков (вино — в таверне, кофе и пиво — в кафе); третье отличие как раз касается «мужского» статуса таверны (Almeida 1993: 176). Оба заведения могут служить местом сбора и проведения *тертулий* — тра-

диционного иберийского института социальности, выразительно описанного, в частности, во многих произведениях испанского писателя К. Х. Селы. Надо отметить, впрочем, что кафе, особенно большие и престижные, остаются в большей степени характерными для городов, а не «посёлков» (*pueblos, vilas*).

Наконец, среди практически обязательных атрибутов интересующих нас населённых пунктов надо назвать культурные и прочие самостоятельные **ассоциации**. Они могут носить и религиозный характер: всевозможные «братства» (*исп. hermandades, ит. confraternite*), занимающиеся, прежде всего, организацией главного церковного праздника, но чаще бывают светскими. В Италии с XIX в. распространяются так называемые *Pro loco*, проводящие общественные, культурные, спортивные и туристического характера мероприятия. В Испании характерны атенеумы (*исп. ateneo, катал. ateneu*). Эти культурные центры создавались различными, преимущественно левыми движениями и партиями (анархисты, республиканцы, социалисты, в Каталонии — также националисты). Их деятельность носила не только пропагандистский, но и просветительский характер, была направлена на повышение культурно-образовательного уровня населения, распространение здорового образа жизни, борьбу за трезвость. Многие из атенеумов сохранились до сих пор. Они организуют культурные, образовательные и спортивные инициативы.

Приведу теперь несколько конкретных примеров малых городов (посёлков) в странах Южной Европы, преимущественно на базе собственных наблюдений.

Сан-Коно (*ит. San Cono, сиц. Santu Conu*) в восточной части Сицилии (Италия), в 85 км от центра провинции — г. Катания, имеет **2 764** жителя, три церкви и пять исторических кварталов. Расположен на склонах Эрейских гор и характеризуется перепадом высот: многие улицы представляют собой длинные лестницы.

Святой-покровитель — аббат Конон из Назо, что дало название и самому поселению. День св. Конона в начале мая — главный праздник, на который съезжаются местные уроженцы, в том числе и постоянно проживающие за границей, что вообще характерно для «посёлков» (*paesi*) Южной Италии. Празднество начинается с переноса реликвии святого из посвящённой ему церкви в главную церковь (*chiesa Matrice*), переносит её мэр и самые уважаемые люди городка в сопровождении оркестра. После этого процессия со статуей святого проходит от главной церкви по всему городу (Фото 6), причём на многих участках несущие тяжёлые носилки со статуей люди пускаются бежать⁸. Во время остановок окружающие делают пожертвования с поже-

⁸ Таким образом, праздник относится к числу характерных сицилийских праздников «танцующих» и «бегающих» святых (*Buttitta 2002: 97*).

ланиями к святому или благодарностью за оказанную милость (*um. per grazia ricevuta*).

Другим традиционным праздником является *сагра* опунции. Это один из распространённых в Италии аграрно-гастрономических фестивалей (*сагр*), посвящаемых обычно главному местному продукту (*Калмыкова* 2013: 138; *Фаус* 2013: 178). Для Сан-Коно это опунция (*um. ficodindia*, *лат. opuntia ficus-indica*); данный район действительно является крупнейшим производителем этого плодоносного кактуса.

Наконец, ещё одна интересная культурная традиция в Сан-Коно — так называемые *карривалаты* (от *сиц. carrivali* — карнавал). Это форма народного театра, представления в которой исполняются актёрами, сидящими верхом на лошади. Тексты карривалат стихотворные, на диалекте, они носят аллегорический характер и часто посвящены традиционным ремёслам, крестьянским обычаям и традициям. Наиболее известный из местных поэтов-авторов карривалат — Анджело Ла Лоджа, знамениты такие сочинения как «Лестница жизни», «Месяцы года», «Сицилийский карнавал» и др.

Пиана-дельи-Альбанези (*um. Piana degli Albanesi*, *алб. Hora e Arbëreshëvet*) близ Палермо на Сицилии (Италия) расположена на возвышенном плато (Фото 7), имеются **6 022** жителя, более десятка церквей, библиотека, этнографический музей, ассоциации: театральная, музыкальная, культурная «Албанский мир», восемь спортивных сооружений.

Особенность Пианы в том, что это одна из самых крупных и влиятельных общин арберешей — албанцев-давних иммигрантов в Южной Италии, а также центр албанской униатской епархии. В городке широко применяется албанский язык (тоскский диалект), а также в некоторой степени — греческий, который до недавнего времени был единственным языком богослужения.

В Пиане сохранился народный костюм (женский), в основном применяемый в торжественных случаях, чаще всего — на свадьбе. Среди местных ремёсел выделяется ювелирное дело, связанное с изготовлением украшений традиционного костюма, вышивка, а также иконопись, обработка камня, мозаика. Ещё одна местная особенность — фонтаны (*алб.* *kronjet*), которые являются не только источником воды, но традиционным местом общения.

Оргозоло (*ит.*, *сард.* Orgòsolo) расположено в северо-восточной части Сардинии (Италия), в местности Барбаджа-ди-Оллолаи, у подножия гор Дженнарджен-ту. Имеет 4 418 жителя, восемь церквей. Здесь проводится фестиваль науки и один из этапов цикла осенних сагр Сардинии (в октябре).

Главным праздником является Успение (*ит.* Madonna Assunta, *сард.* Nostra Sennora de Mesaustu). Празднества длятся около десяти дней (13–23 августа), открываясь и завершаясь торжественной процессией со статуей мадонны. Интереснейшим моментом является так называемая «Вардия» (*сард.* sa Vardia) — скачка на

лошадях по улицам, во время которой наездники выполняют сложные и опасные трюки. Во время праздников используется колоритный народный костюм.

В своём внешнем облике Оргозоло примечательно тем, что стены домов покрыты многочисленными художественными граффити (*sard. murales*). Первые из них были созданы в 1970-е гг. по инициативе учителя местной школы Ф. дель Казино им и его учениками. В дальнейшем появились работы местных авторов (П. Буэска) и гостей Оргозоло. Граффити посвящены политическим, социальным темам, истории Италии и Сардинии, местной культуре (Фото 8).

По словам российского этнографа О. Д. Фаис, когда она проводила полевые исследования в Оргозоло, родители рекомендовали детям не отвечать на вопрос «чем занимается твой отец?» и вообще поменьше откровенничать с исследовательницей (Фаис 2000: 173). Дело в том, что Оргозоло считается ещё и центром сардинского бандитизма. Это явление имеет давнюю историю и свои традиции (Там же: 172–197, см. также: *Cagnetta* 1963; *Pigliaru* 1970; *Красновская* 1986: 114, 120). В позднейшее время оно приняло форму в полной мере криминального промысла, сосредоточенного в основном на похищениях людей ради выкупа, однако в прошлом могло носить характер социального протеста; были в этой среде и фигуры, пользовавшиеся большим почитанием в народе, как «поэт-бандит» Бакис Сулис,

большой портрет которого встречает приезжих в его родном городке (посёлке) Аритцо.

Аритцо (*сард.* Arìtzu) расположено в центральной части Сардинии (Италия), в местности Барбаджа-ди-Бельви. Население составляет **1 361** житель. Важнейшие праздники — день Архангела Михаила (8 мая) и двухдневная сагра каштанов (октябрь), собирающая до 50 000 посетителей.

В прошлом одним из важных занятий жителей была заготовка и сбыт снега. Аритцо находится на высоте почти 800 м над уровнем моря, и зимой здесь выпадет снег. Его собирали и летом сбывали так называемым ниарджос (*сард.* niargios), приготавливавшим род лимонного мороженого (*сард.* sarapigna).

Другой характерной чертой Аритцо является сохранение большого количества старинных домов, построенных в традиционной технике из сланцевого камня, с деревянными балконами. В прошлом сооружение таких домов было ремеслом, выполнявшимся народными зодчими (*сард.* mastri 'e muru), но традиция прервалась в связи с запретом на строительно-проектировочную деятельность для лиц, не имеющих специального образования.

В Аритцо имеется довольно богатый этнографический музей.

Сампейре (*ит.* Sampeyre, *окс.* Sant Pèire⁹) расположен в Пьемонте, в 35 км от г. Кунео (Италия), но культурно тяготеет к областям Юга соседней Франции. Это связано с тем, что данное поселение относится к так называемым «Окситанским долинам» (*ит.* Valli Occitane, *окс.* Valados Ousitanos), где проживает провансальское (окситанское) этнолингвистическое меньшинство. Численность населения Сампейре **1 083** человек, он состоит из 11 так называемых фракций (*ит.* frazioni) — официально частей, составляющих коммуну, а фактически — отдельных поселений.

Здесь имеются памятники средневековой и ренессансной архитектуры и фортификации, гидроэлектростанция, спортивные сооружения (лыжный спорт, альпинизм), шесть гостиниц и ряд гостевых домов. Есть этнографический музей.

Интереснейшее явление — проводящийся раз в пять лет (в первые недели февраля) праздник Баио (*окс.* Baïo), восходящий к раннему Средневековью. Он напоминает и «воспроизводит» изгнание сарацин (Фото 9), проникших в окситанские долины в X в. В нём участвуют четыре «войска», отправляющиеся из центра городка / посёлка и из трёх *фракций*. «Войска» состоят только из мужчин, одетых в необычные и сложные кос-

⁹ Окситанские слова приводятся в соответствии с орфографией т. н. «Паданской школы» (l'Escolo d'òu Po), применяемой окситанцами Италии.

тумы и выполняющих строго распределённые роли (в том числе и женские). Праздник следует установленному сценарию, с вариациями в разных *фракциях*.

Другим важным событием в культурной жизни является ежегодно проводящийся фестиваль «Песенные тропы» (окс. *lou Cianto Viol*), причём участники и зрители перемещаются по территории коммуны. Надо сказать, что долина Вараита, где расположен Сампейре, считается одной из самых богатых сохранившимися окситанскими фольклорными (песенными и танцевальными) традициями.

Алжерри (кат. *Algerri*) расположен в западной части Каталонии (Испания), в провинции Лерида (Льейда), в нём 438 жителей. Это центр виноделия; имеется замок, две церкви (одна действующая) и часовня, атенеум, краеведческий мини-музей, спортивные и рекреационные сооружения (в том числе муниципальный бассейн).

Местная культурно-экологическая ассоциация периодически организует международные волонтерские лагеря, программа которых включает общественно-полезную деятельность (например, реставрацию замка), знакомство с природой и культурой региона, экологическое воспитание.

Атенеум проводит разнообразные мероприятия, в частности, фотоконкурс. Там также активно действует ассоциация «Клик-Алжерри», объединяющая любителей конструктора «Плеймобил». Она организует выставки и

фестиваль инсталляций из «Плеймобил» в рамках благотворительного телемарафона (проводится телевидением Каталонии для сбора средств в помощь страдающим различными заболеваниями).

В известном смысле аналогом итальянских сагр можно назвать «Праздник зерна» (*кат. Fira del Cereal*), проходящий в течение двух дней в июле (время уборки урожая пшеницы) и включающее выставку-продажу сельскохозяйственной продукции, лекции и семинары, жатву традиционным способом, концерт и общий ужин.

В Алжерри отмечается не один, а два «главных праздника» (*кат. festes majors*): зимний, в первые выходные февраля, посвящён Сретению (*кат. Candelera*) и св. Власию, летний, в последние выходные августа — св. Варфоломею. В это время, помимо торжественных богослужений, устраиваются конкурсы, гонки самодельных машин, детские развлечения («праздник цветной пены»), концерты и т. п. Разумеется, на площади танцуют *сардану*, которая представляет собой не просто круговой танец, а своеобразное проявление каталонской идентичности и солидарности (Фото 10). В концертах участвуют и местные музыканты: здесь имеется ансамбль, исполняющий традиционную музыку (*Rondalla d'Algerri*) и хор (*Coral Castelló i Algerri*).

Кондейша-а-Нова (*порт. Condeixa-a-Nova*) это городок / посёлок (*vila*), который находится в 10 км от г. Коимбра, Центральный регион, историческая провинция Прибрежная Бейра (Португалия), имеет около

5 100 жителей (всё население муниципия 17 078), несколько церквей, Народный дом, библиотеку, любительский театр, и большое количество родовых дворцов знатных семейств — по этому показателю, как считается, Кондейша находится впереди всех посёлков Португалии (Фото 11).

Кондейша — родина известного португальского писателя Фернанду Наморы и здесь находится его дом-музей. Однако главный музейный объект и туристическая достопримечательность — хорошо сохранившиеся руины античного города Конимбрига. Это второй в стране по посещаемости объект за пределами крупных городов после святилища в Фатиме.

В культурной сфере действует Фонд Кондейши, координирующий деятельность целого ряда ассоциаций и групп. Так, например, что касается музыки, имеется четыре фольклорных коллектива, ансамбль Os Unidos, также исполняющий преимущественно народную музыку, Орфеон им. Жуана Антуниша (церковное и светское хоровое пение) и ряд самодеятельных групп современной музыки.

Сохраняется традиционное ремесло — ручная роспись керамики, в которой работают несколько десятков человек.

Главный местный праздник — день св. Христины (24 июля), однако красочные процессии устраиваются также на Святой Неделе.

Миранда-ду-Дуору (*порт.* Miranda do Douro, *миранд.* Miranda de l Douro) в Северном регионе, историческая провинция Траз-уж-Монтиш (Португалия), имеет статус города при населении около **2 200** жителей (всё население муниципия 7 482). Здесь проживает лингвистическое меньшинство — население говорит на одном из астурийско-леонских диалектов, который получил с 1999 года в Португалии официальный статус под названием *мирандского языка*.

В муниципии более десятка церквей и кафедральный собор (*порт.* Sé), а также ряд часовен; замки, а также остатки древних поселений — *кастро*.

Миранда — местность, с которой прежде всего связывается традиция характерного северно-португальского танца с палками (*порт.* pauliteiros; впрочем, танец имеет аналоги по всему Пиренейскому полуострову). Группы организованы в соответствии с обычаем: восемь танцоров (*порт.* garazes, буквально «парни») и три музыканта (волынец, флейтист и барабанщик), костюм танцоров тоже старинный: рубашки и вышитые юбки, жилеты, чулки и башмаки, на шее — цветной платок, на голове — шляпа (Фото 12). Выступления паулитейру особенно часто приурочены к периоду зимних святок, их музыка и танцы (lhaços) играли роль колядок, в ответ участники получали пожертвования. В Миранде существует несколько групп паулитейру в разных приходах.

В Миранде проводится также фестиваль традиционной культуры “L Burro i L Gueiteiro” (*миранд.* букв. «Осёл и Волынщик», одной из целей ставится сохранение местной фауны, включая особую местную породу ослов), культурно-экологический «Праздник птиц» (июнь–июль), адресованный прежде всего детям, и Межкельтский фестиваль в Сендине (август) — заметное событие в области фольк-музыки. В приходе Сендин также ежегодно отмечается праздник св. Варвары, главный организатор которого — майордом (*порт.* *mordomo*) — назначается каждый год своим предшественником.

Наконец, в городе с 1998 года располагается филиал Университета Траз-уж-Монтиш с программами лиценциатуры по социальной работе и прикладной антропологии.

* * *

На основе сделанных наблюдений и приведённых примеров можно сформулировать некоторые выводы.

Существующие и существовавшие в прошлом критерии выделения *городов* среди прочих поселений (численность населения, структура занятости, благоустройство, наличие укреплений, рынка и т. п.) относительно, вариативны и часто условны. Это даёт основу для существования промежуточного феномена «малого города / посёлка», который широко представлен в странах Южной Европы.

Вероятно, такие городки / посёлки являются едва ли не основным пространством развёртывания этнографических и фольклорных явлений. Дело в том, что поселения, наиболее точно соответствующие понятию *деревни*, слишком малы для сложения общественных структур, которые и поддерживают эти явления культурной жизни. В то же время [большой] город представляет собой обычно зону смешения и нарушения традиционных связей; он слишком велик для естественного личного общения — если вспомнить здесь определения малых сообществ, дававшиеся, в частности, Дж. Мердоком, как максимальной группы лиц, обычно живущих вместе в личной ассоциации.

Литература

Андерсон 2013 — Андерсон Д. Дж. Столичная этнография: воображаемый облик внегородской среды в эпоху городских академий // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН.

Калмыкова 2013 — Калмыкова М. В. Роль «сагр» (праздников) в сохранении пищевых традиций в Италии // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М.: ИЭА РАН.

Кожановский 2006: Кожановский А. Н. Быть испанцем... Традиция. Самосознание. Историческая память. М.: АСТ: Восток – Запад.

Красновская 1986 — Красновская Н. А. Происхождение и этническая история сардинцев. М.: Наука.

Кристи 1990 — Кристи А. Безупречная служанка // Мир детектива – приложение. Пер. Х. Отса. Таллин: Валгус.

Кристи 2005 — Кристи А. Дело лучшей из горничных // Последние дела мисс Марпл. Пер. М. Тарасова. СПб.: Амфора. С. 116–140

Кристи 2008a — Кристи А. ...И в трещинах зеркальный круг. Пер. М. Загота. М.: Эксмо.

Кристи 2008b — Кристи А. Убийство в доме викария. Пер. М. Ковалева. М.: Эксмо.

Кристи 2009 — Кристи А. Труп в библиотеке. Пер. Г. Костиной и Л. Обуховой. М.: Эксмо.

Павловская 2006 — Павловская А. Н. Италия и итальянцы. М.: ОЛМА Медиа Групп.

Свечин 2002 — Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле.

Соловьёв 1984 — Соловьёв С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука.

Фаис 2000 — Фаис О. Д. Официальная юридическая доктрина и нормы местного права: конфликт государства и этнического меньшинства (на примере Италии) // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства. М.: ИЭА РАН.

Фаис 2013 — Фаис О. Д. «Исторические рынки» в Сицилии как форпосты сохранения традиционной культуры

// Очерки о европейской идентичности и многокультурности. М.: ИЭА РАН.

Alarcón 1995 — *Alarcón, P. A. de*. El sombrero de tres picos. Barcelona: PML Ediciones.

Almeida 1993 — *Almeida M. Vale de*. Da taberna ao café: a casa dos homens // Portugal moderno: tradições. Lisboa: POMO.

Buttitta 2002 — *Buttitta I. E*. La memoria lunga. Simboli e riti della religiosità tradizionale. Roma: Meltemi.

Cagnetta 1963 — *Cagnetta F*. Banditi d'Orgosolo. Paris: Buchet Castel.

Lei 1982 — Lei n.º 11/82, de 2 de Junho. Regime de Criação e Extinção das Autarquias Locais e de Designação e Determinação da Categoria das Povoações (com as alterações introduzidas pela Lei n.º 8/93, de 5 de Março) // Diário da República, 1.ª série. Núm. 125, 02.06.1982.

Lei 2012 — Lei n.º 22/2012 de 30 de maio. Aprova o regime jurídico da reorganização administrativa territorial autárquica // Diário da República, 1.ª série. N.º 105. 30.05.2012.

Pigliaru 1970 — *Pigliaru A*. Il banditismo in Sardegna. Milano: Giuffrè.

М. Ю. Мартынова

Особенности идентичности и стратегий жизненного пути горожан Калининградской области

Резюме: В статье рассматриваются различные аспекты социокультурного развития малых городов Калининградской области. Особое внимание уделено проблеме идентичности местного населения и формирования региональной субкультуры в условиях анклава.

Геополитическое положение области как ресурс выбора стратегий жизненного пути

Калининградская область — уникальное явление на карте современной Европы и особый субъект Российской Федерации. Во-первых, область — административно-правовое образование, население которого полностью сформировалось из послевоенных мигрантов. Во-вторых, после распада СССР область стала анклавом Российской Федерации, отделенным от основной части страны тремя государственными границами. Будучи нетипичным субъектом федерации, область строит отношения с центром по особым правилам. В-

Марина Юрьевна Мартынова — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке ИЭА РАН. Эл. адрес: martynova@iea.ras.ru

третьих, расположенная на крайнем западе, выдвинутая почти в центр Европы и окруженная со всех сторон другими государствами, область и ее жители имеют тесные контакты с соседями. Каждый из перечисленных факторов по-своему повлиял на этнокультурную ситуацию в регионе¹.

Демографическая и социокультурная картина в Калининградской области, а также идентичность и жизненные ориентиры ее населения имеют ряд специфических черт. Все они проявляются на фоне значительной урбанизации населения. По данным Госкомстата России, 76,84 % населения области — горожане. Сельские жители также вовлечены в городскую орбиту, так как расстояние от сельского населенного пункта до ближайшего города практически повсеместно не превышает 10–15 км. Растет и маятниковая подвижность сельского населения, значительная часть которого работает в городах. На большей части территории области (Калининградская агломерация) доля горожан превышает 85 %, а плотность населения составляет более 200 чел. / км².

¹ Исследование выполнено в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (Проект «Постсоветские социокультурные трансформации в российском городе») и гранта РГНФ (проект № 13-21-01001). Материал собирался с конца 1990-х годов. С 2006 г. — совместно с Р. А. Григорьевой.

В Калининградской области нет средних по величине городов. Есть один большой город — Калининград (в котором проживает немногим менее половины населения области — 441 376 чел. на 1 января 2013 г.), а в Калининградской агломерации — более 70 %), 20 малых городов (только девять из них превышают 12-тысячный рубеж численности жителей) и три поселка городского типа. После Калининграда больше всего жителей сосредоточено в Советске (41 802 чел.), Черняховске (38 571), Балтийске (32 778), Гусеве (28 534), Светлом (21 626) (Численность 2013). Роль городов в социально-экономической жизни региона при всей их многофункциональности неодинакова. Это и приморская курортная зона (Зеленоградск, Светлогорск), и пограничные города (Мамоново, Багратионовск, Нестеров, Советск), и агропромышленные центры (Краснознаменск, Черняховск, Гусев), и морские порты (ранее военно-морская база Балтийск, Светлый).

Несмотря на то, что Калининград и прилегающие небольшие города отделяет от столицы расстояние в 1216 км, едва ли кто-нибудь сегодня назовет их провинциальными или периферийными в масштабе страны. Положение области на стыке Евросоюза и России, Центральной и Восточной Европы, Балтийского микро-региона и СНГ предоставляют ей широкие возможности экономического, культурного и экологического трансграничного сотрудничества. Область является перекрестком, где сходятся различные интересы. Торго-

вые пути других частей России тянутся сюда, чтобы выйти на контакт с Западом. Приобретают все большее значение незамерзающие морские причалы, растет индустрия туризма, множится число совместных предприятий с зарубежными инвестициями. Особое геополитическое положение Калининградской области и целый комплекс политических факторов обуславливает ее важное стратегическое значение для российского государства. Вокруг проблем этого региона переплетаются интересы и эмоции не только России, но и других стран. Область обладает безусловным потенциалом для интеграции в общее экономическое пространство Балтийского региона и для еврорегионального сотрудничества. Местные города имеют побратимские, то есть партнерские связи с целым рядом зарубежных городов, в том числе с расположенными по соседству.

С социально-экономической точки зрения, будучи оторванными от основной части территории государства, анклавы находятся в особом положении не только в ракурсе экономической политики и торговли, но и в социальной сфере. Некоторым государствам удастся извлечь из этого выгоду, другие анклавы приходят в упадок. Какова судьба Калининградской области?

Анклавными условиями территории объясняется принятие Федерального Закона «О статусе Калининградской области», который определил правовое положение области в составе федерации. Он подчеркнул важность региона в обеспечении системы безопасности

РФ, регулирует его хозяйственную, финансовую и банковскую деятельность, налогообложение, таможенный контроль. Калининградская область одной из первых получила статус свободной экономической зоны (СЭЗ «Янтарь»). 15 ноября 1995 г. Президент России подписал Федеральный Закон, который определил правовые и экономические основы создания условий ускорения социально-экономического развития региона на основе торгово-экономического и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами, обеспечения условий для привлечения иностранного капитала, технологий и управленческого опыта, потенциала российских предприятий, увеличения экспортных возможностей. Для Калининградской области был установлен особый таможенный и налоговый режим.

Еще раз отметим, что область обладает большим потенциалом в аспекте сотрудничества запад-восток. Но в начале 90-х годов XX века традиционные экономические связи Калининградской области были разорваны и уровень экономического спада здесь достиг 70%. Узко специализированная промышленность (машиностроение, рыбная, целлюлозно-бумажная отрасли, обработка янтаря) в советское время имела высокий процент интегрированности в хозяйство других регионов СССР. Тогда около 70% продукции из области вывозилось (главным образом в другие регионы страны), более 90% сырья доставлялось извне. С изменением геополитического положения области экономика ее

существенно модифицировалась и пережила определенный кризис. Но после периода резкого экономического спада (1992-1999 г.) начался экономический подъем. Положительный эффект имел принятый в 1996 г. Федеральный Закон «Об особой экономической зоне в Калининградской области». Он предоставлял возможность беспошлинного импорта сырья и полуфабрикатов в Калининградскую область и беспошлинного вывоза произведенной продукции, если добавленная стоимость составляет не менее 30%. Стали развиваться автомобильное, телевизионное, мебельное, ковровое, мясоперерабатывающее производство.

Утвержденная в 2001 г. Федеральная целевая программа развития области на период до 2015 г., заменившая программу развития Особой экономической зоны на 1998–2005 гг. содействовала развитию социальной и производственной инфраструктуры региона. В 2006 г. принят новый закон «Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ». Закон сохранил на десять лет таможенные льготы юридическим лицам и предоставил налоговые льготы крупным инвесторам. Если Российская Федерация к 2008 г. едва восстановила промышленный потенциал 1990 г., то Калининградская область превысила его в два раза. Это произошло потому, что динамика инвестиций в область в последние 10 лет почти в два раза опережала общероссийские темпы роста. Был реализо-

ван ряд крупномасштабных проектов (строительство Балтийской АЭС, создание туристско-рекреационной зоны, организация игорного бизнеса, начато строительство автомагистрали «Приморское кольцо»). Хотя в сельском хозяйстве не удалось достичь желаемых результатов (Статистический бюллетень 2008).

В постсоветский период определение области как «самой западной» начинает приобретать новое звучание. В него вкладывается не только географический смысл, но и желание достичь высокого уровня жизни, реализовать новую модель развития региона («Новый Гонконг», «Сингапур на Балтике», Зона свободной торговли, Свободная экономическая зона, «пилотный регион» и, наконец, Особая экономическая зона).

Региональная история как ресурс идентичности

Очевидны географические и экономические особенности Калининградской области. Просматривается и наличие культурной специфики края, уникальность формирования его населения, своеобразие идентичности местных жителей. Калининградцы осознают свое особое положение в стране. Область является той частью России, в которой региональная идентичность населения первостепенно значима. Можно констатировать, что современное население области представляет собой территориальную общность. За период, прошедший после Второй мировой войны, выросли новые поколения, социализация которых происходила в специ-

фических условиях: жизнь в регионе, население которого составляют исключительно мигранты, отсутствие границ с Россией, номинальная связь с малой родиной родителей. Все это создало специфическую социальную и этнокультурную ситуацию в области, наложило отпечаток на стиль жизни и формирование особых социально-психологических черт у калининградцев.

Современный социально-политический и культурный контекст формирования идентичности местного населения невозможно понять без анализа особенностей исторического наследия региона. По словам калининградского исследователя Ю. В. Костяшова, между историческим сознанием жителей Калининградской области и населением других регионов Российской Федерации существует принципиальное различие, обусловленное сравнительно коротким (чуть более шестидесяти лет) пребыванием россиян на этой земле (Костяшов 2009: 6).

Точкой отсчета для возникновения современного калининградского социума стала Вторая мировая война, которая, как известно, резко изменила жизнь края. В 1945 г. на Потсдамской конференции союзниками по антигитлеровскому блоку было принято решение о передаче Кенигсберга и прилегающей к нему территории СССР. Седьмого апреля 1946 г. на отошедшей к СССР части бывшей провинции Восточная Пруссия, входившей тогда в состав Германии, была образована новая область России — Калининградская. Впоследствии

здесь сложилась уникальная этнодемографическая ситуация, поскольку довоенные жители были вынуждены практически все покинуть край, произошла полная смена населения. Немцы были в принудительном порядке депортированы в Германию в 1947–1948 гг.

Заселение Калининградской области относится к числу самых масштабных миграционных проектов СССР. Население формировалось из демобилизованных воинов Советской армии и переселенцев из республик и областей СССР, среди которых были люди разных национальностей. С августа 1946 г. организовано массовое прибытие в область переселенцев из 27 областей России, восьми областей Белоруссии, четырех автономных республик. В отличие от целого ряда других регионов страны, на этой территории нет сколь-либо этнически гомогенного населения. Превалирует русская культура, что естественно, поскольку большинство населения составляют русские, доля которых по переписи 2010 г. насчитывает 86,4 % (для сравнения, по переписи 2002 г. их было 82,4 % — Итоги 2010; Национальный состав 2006: 6). Но это выходцы из разных регионов страны, имеющих своеобразные локальные особенности обычаев и быта. Кроме того, этнический состав населения края повторяет всю этническую картину России и бывшего СССР, здесь живут представители 132 национальностей.

Что произошло в результате столь массового переселения в регион новых жителей? Хотелось бы отме-

тить некоторые особенности социокультурного плана, характерные для Калининградской области во второй половине XX века. Переселенцы принесли со старой родины разнообразные традиции, обычаи, навыки жизни. Они должны были адаптироваться в новой социальной среде. В силу исторических причин на этой земле быстрее, чем в целом по стране шел процесс нивелирования этнокультурных отличий. Этому способствовал не только тяжелый послевоенный быт на новом месте. Здесь ускоренными темпами происходило естественное смешение выходцев из разных областей и республик страны. Старшее поколение, которое обычно является носителем традиций, во многих случаях находилось далеко, поэтому популярным был современный образ жизни. Новая историческая общность, которую в недалеком прошлом называли советским народом, именно на калининградской земле приобрела наиболее завершенный облик.

Что касается этнографической специфики традиций, то наиболее ярко она обычно проявляется в праздниках, свадьбах, похоронах, особенностях проведения досуга, в традиционной кухне. Калининградскую область в этом отношении смело можно назвать своеобразным «плавающим котлом». По воспоминаниям людей старшего поколения, в то время трудно было выполнять обряды по правилам какой-то одной традиции. Пели, например, «кто как умеет: и по-белорусски,

и по-мордовски, зависит кто откуда»². В 40-50-е годы прошлого века, когда началось заселение области, этнокультурные различия переселенцев из регионов России и из других республик были сведены к минимуму. Они не культивировались в условиях необходимости выживания на новом месте в тяжелые послевоенные годы. Быстро шел процесс нивелирования этнических и региональных особенностей. По свидетельствам перво-поселенцев, на национальность тогда не обращали внимания, «все люди были одинаковые». Коллективно отмечались советские праздники, все люди ходили на демонстрации. На церковные праздники дома готовили праздничный обед без всяких обрядов. Об обрядах не вспоминали и на свадьбах. Их многие не справляли, просто расписывались в загсе и устраивали скромное застолье³. Не способствовало сохранению традиций отсутствие на первых порах поблизости родственников старшего поколения. Вместе с тем, преобладающее влияние на протяжении десятилетий оказывали русский уклад жизни, русская культура, русский язык.

² Записано со слов В. И. Быковой, 1932 г. р., пос. Липово, Гусевский район, Калининградская обл.

³ Со слов М. П. Тетеревлевой, 1910 г. р., Калининград; В. Т. Рагулиной, пос. Жилино Неманского р-на; В. П. Забоевой, 1918 г. р., г. Неман; А. И. Перикова, 1920 г. р., пос. Гастеллово Славского р-на; Л. Н. Ивановой, 1926 г. р., пос. Краснолесье Нестеровского р-на и др. (См.: *Костяшов* 2009: 142–146).

Приданию региону российского характера способствовала, наряду с другими факторами, и повсеместная замена немецких географических названий населенных пунктов и улиц на русские, которая в 1946 г. была произведена новой властью. Город Кенигсберг стал Калининградом, Раушен — Светлогорском, Кранск — Зеленоградском, Инстербург — Черняховском, Тильзит — Советском и т. д. На фоне балтийского пейзажа появились деревни Малиновка, Сосновка, Медведевка и т. д. Те же немногие старые имена, которые были сохранены, адаптировались — переводились на русский или же претерпели фонетические изменения. Многие калининградцы, особенно старшего поколения, видят в этом акте топонимической русификации не только идеологическую подоплеку, но и стремление сделать чужое своим, культурно освоить пространство, на котором они поселились (Бабенко 2008: 154–162).

Вместе с тем очевидно, что вектор отношения к прусской истории и историко-культурному наследию региона в послевоенные годы определялся восприятием покоренных земель как «логова врага» и сопровождался тотальным отвержением предшествующего прошлого. Архивные материалы свидетельствуют, что в первые годы советского периода не только довоенная, но и вообще местная история совершенно отсутствовала в учебных программах и других просветительских или информационных материалах (Костяшов 2009: 29). Борьба с символами нацизма переросла в борьбу

против прошлого Восточной Пруссии. Например, в 1968 году был взорван Королевский замок, называвшийся тогдашним руководством региона «символом милитаризма и агрессии». На его руинах теперь высится гигантский долгострой — Дом Советов, так и не доведенный до ума символ новой принадлежности города. В конструировании коллективной памяти новых жителей региона, советских переселенцев, центральным элементом официального дискурса было отношение ко Второй мировой войне как к точке отсчета истории региона, при целенаправленном забвении, разрушении и отрицании довоенного немецкого прошлого.

Осваивая историко-культурное наследие прежних жителей

Перелом в истории бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия, сопровождавшийся полной сменой населения края, начал жизнь региона как бы с «чистого листа». Сохранилась ли преемственность в экономическом и культурном развитии на калининградской земле? И да и нет. На хозяйственном и административном управлении, на идеологии и других формах общественного сознания, на быте и поведении населения, принесшего традиции из российской глубинки, не могло не отразиться то, что на смену немецкой культуре пришла российская, на смену рыночной экономике — плановая. В советский период довоенное прошлое края

ушло в небытие, тогда Калининградская земля пестовала типично советские образы, символы и признаки. Ситуация стала меняться в конце 80-х годов XX века, жители края начали открыто показывать свой интерес к довоенной истории. Оказалось, что многие калининградцы и раньше были равнодушны к прошлому земли, ставшей их домом. Удивительно, но факт, что со временем забытые, в том числе и прусские традиции стали пробивать себе дорогу, культивироваться и постепенно все больше влиять на отличие этого региона от других субъектов Российской Федерации. Благоприятной почвой для этого была та материальная культура, предметы быта, архитектурные сооружения, хозяйственные объекты, которые застали на новом месте переселенцы.

Регион изменил свой облик, превратившись из немецкой провинции Восточная Пруссия в российскую Калининградскую область, город Кенигсберг стал российским Калининградом. Вместе с тем, новую жизнь начали многие исторические и архитектурные памятники. Площади главного города области украшают памятники немецкому поэту-романтику Ф. Шиллеру (1910 г., скульптор С. Кауэр), великому философу И. Канту (копия памятника Х. Рауха, 1864 г.), но одновременно и гению русской литературы А. С. Пушкину (1993 г., автор М. К. Аникушин). В реставрированной кирхе Святого Семейства (1904 г., арх. Ф. Хайтман) с 1980 г. находится концертный зал областной филар-

монии с установленным в 1982 г. органом. В реконструированной кирхе Королевы Луизы (1901 г., арх. Ф. Хайтман) расположился театр кукол. В восстановленном здании Торговой биржи (1870-75 гг., арх. Г. Мюллер) поселился Дворец культуры моряков. В помещениях башни «Дона», Королевских, Фридландских городских воротах (XIX в., арх. Э. Л. Астер) открыты музейные экспозиции. В 1985 г. руины кирхи Юдиттен (XIII в.) были отданы православной общине. Реконструированная кирха стала первым православным собором, получившим название Свято-Никольского. Многие из действующих православных церквей сегодня размещаются в переосвященных католических и лютеранских кирхах. В 1996 г. был заложен православный храм Христа Спасителя на площади Победы в Калининграде. В сентябре 2006 г. Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II совершил Великое освящение храма. В восстановленном Кафедральном соборе на острове Канта, наиболее известном памятнике северо-германской готики, проходят концерты фестиваля «Балтийские сезоны», вновь создан органный комплекс (о памятниках см.: Щеглова 2009: 1).

Исследователи отмечают, что культурная и материальная среда, созданная покинувшими область к 1948 г. жителями, постепенно становилась своей для советских переселенцев. Новые жители осваивали «малые формы» иной культурной традиции, архитектурную среду и природный ландшафт бывшей Пруссии,

создавали свою реальность существования, не только адаптировались к иным условиям жизни, но и привносили в них что-то индивидуальное (Карпенко 2010: 92).

Рождение новых героев и праздников

На протяжении второй половины XX века на Калининградской земле постепенно шла эволюция отношения к новой Родине. Здесь вырастали новые поколения и новая локальная общность. С 90-х годов XX века, как и по всей стране, возрос интерес к этнической специфике и традициям. Они стали привноситься в семейный и общественный быт населения. Вместе с тем, формируются и местные традиции, по-своему осмысливается локальное культурное пространство. О существовании региональной субкультуры начали говорить с середины 90-х годов прошлого века, хотя она зародилась гораздо раньше. Но именно с этого времени стали обращать внимание на досоветское прошлое и вплетать его в настоящее. События и деятели разных исторических периодов дают богатый материал для возникновения региональной мифологии. Среди них, прежде всего, местный след в истории о «призвании варягов», прусский период жизни края, личность великого немецкого философа Эммануила Канта, военный подвиг в битве за Восточную Пруссию, история заселения области, ее современное эксклавное положение в центре Европы и особый путь развития.

Многовековая история области — богатый источник разнообразных мифологических сюжетов и легенд. Именно они делают ее образ столь неповторимым и привлекательным не только для местных жителей, но и для туристов. Довоенное историческое прошлое области и ее городов, в частности, с 1990-х годов стало актуализироваться на разных уровнях. Об этом много говорят, пишут в местной прессе, издают книги, проводят научные исследования. Изданы книги, посвященные многовековой истории тех или иных городов области — о Балтийске (Пиллау), Гвардейске (Тапиау), Советске (Тильзите) и др. Местные художники на своих полотнах изображают улицы старых городов с довоенными жилыми зданиями, замками и соборами. В Черняховске, например, создано общество инстербургцев, члены которого испытывают истинную ностальгию к прошлому города (см. подробнее: *Мартынова* 2010, 2013). С 1990 г. действует областной клуб краеведов при Областном государственном архиве Калининградской области. Одним из событий, стимулировавших осознание калининградцами связи между прошлым и будущим, стало празднование в 2005 г. 750-летия города Калининграда-Кенигсберга.

Сегодня очевидна тенденция умножения немецкой составляющей в жизни калининградцев. Чаше стали употребляться в повседневной жизни старые немецкие названия городов. Для молодых калининградцев их город — Кёниг (а не Калининград, но и не Кёнигс-

берг). Как удачно подмечено калининградским исследователем Н. Г. Бабенко, новым городским объектам (районам реконструкции, гостиницам, кафе и ресторанам) все чаще дают немецкие имена. Это становится в том числе и экономически выгодным. (Бабенко 2008: 158-160).

Жители Калининградской области осознают, что яркие свидетельства их культурного прошлого — фрагменты германской архитектуры — придают калининградским городам особый облик и колорит, который не встретишь больше нигде в России. Только в одном Калининграде с немецких времён сохранилось более 300 домов, особняков, фортов, сооружений и кирх, которые после войны были отреставрированы и включены в список памятников архитектуры, находящихся под охраной государства как культурное достояние.

Символическая картина мира жителей Калининградской области, как показали исследования, также имеет локальную специфику: характерными ее чертами являются вертикаль готических строений из красного кирпича, остроконечные крыши с красной черепицей, липы вдоль булыжных мостовых. Нельзя не упомянуть в этой связи и уникальное очарование области — янтарь, который является культурным брендом и «визитной карточкой» Калининграда. В последние годы у региона появились и кулинарные символы — кенигсбергские клопсы и марципаны. Происходящее «на глазах» конструирование мифологического пространства —

М. Ю. Мартынова. Идентичность горожан Калининградской обл. ♦ 135
важный процесс, характеризующий современное состояние области.

Вглубь веков за российскими корнями

В то же время, после распада СССР, когда Калининградская область оказалась территориально оторвана от основной части страны, озабоченность дальнейшей судьбой вызвала желание не только познакомиться с прусским прошлым, но и удревить историю российского (русского) присутствия в Восточной Пруссии. Нужно отметить, что тезис о Восточной Пруссии как исконно славянской земле был сформулирован еще И. В. Сталиным на Тегеранской конференции в 1943 г. Тезис руководителя страны в последующие годы развивали и пытались обосновать специалисты. В Большой советской энциклопедии 1953 г. в статье «Калининградская область» говорилось, что она была образована «на древних исконных землях прибалтийских славян после разгрома фашистской Германии» (БСЭ 1953: 426). Правда, со временем стали уже говорить о древнем населении как о славянско-литовском. Преднамеренные фальсификации истории края до XIII в., до немецкого периода, довольно быстро были раскритикованы. Появились другие более реалистичные возможности освоения пространства.

О российской (русской) истории в наши дни напоминают установленные на Калининградской земле памятники Петру Первому, дочери его Елизавете, Ми-

хаилу Кутузову. Изданы соответствующие книги. Совет ветеранов и людей старшего возраста не оставляют равнодушными более поздние события военных лет и история заселения края в советский период. Военные сюжеты были популярны в области на протяжении всей второй половины XX века. Сейчас мифологическое пространство городов и их окрugs пополняется новыми локусами, героями и сюжетами, причем, этот процесс продолжается.

Надо сказать, что не все жители Калининградской области разделяют широко распространившуюся в последние годы увлеченность прусским прошлым региона. В частности, губернатору Калининградской области Н. Н. Цуканову в октябре 2010 г. было направлено открытое письмо, в котором выражалась обеспокоенность тем, что «большинству молодёжи навязывается ложная “евро-прусская” “калининградская идентичность”» (как сказано, через школьные программы по краеведению на 80 % состоящие из чужой истории и культуры, через некоторые местные СМИ и даже через оформление остановок общественного транспорта — Открытое письмо 2010: 1). В письме также предлагается сделать Калининградскую область, заселенную более чем на 90 % представителями русского, белорусского и украинского народов, своеобразным ресурсным и образовательным центром, объединяющим представителей Русского мира Прибалтики, с тем чтобы оказывать нашим соотечественникам за рубежом и русским общинам При-

балтики необходимую помощь в подготовке учителей русского языка и литературы, русской истории, в получении русскоязычной прибалтийской молодёжью соответствующего образования в калининградских высших и средних образовательных учреждениях (Открытое письмо 2010: 1). Авторы письма предложили российскому правительству разработать для Калининградской области концепцию развития внутреннего туризма под названием «Янтарный край — европейский музей российской культуры».

Выражением патриотических настроений можно считать инициативу создания калининградского общественного движения Союз потомков первых калининградцев «Наследники Победы» и предложение установления ежегодного празднования новой межрегиональной памятной даты — 9 июля — Дня памяти первых калининградцев (дата подписания указа о создании области). В 2011 году отмечалось 65-летие Янтарного края России, в том же году исполнилось 65 лет с момента прибытия в город Гумбиннен (современный Гусев) первого эшелона с переселенцами из Центральной России в рамках государственной программы заселения региона. Еще одна идея — создание приоритетных условий для изучения детьми, студентами, молодёжью и другими жителями Калининградской области истории и культуры тех регионов страны, которые являются основными донорами первоначального населения Калининградской области. В августе 2010 года в Кали-

нинграде зарегистрировано некоммерческое партнёрство «Центр изучения родной культуры им. И. А. Ильина».

Естественно, что государство заинтересовано в укреплении всяческих связей между основной его частью и анклавом. Применительно к Калининградской области целенаправленно воздействовать на этот процесс призвана действующая в регионе с 2006 г. Общешкольная программа патриотического воспитания «Мы — россияне». В ее задачу входит приобщение молодежи Калининградской области к российской культуре и духовности (Мы — россияне 2006). Программа включает экскурсионно-образовательное знакомство с регионами России, способствует посещению калининградскими школьниками Москвы и других городов страны.

Хотелось бы выразить надежду, что жителям Калининградской области удастся найти баланс между вниманием к разным вехам истории их «малой родины». Вероятно, нужно учесть и то, что всплеск интереса к прусскому прошлому вызван отсутствием достаточной информации об этом на протяжении нескольких десятилетий.

Отметим, что на Калининградской земле произошел не просто синтез немецкой, русской и других культур. По нашему мнению, в этом западном регионе скорее можно наблюдать органичное включение в пространство российской культуры и образа жизни разнообразных элементов довоенного культурного наследия

(исторических памятников и личностей, природного ландшафта, событий). Есть основание усмотреть в этом культивировании местной немецкой составляющей и определенное стремление придать своей малой родине некий «европейский» шарм и стать еще ближе к Европе с ее высоким уровнем жизни.

Говорить о постепенной германизации области, вероятно, все-таки нет достаточных причин, так как все эти иностранные элементы растворяются в огромном массиве российской культуры, которая здесь является доминирующей. Активное внедрение этнических репрезентаций в нашу жизнь проявляется также в возрастании использования элементов собственной национальной истории в повседневный быт. Реконструированные традиции стали играть значительную роль в российской культуре повсеместно. Из прошлых веков извлекаются символы, образы и культурные герои, репрезентирующие архетипы этнических групп, населяющих страну. Среди примеров постмодернистской игры с русскими традициями можно назвать «историко-этнографические» названия фирм, улиц, товаров и торговых центров во многих городах. Список пополняют персонажи на обложках журналов, рекламных постерах и телевизионных роликах, предметы городского и деревенского быта XIX в. в витринах, религиозная символика не только как символ веры, но и дань моде.

Мост между Россией и Европой — европейская составляющая идентичности

После распада СССР Калининградская область вступила в новый судьбоносный период. Она стала эксклавом. Радикальные изменения коснулись как геополитического, геоэкономического положения края, так и этнокультурной ситуации. Начали строиться разные прогнозы относительно будущего Калининградской области. Нередко можно было услышать пророчества, что в перспективе она получит независимость и станет управляться как кондоминимум европейских государств.

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века будущее Калининградской области моделировалось в рамках Потсдамской системы, на Западе опасались военной угрозы области для Балтийского региона, так как сюда в то время переводились некоторые части Российской армии из стран Восточного блока. В середине 90-х начала развиваться идея «балтийского Гонконга» в качестве альтернативы по интернационализации и демилитаризации региона. Эта концепция подразумевала раскрытие потенциала области в качестве связующего экономического звена между востоком и западом. На рубеже веков на первый план вышли угрозы невоенного характера. Существенное внимание уделялось расширению Евросоюза на восток, социально-экономическому развитию области, ее экономическому

отставанию от соседей и превращению в двойную периферию — и для России, и для Европы.

Через несколько лет, когда Калининградская область оказалась в окружении Евросоюза, особую важность приобрели вопросы транзита российских пассажиров и товаров, а также военного транзита. Таким образом, область, вопреки прогнозам, не стала ни препятствием на пути развития евроатлантических институтов, ни причиной военного конфликта или очагом социальной и экономической нестабильности в регионе. Вместе с тем, оптимистический сценарий, касающийся широкой автономии и независимости действий региона, свободной торговли не оправдал ожидания.

Многие калининградцы видят свое будущее в интеграции российской и европейской культуры. Близость и доступность государств Европы позволяет калининградцам в повседневной практике близко познакомиться с жизнью населения в других странах, прежде всего в Польше, Германии, Литве, странах Балтийского региона. Многие жители региона, особенно молодежь, часто ездят за рубеж, но никогда не были в основной части России. Много говорится об «особой судьбе» Калининградской области.

Молодежь Калининградской области ощущает себя частью Балтийского региона, не видит свою жизнь в отрыве от стран Евросоюза. Об этом, в частности, свидетельствует популярность изучения разных языков. В

вузах и педагогических колледжах ведется подготовка студентов по специальности «преподаватель литовского языка», «преподаватель польского языка», «преподаватель немецкого языка». Есть школьные классы с изучением немецкого, польского и литовского языков.

О масштабности процесса свидетельствуют следующие факты⁴. Литовский язык изучают более 920 человек в 112 классах восьми школ, на десяти факультативах и в двух детских садах. Польский язык учат не только при Генеральном консульстве Республики Польша в Калининградской области, но и в обществах «Россия — Польша» и «Калининград — Свиноуйсьце». Курсы польского языка организованы также обществами польской культуры городов Гусев и Озерск. Углубленное обучение польскому языку ведется в средней школе № 40 г. Калининграда и в школах поселков Железнодорожного и Суворовки. При польских костелах работают воскресные школы. Курсы немецкого языка организованы при Немецко-Русском доме. Как профилирующая дисциплина немецкий язык преподается в лицее № 23 г. Калининграда. На немецком языке еженедельно демонстрируются фильмы, проводятся лекции и занятия с детьми в киноклубе национально-культурного объединения (НКО) российских немцев.

⁴ Материалы представлены начальником отдела национально-культурных и общественных связей Правительства Калининградской области О. М. Панасенко.

Армянский язык можно изучать на курсах в армянском информационном центре.

Выпускники калининградских школ направляются на учебу в вузы Беларуси (в основном медицинские) и наоборот. Также среди молодежи области популярно получение образования в Польше и Германии. Представители этнических групп взаимодействуют с государственными и общественными структурами этих стран, получают от них поддержку. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что соседние страны заинтересованы в налаживании контактов с Калининградской областью в целом, а не только с представителями своей диаспоры. Именно в этом направлении и развиваются сейчас межгосударственные связи.

Уместно отметить, что интерес к русскому языку и культуре проявляют сопредельные страны. В частности, студенты из вузов Германии и Франции участвовали в работе летней школы «Языки, общество, новая Европа», которая была организована в РГУ им. И. Канта. Иностранные граждане обучаются русскому языку и в Балтийской государственной академии.

Калининградская область — магнетизм притяжения и перспективность жизненного пути

По данным на 1 января 2010 г. численность населения области составляет 937,9 тыс. человек (Итоги 2010). Калининградская область является одним из густонаселенных регионов России. Плотность ее насе-

ления — 62,6 человека на квадратный километр, что превышает среднероссийский показатель в 7,5 раз.

Согласно Всероссийской переписи 2010 г. из 140 этнических групп, представители которых проживают в области, наиболее многочисленными, как уже отмечалось, являются русские. Они составляют 86,4 % населения, далее по количеству следуют украинцы — 3,7 %, белорусы — 3,6 % (по прошлой переписи — 5,3 % и второе место по доле в общей численности жителей области), литовцы — 1,1 %. В целом они составляют 94,8 % населения области (Калининградская область 2010: 6). В период 1990–2002 гг. из 97 756 детей, родившихся в Калининградской области, у 34 364 детей (35,2 %) мать и отец были разной национальности. Среди детей, рождённых русскими женщинами, это составило 25,6 %, украинками — 80,4 %, литовками — 83,0 %, белорусками — 83,3 %⁵.

Исследования показали, что в Калининградской области, по данным 2008 г., лишь две пятых населения являются местными уроженцами, остальные — иммигранты, прибывшие в разное время, причем почти четверть — с начала 1990-х годов (Миграционные процессы 2008: 16). После распада СССР Калининградская область стала привлекать новых жителей. Этому спо-

⁵ Данные Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области (материалы архива).

собствуют не только благоприятные природные условия, особое географическое положение и соседство со странами ЕС, но и рост региональной экономики, наличие рабочих мест, активная миграционная политика. Кое-кто приезжает сюда зачастую лишь с целью осуществления коммерческой деятельности. Другие граждане не хотят обрести новую родину из-за неблагоприятной обстановки в прежних местах жительства. Они покинули бывшие советские республики Прибалтики, Средней Азии, Казахстана. Своеобразный этнокультурный мостик видит в Калининградской области часть российских немцев.

По данным ФМС, с 1992 г. в область прибыло более 250 тыс. иммигрантов. В этот период миграция стала оказывать решающее воздействие на рост населения области. Причем если миграционная подвижность местного населения резко снизилась, то также сильно возросло положительное сальдо прибывающих в область извне. Иммиграционный поток резко увеличился в 1990 г., в два раза превысив показатель 1989 г. В первой половине 1990-х годов миграционный прирост достигал 20–25 тыс. человек ежегодно. К концу века, после стабилизации политических процессов в СНГ, миграционная активность по всей Калининградской области стала несколько сокращаться, но осталась высокой (Лопуленко и др. 1998: 11).

В сравнении с 1991 г. (32 572 чел.) в 2002 г. количество переселенцев (20 686 чел.) уменьшилось на

37 %. Минимальный миграционный прирост приходился на 2003–2005 гг., затем вновь произошло некоторое увеличение миграционного сальдо. В 2009 г. в область прибыли 13 125 чел. (94,5 % от уровня 2008 г.), выбыл 9738 чел. (95,8 % от уровня 2008 г.). Миграционный прирост в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составил 3387 чел. или 91 %. (Численность 2010: 8, 13; Основные показатели 2010: 67)

С 2007 г. Калининградская область активно участвует в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Область входит в число 12 пилотных регионов, определенных Указом Президента РФ № 637 от 22.06.2006 г. По данным ФМС, на начало 2009 г. из 8949 соотечественников, прибывших в Россию, Калининградская область приняла 4155 чел., то есть почти половину от общего числа прибывших в страну. Таким образом, регион оказался для переселенцев одним из самых привлекательных (В Калининградскую область 2008; Емельянова 2009: 151; Программа 2007).

Характер объемов и направлений миграций показывает, что максимальный миграционный динамизм в 1990–2000 годы обеспечивали страны СНГ и Балтии. На долю этих стран приходится более четырех пятых всего миграционного прироста (80,3 %). Оценивая внешнюю миграцию в целом, можно констатировать, что прослеживается два основных потока иностранных

граждан, въезжающих на территорию Калининградской области: среднеазиатское направление и европейское направление. В 1992 г. положительное сальдо миграций было со странами Балтии. Затем значимым стал приток мигрантов из Средней Азии. Среди прибывших преобладали русские жители бывших союзных республик, а также немцы из Средней Азии и Казахстана.

По данным Росстата, в 2009 г. 37 % иммигрантов прибыло из Казахстана, 29,4 % из государств Средней Азии, 12,6 % из государств Закавказья. На европейские государства СНГ пришлось 15,4 % прибывших, среди которых больше всего на Украину — 9,2 %, 3,9 % на Белоруссию, 2,3 % на Молдову. Три государства Балтии в 2009 г. обеспечили 2,5 % иммигрантов. (Численность 2009: 16,22; Численность 2010: 16, 23; Численность 2011: 16).

В целом же в последние два десятилетия этнический состав миграции при общем преобладании русских стал более пестрым. В результате активизации миграционных потоков в области в последние годы увеличилось число представителей коренных национальностей стран СНГ, значительной миграционной мобильностью обладали также немцы, татары, мордва. В списке народов, формирующих калининградский социум, увеличилась доля армян, корейцев, чеченцев, таджиков и азербайджанцев (Национальный состав 2006: 6–7). Одним из самых динамичных миграционных потоков стала внешняя трудовая миграция.

Источниками иммигрантов из регионов России являются преимущественно Центральный, Дальневосточный, Сибирский и Южный федеральные округа.

Существенно за этот период (в 20 раз) снизилась миграция из области в страны дальнего зарубежья, чему во многом способствовала стабилизация экономического положения. Внутрорегиональная миграция направлена из восточных районов области, которые все еще являются депрессивными, в западные, в результате население активно перемещается в областной центр и прилегающие к нему населенные пункты. Восточные районы, к сожалению, пока еще не рассматриваются мигрантами в качестве привлекательного места жительства и иммиграционное движение в 1990–2000-е годы не обеспечило прирост численности населения, преимущественно за счет отрицательного сальдо миграций.

Возрастные характеристики миграции показывают увеличение в потоках мигрантов в последние годы лиц трудоспособного возраста, как из регионов России, так и из стран СНГ. По данным 2008 г., среди 13 125 мигрантов Калининградской области 9943 или 76,1 % были в трудоспособном возрасте. В возрасте старше трудоспособного — 11,5 %. Моложе трудоспособного — 12,4 %. При этом из прибывших лиц трудоспособного возраста почти 45 % в возрасте от 18 до 29 лет. Гендерные оценки позволяют говорить о дальнейшей феминизации миграционных процессов. В этот же период

прибыло 6636 мужчин и 6489 женщин. Образовательный уровень мигрантов последней волны высок. Доля лиц, имеющих высшее образование, составила почти 40 %, среднее профессиональное — 35 %. Вместе с тем, лишь немногим более 5 % составили лица с профессионально-техническим образованием, обладающие наиболее востребованными на рынке труда рабочими специальностями (Численность 2010: 26–31, 44–45).

Как показали исследования, адаптация переселенцев новой волны происходит в Калининградской области достаточно успешно. По данным региональных социологов, иммигранты перестают ощущать себя в новой социальной среде «чужими» быстрее в сравнении с усредненными мировыми показателями (которые, по мнению психологов, в среднем составляют 10 лет). Социологические опросы, проведенные Социологическим центром РГУ им. И. Канта летом 2008 г., констатировали, что лишь 3,5 % от общего количества опрошенных, не являющихся уроженцами области, ощущают себя переселенцами. Поэтому, несмотря на высокую степень миграционной активности на протяжении всей истории Калининградской области, большинство населения чувствуют себя жителями региона и быстро вливаются в калининградский социум. Вероятно, этому способствует переселенческий и полиэтнический состав местного населения (Емельянова 2009: 166).

Численность населения области медленно, но растет. Вместе с тем, следует отметить, что при всей

миграционной привлекательности Калининградской области, местная молодежь, к сожалению, не всегда связывает свои дальнейшие жизненные планы с данным регионом. Это подтвердили масштабные социологические исследования, проведенные в Калининградской области в 2007, 2010 и в 2011 г., в среде работающей молодежи, студентов и школьников от 14 до 30 лет. В 2011 г. в СМИ широко обсуждалась информация, озвученная региональным Агентством по делам молодежи о том, что 42 % опрошенных молодых людей и девушек, по результатам социологических исследований, заявили о своём желании уехать. Но при этом вселяет оптимизм то, что 59 % «раздумывающих уехать», допускают, что могут вернуться в регион (Молодежь 2011).

Этническая идентичность и ее потенциал

С началом трансформационных процессов, как и на всей территории бывшего Советского Союза, в Калининградской области произошла консолидация этнических субкультур и оживилось этническое самосознание. Практически во всех группах населения активизировалась этнокультурная проблематика, возрос интерес к изучению родного языка, знакомству с культурой, историей, традициями, религией, особенностями быта своего народа. Распространились и стали активно действовать институционализированные формы национально-культурного объединения (НКО) и религи-

озные организации, зачастую имеющие этническую специфику. С начала 1990-х годов началось формирование национально-культурных обществ. С тех пор число их существенно выросло. Так, к 1993 г. в области было зарегистрировано 16 общественных организаций, созданных по этническому признаку, к 1995 г. — 32, в 1998 г. — уже более 40, по данным 2004 их было 73, а к 2010 г. их насчитывалось несколько меньше — 52. На территории области зарегистрировано семь региональных и одиннадцать местных национально-культурных автономий. НКО действуют в 14 из 22 муниципальных округов области, но около 70 % из них локализованы в г. Калининграде.

По этническому признаку национально-культурные общественные организации распределяются следующим образом: 14 организаций созданы российскими немцами, 11 — русскими, 9 — армянами, 8 — литовцами, по 7 организаций имеют поляки и украинцы, 4 — азербайджанцы, 3 — белорусы, по 2 — ассирийцы, казахи, таджики, по 1 — грузины, евреи, осетины, туркмены, татары, чуваша, цыгане и корейцы⁶.

Основными направлениями деятельности областных и районных обществ, как следует из их уставов,

⁶ По материалам, представленным начальником отдела национально-культурных и общественных связей Правительства Калининградской области О. М. Панасенко. См. также: Национально-культурные объединения 2004.

является содействие возрождению, сохранности и приумножению национального и культурного достояния; проведение работы по сохранению языка и этнического своеобразия народов; проведение культурных мероприятий; популяризация прикладного искусства; поддержание контактов с исторической родиной. В последние годы при покровительстве НКО происходит формирование молодежных организаций. Они есть, в частности, у азербайджанцев, армян, российских немцев.

Ежегодно каждое национально-культурное общество проводит дни своей культуры, отмечает различные национальные праздники, участвует в общих мероприятиях, проводимых в области и районе. Силами обществ организовывается художественная самодеятельность, угощение национальными блюдами, выставки изделий народных промыслов. Многие из обществ поддерживают контакты с всероссийскими национальными организациями.

В области публикуются издания на разных языках, выходят радио- и телепередачи. Среди них: «Белорусская народная газета», радиопрограмма «Криница» на белорусском языке, информационный бюллетень общества польской культуры, еврейский вестник «Шофар», а также распространяются газеты «Азеррос», «Трибуна ислама», «Татарские новости» и т. д.

Определенный интерес к своим диаспорам проявляют государства, являющиеся историческими роди-

нами части населения Калининградской области. В первую очередь это касается Германии, Литвы, Польши, Беларуси. Представители этнических групп взаимодействуют с государственными и общественными структурами этих стран, получают от них поддержку. Помощь оказывается в разных формах. Министерство культуры Республики Беларусь, например, безвозмездно передало книги в несколько районных библиотек области. Фонды книг на литовском и белорусском языках есть в областной библиотеке и библиотеке г. Советска (Григорьева 2012, 2013).

Мониторинг идентичности калининградцев

Исследовательница А. М. Карпенко выделяет три основных линии конструирования нарратива региональной идентичности в Калининградской области в постсоветский период: «традиционно-государственная» (Калининград как «неотъемлемая часть России»), «сепаратистская» (Калининград как Балтийская республика или «особая экономическая зона») и «сотрудническая» (Калининград как «пилотный регион» взаимодействия России и Европы — Карпенко 2008: 22). В начале 2000-х годов много говорилось об интеграции области в европейское пространство, регион позиционировался как мост между Россией и Европой. Вместе с тем, как отмечает исследовательница, после 2005 г. в области происходит актуализация традиционно-государственных символических стра-

тегий, сформировавшихся в советский период, когда регион был полной периферией по отношению к центру. Возрождение элементов этого в высшей степени модернистского дискурса наблюдается в целом ряде практик, направленных на «искоренение латентного сепаратизма» (Там же).

Эмпирические и социологические исследования последнего десятилетия подтверждают эти наблюдения. С наступлением эксклавного периода в истории Калининградской области, его жители стали активно рассуждать о судьбе области и о местной, калининградской идентичности. Кто они? Калининградцы, россияне, европейцы или представители той или иной национальности? Какое место они будут занимать в социально-культурной жизни России и Европы? Какие выгоды можно извлечь из своего особого геополитического и географического положения? (См.: *Мартынова* 2011)

В 2000-ые годы в Калининградской области был проведен ряд социологических опросов, направленных на выяснение ответов на эти вопросы. В 2002 г. лишь 24,6 % калининградцев считали российскую идентичность первостепенной, тогда как в основной части России этот показатель равнялся 49 %. На первое место поставили региональную идентичность, ассоциируя себя с областью в целом, 28 % калининградцев. Локальную идентичность, имея в виду свой населенный пункт, предпочли еще 32,2 %. (В основной части Рос-

сии каждый из двух вариантов выбрали по 17 % опрошенных) (Чабанова 2002).

Согласно полученным в 2005 г. данным, в структуре социальной идентичности жителей Калининградской области уже доминирующее положение занимала российская идентичность. В первую очередь россиянами считали себя 41,0 % опрошенных, а европейцами — 5,8 %. По совокупности трех выборов (можно было выбрать несколько вариантов ответов) российская идентичность набрала 76,8 % голосов. Второй по значимости была региональная идентичность: 70,2 % опрошенных считали себя жителями Калининградской области в первую, вторую и третью очередь. Третье место по сумме трех выборов занимала локальная идентичность: 54,8 жителей региона идентифицировали себя со своим городом или селом. Значимое место принадлежало этнической идентичности: 46,6 % респондентов хотя бы в одном варианте из трех назвали себя представителями той или иной этнической группы.

Локальная идентичность (напр., «я — черняовец») была больше выражена у жителей малых городов (60,7 % по сумме трех выборов) и сел (60,2 %). Среди жителей малых городов Калининградской области 82,7 % по сумме трех выборов в первую очередь отмечали российскую идентичность, затем — региональную идентичность (житель Калининградской области) — 80 %, локальную — 60,7 %, этническую — 38,7 %, затруднились ответить 8 %. Возрастные различия были

наиболее заметны по этнической и европейской составляющим. Чем старше респонденты, тем реже они идентифицировали себя с Европой. И наоборот — этническая идентичность наиболее выражена у лиц старшего возраста. Жители области, проживающие там с рождения или с советского времени, чаще идентифицировали себя со страной в целом, регионом, локальным сообществом — по сравнению с мигрантами постсоветского времени. Последние чаще отождествляли себя с Европой и этнической общностью (Проблема сепаратизма 2006: 33-39, Мартынова 2013: 73).

Исследователи отмечают, что сегодня у подавляющего большинства молодых людей идет некоторое «размывание» российской ментальности. Абсолютное большинство позиционируют себя в первую очередь как калининградцев, а значительная часть — как европейцев. Опыт социологических опросов, проводящихся с 2000 года, позволяет отметить явную динамику этого состояния в сторону его усиления. Обыденным в повседневной лексике стало выражение «был(а) в России». От молодого калининградца редко можно услышать слова «у нас в России» (Проблема сепаратизма 2006: 79–80).

Региональная и локальная идентичности у жителей Калининградской области выражена больше, чем по России в целом. При этом обнадеживающими являются результаты опроса населения относительно будущего региона. На вопрос: «Какой выбор кажется вам

наилучшим?», жители Калининградской области в 2002 г. дали следующие ответы: 21 % — область будет иметь равные права с остальными регионами России; 38 % — область останется в составе России, но будет иметь особый статус; 19 % — область останется регионом России, но в нем будет действовать собственное законодательство; 5 % — область станет независимым государством; 3 % — область будет возвращена Германии и 14 % затруднились ответить. (Калининградская проблема 2002: 7-8, 10).

Таким образом, подавляющее большинство калининградцев считает наиболее предпочтительным существование своей малой родины в составе Российской Федерации, хотя и с особыми правами (главным образом экономического характера). Лишь 8 % хотели бы видеть ее вне России, что свидетельствует о минимальной поддержке сепаратистских устремлений. При этом по сравнению с опросами начала 1990-х годов процент разделяющих позицию о желательной независимости области имеет отрицательную динамику. Уместно отметить, что в пользу пророссийских настроений свидетельствует и тот факт, что, несмотря на негативное отношение к личности М. И. Калинина, имя которого носит область, 70—80 % ее жителей высказались против возвращения старого немецкого названия, опасаясь регерманизации региона (Винокуров 2004).

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что пример Калининградской области показывает нам, как на протяжении относительно короткого периода времени (шестидесяти пяти лет) менялось отношение к разным вехам истории своей «малой родины», но каждая из них, несомненно, внесла свой вклад в формирование идентичности местного населения. Мониторинг ситуации в Калининградской области показывает, что коллективная историческая память калининградцев оказалась в зависимости как от дискурса «строительства советской власти» на территории вне «чужого прошлого», вытесненного на десятилетия из официального пространства, так и от материального контекста «культурного наследия» (чужой культуры) малой родины. В постсоветский период актуализировался контекст включенности в «европейское пространство», подстегнувший интерес к историческому прошлому региона, репрезентация которого оказалась в прямой связи с пониманием будущего области. Культурно-историческая и унаследованная материальная среда обитания обретают новую жизнь, продолжая играть важную роль в процессе формирования региональной идентичности жителей Калининградской области.

Исследование позволяет сделать вывод, что фактор локальной идентичности личности для жителей анклава более значим в сравнении с его ролью в мате-

ринском и соседних государствах. При этом пример Калининградской области еще раз убеждает нас в закономерности и возможности наличия у человека множественных идентичностей, когда существует личностная дифференциация государственной, этнической и локальной (территориальной) идентичностей. Последняя в данном случае подпитывается особым положением анклава в составе государства. В целом же можно констатировать, что формированию каждой из обозначенных идентичностей сопутствуют обстоятельства как поддерживающие ее, способствующие росту значимости, так и ослабляющие.

Исследование динамики численности населения Калининградской области и тенденций его размещения, этносоциального состава мигрантов и процесса их адаптации в области свидетельствуют о том, что в этом регионе сложилась особая территориальная общность — калининградцы. Именно так самоидентифицируют себя жители региона. Различные этнические группы интегрированы в общую этносоциальную структуру Калининградской области. Население края, несмотря на относительно непродолжительный период проживания здесь, является укорененным и не имеет тенденции покинуть область, сменив место жительства. Более того, с начала 90-х годов XX века отмечен всплеск миграций сюда из многих регионов бывшего СССР.

Все население края можно разделить на тех, кто живет в Калининградской области во втором, третьем

и четвертом поколениях и переселенцев последних лет. Однако, несмотря на все имеющиеся нюансы, вопреки особенностям геополитического положения области, а также вопреки попыткам определенных сил использовать региональный фактор в политических целях, в Калининградской области не пользуются популярностью сепаратистские устремления и свое будущее жители края видят в составе единой России. Немалое значение имеет и тот факт, что подавляющее большинство калининградцев имеет корни в различных регионах страны и именно ее считают своей Родиной. Фоновое исследование межэтнических отношений позволяет констатировать, что в регионе нет острых социальных и межэтнических конфликтов.

Подчеркнем также, что в условиях особого геополитического положения области стратегии взаимоотношения центр — регион требуют новаторских подходов, а выполнение региональных программ имеет государственное и международное значение. Поэтому необходима всяческая федеральная поддержка мероприятий, направленных на решение социальных проблем Калининградской области и дальнейшее укрепление ее экономических, политических и культурных связей с «большой» Россией. Отношения федеральный центр — анклав оказывают глубокое воздействие на многие параметры жизни населения региона, в том числе и на формирование идентичности. Поэтому многое в буду-

М. Ю. Мартынова. Идентичность горожан Калининградской обл. ♦ 161
щей судьбе области будет зависеть от государственной политики, от позиции и действий федеральной власти.

Литература:

Бабенко 2008 — Бабенко И. Г. Топонимический текст Калининграда как отражение культурного полилога // Балтийский регион. Лики русского мира. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.

БСЭ 1953 — Большая советская энциклопедия. М.: БСЭ. Т. 19.

Винокуров 2004 — Винокуров Е. Ю. Калининграду должно быть возвращено его прежнее название - Кёнигсберг // Балтийские исследования. Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе: Сборник научных трудов. / Клуб исследователей Восточной Европы. — Калининград: Изд. КГУ. Вып. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.vinokurov.info

В Калининградскую область 2008 — В Калининградскую область приехали более 4300 переселенцев [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.severinfo.ru/news/24616>

Григорьева 2012 — Григорьева Р. А. Белорусы и поляки Калининградской области. Конфессия и идентичность // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Мінск: Право и экономика.

Григорьева 2013 — Григорьева Р. А. Белорусское присутствие в Калининградской области // Этнокультурные

процессы Гродненского Понеманья в прошлом и настоящем. Минск: Белорусская наука.

Емельянова 2009 — *Емельянова Л. Л.* Складывающиеся практики адаптации переселенцев на территории Калининградской области // Миграционная политика в регионах РФ. Законодательство и правоприменительная практика. Калининград: РГУ им. И. Канта.

Итоги 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html

Калининградская область 2010 — Калининградская область в цифрах. 2010. Калининград, Территориальный орган ФСГС по Калининградской области.

Калининградская проблема 2002 — Данные Калининградского социологического центра. Калининградская проблема: фактор общественного мнения // Калининградская правда. 10.12.2002. С. 7–8; 17.12.2002. С. 10.

Карпенко 2008 — *Карпенко А. М.* Региональная идентичность как категория политической практики. Автореферат диссертации ... кандидата политических наук. М.

Карпенко 2010 — *Карпенко А. М.* Передача символически значимых памятников культурного наследия Калининградской области в собственность РПЦ. Социаль-

М. Ю. Мартынова. Идентичность горожан Калининградской обл. ♦ 163
ные и культурные аспекты конфликта // Вестник РГУ
им. И. Канта. Вып. 12.

Костяшов 2009 — Костяшов Ю. В. Секретная история
Калининградской области. Калининград: Терра
Балтика.

Лопуленко и др. 1998 — Лопуленко Н. А., Мартыно-
ва М. Ю., Дубова Н. А. Калининградская область: со-
временные этнокультурные процессы. Серия «Исследо-
вания по прикладной и неотложной этнологии».
№ 119. М.: ИЭА РАН.

Мартынова 2010 — Мартынова М. Ю. Черняховск Ка-
лининградской области // Малый город в современной
России. М.: ИЭА РАН. С. 34-64.

Мартынова 2011 — Мартынова М. Ю. Калининградцы
как часть российской нации // Вестник российской на-
ции. № 1–2. С. 140-156.

Мартынова 2013 — Мартынова М. Ю. Черняховск Ка-
лининградской области // Миграционные процессы
2008 — Миграционные процессы в Юго-Восточной час-
ти региона Балтийского моря. Калининград: Изд. РГУ
им. И. Канта.

Молодежь 2011 — Молодежь-2011. Исследовательская
компания «КМГ». Опубликовано 26.04.2012 [Электрон-
ный ресурс]. Режим доступа: <http://kmggroup.ru/>

Мы здесь живем 2013 — Мы здесь живем. Социальная
антропология малого российского города / Отв. ред.
В. А. Тишков. Редколлегия: Н. А. Антропова, О. Ю. Ар-
темова, М. Ю. Мартынова. М.: РГГУ.

Мы — россияне 2006 — Программа патриотического воспитания «Мы — россияне» [Электронный ресурс]. Калининград. Режим доступа: <http://my-russiane.ru>

Национально-культурные объединения 2004 — Национально-культурные объединения Калининградской области. Информационный справочник. Калининград.

Национальный состав 2006 — Национальный состав населения Калининградской области / Территориальный орган Федеральной службы Государственной статистики по Калининградской области. Калининград.

Основные показатели 2010 — Основные показатели развития экономики и социальной сферы, муниципальных образований Калининградской области в 1 кв. 2010 г. Статистический бюллетень / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Калининград.

Открытое письмо 2010 — Шульгин В. Н., Макаров М. Ю. Нам навязывается ложная «евро-прусская идентичность». Открытое письмо // «Русская народная линия». Калининград [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/10/27/nam_navyazyvetsya_lozhnaya_evroprusskaya_identichnost/

Проблема сепаратизма 2006 — Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий / ред. А. Ю. Мельвиль, А. П. Клемешев // Регион сотрудничества. Вып. 3 (46). Калининград: МИОН.

Программа 2007 — Программа Калининградской области по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (утв. Постановлением Правительства КО № 276 от 21 мая 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov39.ru/>

Статистический бюллетень 2008 — Статистический бюллетень Федеральной службы госстатистики по Калининградской области. Калининград: Правительство Калининградской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.kaliningrad.ru/index.php?action=oezrezident>

Чабанова 2002 — Чабанова А. В. Различия в Калининградском социуме: результаты социологического исследования // Калининградский социум в европейском контексте. Калининград: Изд. КГУ.

Численность 2009 — Численность и миграция населения Калининградской области в 2008 г. / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Калининград.

Численность 2010 — Численность и миграция населения Калининградской области в 2009 г. Калининград, Тер. Орган ФСГС по Калининградской области.

Численность 2011 — Численность и миграция населения Калининградской области в 2010 г. Калининград, Тер. Орган ФСГС по Калининградской области.

Численность 2013 — Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. — М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат. — 528 с. (Табл. 33. Численность населения городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов).

Щеглова 2009 — *Щеглова О. Н.* История Калининградской области. Калининград, [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.gov39.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5215&Itemid=79

Т. В. Паликова

**«Скука царит всюду по городам нашего
Забайкалья»: проблемы общественной жизни
в дореволюционном Забайкалье**

Резюме: Статья посвящена характеристике городской общественной жизни Забайкалья как важнейшей проблеме развития малых провинциальных городов последней трети XIX — начала XX века в условиях отдаленности от центра страны, отсутствия развитой культурной инфраструктуры, ограниченного круга интеллигенции, активной сельской миграции и низкого образовательного уровня горожан.

На огромной территории Забайкальской области (538 890 кв. верст) в последней трети XIX в. располагалось только семь, в начале XX в. — восемь городов¹, в которых проживало 5,8 % (ПВПН 1897: 1) — 13,7 % (ОЗБО 1912: б/с) населения области. Перед забайкальскими городами, как и городами Центральной России в конце XIX — начале XX в. стояли задачи поиска возможностей пополнения бюджета, решения фискальных

Татьяна Вадимовна Паликова — доктор исторических наук, доцент Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).
Эл. адрес: palikova@mail.ru

¹ В 1902 г. статус города получила станция Мысовая, став безуездным городом Мысовск.

споров, развития торгово-промышленной сферы, благоустройства, гигиены, водоснабжения, транспорта и т. д. Однако не эти насущные вопросы городского бытоустройства большинством забайкальских корреспондентов сибирской периодики, судя по частоте публикаций, считались наиболее важными проблемами городского развития.

Общественная жизнь городов занимала умы забайкальской интеллигенции на протяжении десятилетий (1887–1911 гг.), характеризуясь одними и теми же эпитетами. Чтобы не быть голословной, приведу несколько цитат из тогдашних публикаций: «... оставим город [Акшу – Т.П.] спать *непробудным сном*, в *болотной тине* и лужах, просыпаться только по праздникам, чтобы вдоволь наслушаться пьяных песен, и полюбоваться игрою в “питерскую”» (Байкал 1897а); «В городе *скука* страшная, развлечений никаких нет... общественная наша жизнь... по праздникам поражает своей *тишиной*..., а ведь у нас в Кяхте-Троицкосавске в свободное время решительно деваться некуда... счастлив еще тот, кто умеет “винтить”..., тот всегда найдет место, где *убить время*...» (Байкал 1897б); «*Скучно*, до тошноты *скучно* и *однообразно* живет *заброшенному* нашему городу [Баргузину — Т.П.]. Все *спят* без просыпа, без надежды когда-нибудь проснуться. Живых людей нет... некуда больше кинуться, чтобы *убить время – жестокого... врага*...» (Верхнеудинский листок 1905а); «Город [Троицкосавск — Т.П.] *спит*. *Скучно до*

бесконечности!... Вся жизнь свелась к семейному прозябанию» (Верхнеудинский листок 1905б); «У нас [в Нерчинске — Т.П.] жизнь идет изо дня в день *однообразная... Словом, переживаем такое безвременье — и не выговоришь!*» (Верхнеудинский листок 1905в); «*Скучно-однообразно* проходит жизнь местного обывателя. Главное его “развлечение” – это водка и карты» (Восточная заря 1909); «*Скучно, тоскливо, монотонно* протекает жизнь на станции Мысовой... уголок этот можно было бы назвать *мертвым царством... здесь вы встретите одно тупое равнодушие... сонное прозябание... Незаметно, как летит время*» (Верхнеудинский листок 1905д); «Общественная жизнь в городе [Верхнеудинске — Т.П.] совершенно *замирает: спит...*» (Тозоли 1911). И развлечения в городах были одинаковы – сплетни, водка и карты.

Собранные вместе, эти публикации создают неблагоприятную картину общественного быта маленьких городов далекой российской провинции, где и время, и жизнь не подвластны изменениям. Можно считать вполне допустимыми и даже естественными подобные публикации о Баргузине, занимавшем крайнюю северо-западную точку в экистической системе области вдалеке от других городов, или Акше — только в 1870 г. получившей городской статус казачьей станице, но ведь речь идет и о таких традиционных культурных «гнездах» Забайкалья как Нерчинск и Троицкосавск-Кяхта.

На наш взгляд, концентрированность негативных оценок и характеристик вполне объяснима и, пожалуй, закономерна. Авторы сообщений – представители интеллигенции: местная городская интеллектуальная элита, по большей части, получившая образование в России, мигранты из центра, в том числе и трудовые (чиновники, технический и инженерный состав), а также бывшие политссыльные – люди, имевшие представление о жизни в большом / столичном городе и не только российском. В то время как три забайкальских города из семи до конца XIX в. по существовавшей классификации относились к разряду городов-деревень (Акша, Баргузин, Селенгинск), принадлежа к первым лишь по административному статусу и сохраняя внешний вид последних. Да и малые города (Чита, Троицко-савск-Кяхта, Верхнеудинск, Нерчинск) жили сельским укладом².

Более того, основной тенденцией развития забайкальских городов последней трети XIX в. – начала XX в.

² По существовавшей в России традиции все городские поселения группировались по четырем категориям в соответствии с численностью населения. В городах-селах проживало менее 5 тыс, в малых городах – от 5 до 20 тыс жителей, в средних — 20–100 тыс. чел., большими считались города с населением свыше 100 тыс чел. (ГР 1906: 0413). К началу XX в. в сети городов Забайкалья происходят некоторые изменения: Чита и Верхнеудинск переходят в разряд средних городов.

можно считать нарастание в их сословном составе крестьянства. По результатам обследования 1875–1876 гг. в городах проживало 6,5 % крестьян (ЭСГПС 1882: 329–363). Первая всероссийская перепись 1897 г. зафиксировала 24,6 % крестьян (ПВПН 1904: 2), в 1911 г. их количество в общей численности горожан достигло 43,6 % (ОЗБО 1912: б/с). Из четырех наиболее развитых городов области (Чита, Верхнеудинск, Нерчинск, Троицкосавск) значительное увеличение сельского населения произошло в Чите и Верхнеудинске, где рост числа крестьян шел интенсивнее. Причем, если в Чите коэффициент прироста в 1911 г. по отношению к 1897 г. составил 5,4, то в Верхнеудинске — 7,7. Эта динамика уже сама по себе показательна. Города пополнялись мало- и неграмотным населением — 76 % сельских сословий в 1897 г. было неграмотно (ПВПН 1904: 34-57). Перефразировав Х. Ортегу-и-Гассета, можно сказать, что на поверхность забайкальского города извергались большие массы населения, которые город был не в состоянии «переработать» (*Ортега-и-Гассет* 1991). Несмотря на все усилия городских властей увеличить число ученических мест, школа не успевала передать традицию и помочь обрести память культуры (городской культуры), в том числе и из-за несоответствия числа образовательных учреждений и нуждающихся в обучении. В 1911 г. на одно учебное заведение приходилось 111 потенциальных школьников, то есть только 84 % детей школьного возраста были ученика-

ми (ОЗБО 1912: 6/с). Происходило постепенное размывание слабо сформированного городского ядра и снижение уровня и качества культурной среды городов. Формирование общественной активности горожан, в том числе и влившихся в городское сообщество недавно, живущих в большинстве своем по законам сельской жизни (традиция, цикличность, консерватизм) в крайне неразвитой урбанизированной среде, затруднительно.

Ситуация усугублялась тем, что на 52 % грамотных горожан приходилось только 7,98 % со средним (в основе своей местным) и 4,32 % людей с высшим образованием (ПВПН 1904: 34-57), а также отсутствием профессиональных учреждений культуры и творческих коллективов³. Даже общественные собрания были не во всех городах⁴.

Лишь в начале XX столетия какая-то часть горожан начала осознавать необходимость получения образования – этой базовой для культуры сферы. Так, в 1905 г. родительская общественность Верхнеудинска обратилась к отцам города с просьбой озаботиться от-

³ Только в 1909 г. был открыт Мариинский театр в Чите и сформирован актерский коллектив на базе Нерчинского кружка любителей драматического искусства.

⁴ Общественные собрания в Акше, Баргузине и Селенгинске открылись в 1901–1903 гг. (РГИА1: 43; РГИА2: 11; РГИА3: 13, 15).

крытием в городе мужской гимназии или хотя бы реального училища. Показателен мотив призыва: «Пожалейте же, господа, наших детей. Ведь теперь без учения особенно плохо им будет в жизни!» (Верхнеудинский листок 1905е)

В условиях низкого уровня образования и отсутствия государственного финансирования культуры (лишь министерские школы) проблема общественной жизни стояла чрезвычайно остро. Решение ее виделось в создании специальных учреждений и организаций, способных изменить ситуацию⁵. Однако в городах с неразвитой культурной инфраструктурой общественный быт зависел исключительно от активности и желания незначительной прослойки интеллигенции, особенно зимой, когда жизнь не выходила «...из тесного круга родства, знакомства, да кумовства» (Верхнеудинский листок 1905г). При ограниченном же круге меценатов, традиционно длительном и многосложном делопроизводстве открытие институций культуры затягивалось на многие годы. Так, например, было с учреждением Баргузинской общественной библиотеки, когда между принятием решения и его осуществлением прошло пять лет. Отдаленность от центра страны, затрудненность культурных связей ставила местные учреждения культуры в сложные условия. Иногда попытки общест-

⁵ К такому решению пришли участники организационных комитетов почти во всех городах Забайкалья.

венности забайкальских городов разнообразить их общественно-культурную жизнь упирались в элементарное отсутствие необходимой литературы. В качестве примера можно привести ситуацию, когда кружок любителей театрального искусства Селенгинска, решив сыграть пьесу А. С. Грибоедова «Горе от ума», не смог найти ее текста не только в своем, но и в других городах Забайкалья, а желание использовать «Петровский марш» во время празднования 200-летия Полтавской битвы натолкнулось на отсутствие нот этого произведения.

В то же время, памятуя о негативных оценках авторов публикаций, не стоит сбрасывать со счетов фактор усталости участников общественной жизни. Децентрализация культурной сферы (государство выполняло разрешительно/запретительно-контролирующие функции и периодически циркулярно или при помощи соответствующих указов, разъясняющих его намерения, корректировало общественную жизнь) заставляла общественность городов вынужденно заполнять своим творчеством пустующие ниши. Одни стремились сохранить хотя бы таким путем культурный уровень, вторые — заполнить свободное время, третьим участие в общественных организациях и мероприятиях диктовал статус, четвертые стояли на позиции необходимости просвещения народа и считали это своим долгом (неслучайно активизация формирования сети учреждений культуры совпала в Сибири с так называемым «куль-

турничеством»⁶), пятые могли применить свои таланты. Как бы не мотивировали свое участие в общественной жизни городские интеллигенты, купцы, чиновники или военные, они были всегда востребованы как члены различных учреждений, многие состояли в нескольких организациях одновременно. Такое положение вещей требовало известной самоотдачи, с одной стороны, с другой — приводило к естественной формализации деятельности. Довольно часто с энтузиазмом начатое дело (как правило, первые два года) постепенно замедлялось, чему в немалой степени способствовало снижение интереса с последующим сокращением числа участников (в том числе и за счет обратной миграции или перевода на другое место) и, как следствие, уменьшением сумм взносов (немаловажное условие продолжения деятельности, особенно для благотворительных организаций и заведений).

Тем не менее, несмотря на крайне суженное культурное поле, ограниченное лишь незначительным кру-

⁶ «К 90-м гг. относится и расцвет культурнического движения, охватившего широкие круги русской интеллигенции. Она пошла в деревню и на фабрику с волшебным фонарем и популярной книгой... В основе культурничества лежала идея, что народ еще темен, неразвит и первая задача – поднять культурный уровень его, а тогда все само собой придет... Культурничество началось в Сибири самостоятельно и значительно раньше, чем в Европейской России... В конце 80-х и в 90-е гг. культурничество развернулось по всей Сибири и в более ярких формах...» (Попов 1989: 10–12).

гом интеллигенции, купечества, духовенства, общественной и частной инициативе удалось создать в забайкальских городах сеть библиотек (общественных, при различных обществах, передвижную железнодорожную, библиотеку-читальню, церковно-приходскую), музеев (три, в том числе при филиациях отделений ИРГО), воскресных школ (четыре постоянно работавших), народных домов (три). Бóльшая их часть была открыта в 1890-е – 1900-е гг., некоторые впоследствии приобрели городской статус, работая на постоянной основе и субсидируясь из городских средств. Определенное значение для создания этих институтов культуры имело то обстоятельство, что многие участники общественно-культурной жизни, как правило, были и членами городских общественных управлений.

Наиболее важен для общественной жизни городов процесс самоорганизации общества, выразившийся в учреждении культурных, благотворительных, профессиональных, конфессиональных обществ, возникших в разное время и с различными задачами. Параллельно с возникновением этих общественных объединений горожан существовали домашние салоны именитых купцов, частные собрания («Семейные вечера», Троицкосавск), домашние («Павловка» в Верхнеудинске, названный по имени устроителя) или стихийные клубы («клуб бульваристов», «Успенская гора», Троицкосавск) и «сборные» корпоративные и межкорпоративные вечера. Будучи локальными по сути, они внесли свой вклад

в устройство общественной жизни как городов, став инициаторами культурных начинаний, активно участвуя в подготовке разного рода мероприятий, в том числе для организации одного мероприятия (лотереи-аллегри, балы-базары и т.д.), так и отдельных групп населения.

Следствием сотрудничества городского общественного управления, частной инициативы и общественных организаций стало приобретение крупными городами области собственно городских черт.

Однако общественная инициатива так и не смогла охватить всех членов городского сообщества, ограничиваясь лишь его активным, интеллектуальным ядром. Большинство горожан самодеятельному творчеству предпочитало потребление и традиционные формы рекреации.

Литература:

Байкал 1897а — Sine ira. Современное хозяйство в Акшинском округе // Байкал. 27.07.1897.

Байкал 1897б — Современная хроника Кяхты-Троицкосавска // Байкал. 11.10.1897.

Верхнеудинский листок 1905а — Уездная хроника. Баргузин // Верхнеудинский листок. 26.01.1905.

Верхнеудинский листок 1905б — Уездная хроника. Троицкосавск // Верхнеудинский листок. 30.01.1905.

Верхнеудинский листок 1905в — Фучан. Нерчинск // Верхнеудинский листок. 02.02.1905.

Верхнеудинский листок 1905г — Х. Верхнеудинское общественное настроение // Верхнеудинский листок. 03.04.1905.

Верхнеудинский листок 1905д — Чужак. Мысовск // Верхнеудинский листок. 17.04.1905.

Верхнеудинский листок 1905е — Письмо в редакцию // Верхнеудинский листок. 07.09.1905.

Восточная заря 1909 — Баргузинер Чарский. Баргузин // Восточная заря. 22.09.1909.

ГР 1906 — Города России в 1904 г. Спб.: ЦСК МВД.

ОЗБО 1912 — Обзор Забайкальской области за 1911 г. Чита: Типография Забайкальского областного правления.

Ортега-и-Гассет 1991 — *Ортега-и-Гассет* Х. Восстание масс [Электронный ресурс] / Пер. А. М. Гелескула. Режим доступа:

http://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass

ПВПН 1904 — Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Спб.: ЦСК МВД. Т. LXXIV. Забайкальская область.

Попов 1989 — *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское издательство.

РГИА 1 — Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 1031.

РГИА 2 — Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 132.

РГИА 3 — Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 369.

Тозоли 1911 — *Тозоли С. Н.* Верхнеудинск // Забайкальская новь. 29.09.1911.

ЭСГПС 1882 — Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Хоз. деп. МВД.

Г. Н. Сеидова

Самый древний город России и его непростая судьба (к празднованию юбилея Дербента)

Резюме: В статье на примере древнего Дербента предпринята попытка показать, что система материальных ценностей каждого города наделена конкретным историко-культурным содержанием и формируется в результате влияния специфических региональных традиций, природно-климатических условий, особенностей рельефа местности, характера развития и других факторов. Обращается внимание на необходимость учёта различий в уровне развития отдельных регионов и проведения дифференцированной социальной политики с учётом региональной специфики, но на единой общенациональной основе. Проблемы возрождения культуры в современной России серьёзно связаны с вопросами о роли историко-культурного наследия, нуждающегося в сохранении и преумножении.

Система материальных ценностей каждого города наделена конкретным историко-культурным содержанием и формируется в результате влияния специфиче-

Гюльчохра Надировна Сеидова — кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин ДГУ (филиал), г. Дербент. Эл. адрес: gseidova@yandex.ru

ских региональных традиций, природно-климатических условий, особенностей рельефа местности, характера развития и других факторов. Город справедливо считают наиболее древней и в то же время самой современной формой расселения людей, в которой в наибольшей мере отражён уровень социально-экономического и культурного развития общества на определённом этапе (*Кудрявцев 1994: 3*). Сегодня социально-экономическое пространство России очень сильно поляризовано и фрагментировано, что привело к многократному увеличению диспропорций развития в течение переходного периода. Экономический рост, связанный с конъюнктурой сырьевого рынка, который наблюдался до недоброй памяти финансового кризиса, обеспечил значительные преимущества лишь сырьевым регионам и федеральным городам. Говоря о Северном Кавказе, трудно не признавать, что это — один из наиболее сложных субъектов российского государства вследствие сочетания целого ряда общих федеральных и специфических региональных проблем. Различия в уровне развития отдельных регионов настоятельно требуют проведения дифференцированной социальной политики с учётом региональной специфики, но на единой общенациональной основе. В условиях сузившихся возможностей государства значительно вырастает роль региональной политики как одного из важнейших инструментов экономического развития регионов. Кризисный характер ситуации наиболее явственно

проявляется даже не столько в сфере экономики, сколько в культурном поле.

Проблемы же возрождения культуры в современной России в немалой степени связаны с вопросами о роли историко-культурного наследия, нуждающегося в сохранении и преумножении. Отдельные исследователи прямо полагают укрепление единого культурного пространства страны одним из серьёзнейших факторов сохранения государственной целостности России. Важная роль при этом отводится именно регионам, каждый из которых представляет собой неповторимое культурное пространство, и значение которых возрастает в связи с тем, что от их состояния зависит жизнь страны в целом (Бережных, Бокмельдер 2007: 139).

Несомненно, что в каждом городе есть объекты, обладающие особой значимостью, определяющие его архитектурный облик, несущие особый эмоциональный заряд. В Дербенте к таковым, безусловно, относятся цитадель Нарын-кала, идущие от неё вниз по склону холма две городские стены с воротами и башнями, а также Джума-мечеть. Именно они определяют специфику исторического ядра этого города. Данные объекты и их отдельные элементы воспроизводятся в качестве визитных карточек города. Необходимость существенного прорыва в изучении этнографии (этнологии) города является сегодня чрезвычайно актуальной, так как города России сегодня увеличивают свою роль как преобладающие пространства бурных этнических про-

цессов во всех их направлениях (этнодемографические, этнокультурные, этносоциальные, этнополитические и т. п.). Актуальность заявленной темы заключается не только в том, что автор ещё раз пытается привлечь внимание к проблеме сохранения материального культурного наследия одного из старейших городов мира и самого древнего города России, с 1806 года вошедшего в её состав. Истоки же Дербента затеряны глубоко во мраке веков. Попробуем хотя бы бегло пролистать страницы истории города.

Раскопки 70-х годов XX века выявили, что в районе цитадели Нарын-кала уже в конце IV — начале III тысячелетия до н.э. было поселение площадью 14-15 га. Следующий этап в развитии города начался примерно 2700 лет назад, когда была возведена крепость из рваного камня — убежище в районе Дербента. В I в. до н. э. город вошёл в состав государства Кавказская Албания, возникшего в IV в. до н. э. на территории Восточного Кавказа. Дербент в то время был цветущим, активно развивающимся городом, контролировавшим важнейшие военно-стратегические пути и оживлённую торговую трассу. В V–VI вв. иранские цари из династии Сасанидов отодвинули северную границу своего государства в район Дербента. В VIII–X вв. город оказался в составе Арабского халифата. В X–XII вв. он сумел стать независимым городом-государством, а в XIII–XIV вв. был завоеван Золотой Ордой. XV–XVII века характеризуются соперничеством за город Ирана и Турции. В

184 ♦ *Малые города, большие проблемы. Сборник статей*
1747–1806 гг. на исторической арене — Дербентское
ханство, в 1806 г. присоединённое к России.

Неслучайно, что в последние десятилетия международное сообщество ставит проблему сохранения наследия, оценивая его как важный фактор культурного разнообразия и устойчивого развития. Но, к сожалению, характер жизнедеятельности современного социума приводит к уничтожению установок на сохранение традиции. Актуальность сохранения историко-архитектурной среды, по справедливому взгляду Ю. Р. Гореловой, определяется ещё и необходимостью создания условий трансляции культурной традиции как таковой (Горелова 2010: 139). Ведь культурная память — это определённый социальный феномен, без которого немислимо развитие общества. Механизмом обеспечения культурной преемственности выступает социализация, но трансляция выработанных обществом культурных образов от одного поколения к другому может реализоваться лишь через образование и воспитание.

Растущее внимание к исследованию историко-культурной, духовной среды российских городов как связующего интеграционного звена и компонента сохранения наследия России свидетельствует о том, что не окончательно утрачен интерес к своему прошлому. Это даёт какие-то надежды на будущее возрождение. Лишь бы они не оказались иллюзорными. Нам, жителям древнего Дербента и всем, кому дорога судьба это-

го уникального исторического города, хотелось бы суметь как-то повлиять на сегодняшнюю безотрадную ситуацию в нём. Чем больше вглядываешься в толщу веков, тем болезненней контраст с днём сегодняшним. Со всей неумолимостью приходит осознание того, что пора от ностальгических мыслей о былом величии попытаться что-то сделать для своего города сегодня, сейчас.

Дербент – город-музей, один из древнейших в мире, удостоенный Почётного диплома ЮНЕСКО за распространение идей толерантности и ненасилия, включённый в список объектов Мирового культурного наследия (Дербентские новости 2006: 1). Этот город на стыке культур и цивилизаций, издревле был связующим мостом между Ближним Востоком, Передней Азией и Восточной Европой. Здесь всегда мирно сосуществовали представители разных этносов, верований, культур. Джума-мечеть Дербента (VIII в.) входит в число первых пяти самых древних мечетей мира и является старейшей на территории России. Географическое и стратегическое положение на пути великих миграций и переселений народов обусловило особую культурно-историческую судьбу Дербента. Издревле через этот самый узкий проход между Каспийским морем и Кавказскими горами прошли десятки различных племён и народов, порою уничтожая всё на своём пути, порою оседая, ассимилируясь, растворяясь в местной этнической среде. В VIII–X вв. этот город был одним из самых

значительных центров морской и сухопутной торговли на Каспии. О Дербенте иногда говорят как об одном из древнейших «живущих» городов мира, старейшем на территории Российской Федерации. Наиболее ранние поселения здесь возникли в эпоху ранней бронзы — в конце IV тысячелетия до н. э. Первое упоминание Каспийских ворот — наиболее древнего названия Дербента — относится к VI веку до н. э. и приводится известным древнегреческим географом Гекатеем Милетским. У его стен проявляли свой полководческий талант и снискали славу многие известные завоеватели средневекового Востока. Достаточно упомянуть имена крупнейших полководцев Арабского халифата Масламы и Мервана, сельджукских военачальников Сау-Тегина и Йагмы, сподвижников Чингисхана Субудай-бахадур и Джебе-нойона, завоевателя Тимура и его противника, правителя Золотой Орды Тохтамыша, турецкого султана Селима, шаха Исмаила Сефевидов, правителя Ирана шаха Аббаса Великого и «грозы вселенной» Надир-шаха.

Такое «внимание» к многострадальному городу вполне закономерно, так как он долгое время играл важную роль в судьбах народов не только Кавказа, но и Переднего и Среднего Востока и Юго-Восточной Европы. Своим возникновением и значительной ролью в истории Дербент не в последнюю очередь обязан особому положению на западном побережье Каспия, где горы Кавказа вплотную подходят к Каспийскому морю, ос-

тавляя узкую (3,5 км) прибрежную полосу, по которой пролегал знаменитый Прикаспийский путь – единственная удобная дорога из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию.

Непрекращающиеся набеги и вторжения кочевых народов вынуждали земледельцев строить фортификационные сооружения для защиты мировых путей от проникновения степняков на юг. Одним из таких мировых путей и являлась прикаспийская трасса, в наиболее стратегически важном месте которой и появился Дербент. Его возникновение было тесно связано с историческими событиями на Кавказе и евразийских степях. Уже «отец истории» Геродот приводит некоторые сведения о существовании поселения на дербентском холме. Можно привести имена греко-римских писателей античной эпохи, таких, как Страбон (65 г. до н. э. – 21 г. н. э.), Плиний Секунд Старший (23 – 79 гг.), Гай Светоний (I в. н. э.), Птолемей (70 – 147 гг.), Кассий Дион (II в. н. э.), которые сообщали много сведений в связи с парфяно-римскими войнами за обладание Кавказом, что закономерно привело к росту значения кавказских проходов и важнейшего из них — Дербентского. Об укреплениях на дербентском холме упоминают многие античные авторы, в том числе и известный римский историк Тацит (55 – 120 гг.), сообщающие также о грандиозном походе, который готовил сюда римский император Нерон, стремившийся овладеть важнейшими «воротами» Кавказа. В раннесредневеко-

вое время в связи с мощной экспансией кочевников на Кавказ и Передний Восток возросшая роль Дербента привела к упоминанию его в многочисленных грузинских, албанских, армянских, византийских, сирийских и других источниках. Сведения о древнем городе приводят многие средневековые, дореволюционные и современные исследователи. Помимо уже упомянутых Геродота и Страбона, здесь уместно назвать Адама Олеария, Е. И. Козубского, И. Н. Березина, В. В. Бартольда, С. О. Хан-Магомедова, М. Р. Шихсаидова, А. А. Кудрявцева.

В результате арабских завоеваний Дербент, именовавшийся Баб-аль-абваб («Ворота ворот»), стал не только важнейшим военно-стратегическим оплотом халифата на Кавказе, но и одним из самых крупных феодальных городов региона, центром ремесла и международной торговли. Важнейшую роль в превращении этого города в один из наиболее значительных городов средневекового Кавказа, превосходящий такие центры, как Тбилиси, Ардебиль, Шемаха, Байлакан и другие, сыграло оживление международной торговли в Западном Прикаспии и Поволжье. Дербент сумел стать главным посредником в товарообмене между мусульманским Востоком и «северными странами» (Древняя Русь, Хазария, Волжская Булгария, Скандинавия). Прикаспийские трассы являлись одним из ответвлений «Великого шёлкового пути».

Современный город основан в 438 г. н. э. как персидская крепость, состоящая из цитадели на холме (Нарын-кала) и идущих от неё вниз по склону до моря двух каменных стен. Переворот в сведениях об истории Дербента совершила археологическая экспедиция под руководством профессора А. А. Кудрявцева, обнаружившая древнее поселение, возникшее на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. По результатам этой экспедиции было доказано более древнее (и местное) происхождение крепостных стен, чем период иранских Сасанидов. Наиболее грандиозными в системе сасанидских укреплений на западном побережье Каспия стали оборонительные сооружения Дербента, включающие северную и южную стены города протяжённостью более чем 3,5 км каждая, цитадель на вершине холма и Горную стену, протянувшуюся в горы на 40 км. Расстояние между стенами у моря — 450 м, у цитадели — 350 м. Их толщина составляет около 4 м при сохранившейся на сегодня высоте 10–18 м. Ещё большую прочность стенам придали мощные башни общим числом 73 в северной и южной городской стенах и цитадели. Значимость оборонительных сооружений на Восточном Кавказе подтверждается, по мнению А. А. Кудрявцева, тем фактом, что укрепления прикаспийских проходов и важнейшего из них — Дербентского — иногда поддерживались совместно извечными соперниками Ираном и Византией (*Кудрявцев* 1982: 85). Необходимо отметить, что Александр Абакарович Кудрявцев в эти дни вновь

возобновил археологические раскопки на территории цитадели Нарын-кала. Пожелаем успехов этой экспедиции.

В исторической жилой части старого города расположены памятники истории и архитектуры — древние мечети: мечеть с минаретом (VIII в.), Джума-мечеть (VIII в.), Килися-мечеть (XI–XIII в.), Кырхляр-мечеть (XVII в.). По инициативе крупного советского учёного П. И. Спасского в 1926 году в Дербенте был создан первый краеведческий музей, который в 1977 году был преобразован в историко-архитектурный музей. Выходящий над городом силуэт древней крепости, идущие от неё вниз, к морю, монументальные стены создают оболочку жизненного пространства с огромным количеством культурных содержаний. Шедевры архитектуры древнего Дербента наиболее гармонично и целостно отразили свою эпоху, воплотили в своих образах мировоззрение народа, создавшего их, его представления о высших канонах гармонии и красоты. Город не случайно пользуется славой одного из крупнейших памятников в мировой фортификации и уникального историко-архитектурного заповедника. Мы имели возможность сравнить состояние Дербентской крепости с аналогичным комплексом «Тахт-е-Солейман» в Иране, и были приятно удивлены тем фактом, что у нас сохранность лучше, невзирая на масштабные реставрационные работы, ведущиеся там.

В Дербенте сохранились древние мечети и медресе, храмы и минареты, средневековые бани и караван-сарай, ёмкие водохранилища и фонтаны, ханский дворец и мавзолеи. Трудно найти другой такой город, который бы знал столько нашествий и ярких исторических событий, переживал такие мощные взлёты и падения. Им владели или претендовали на это Рим и Парфия, Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, государство Сельджуков, держава Сефевидов и султанская Турция.

Несмотря на все трансформации, этот город сумел просуществовать до наших дней, в основном сохранив свой первозданный облик и название. Дербент, а точнее, Дарбанд, в переводе с персидского языка означает «узел, связь, запор ворот». На протяжении столетий он служил важнейшей пограничной крепостью государств Переднего и Среднего Востока, разделявшей мир кочевых и оседлых народов. Дербент воспел в бессмертном творении «Искандер-наме» великий азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви, о нём писал и побывавший в городе французский писатель Александр Дюма. Сюда был сослан, жил, творил и встретил свою любовь писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Дербент занимал особое место и в планах Петра I, который прибыл сюда 23 августа 1722 г. и был дружелюбно принят депутацией города, вручившей ему ключи от города и первую в Европе рукопись местной исторической хроники «Дербенд-

наме». Дальновидный царь обратил особое внимание на исторические памятники древнего города и дал указание сопровождавшим его известным учёным Кантемиру, Саймонову, Герберу сделать описание древностей. Именно с этого времени началось изучение истории Дербента, которое продолжается уже на протяжении более 250 лет.

Опыт личного общения с учёными и общественностью Ирана и Азербайджана позволяет утверждать, что Дербент, издавна бывший частью их истории, и сейчас не воспринимается ими как чужой. Ведь даже название города персидское (*Сеидова* 2009). Безусловно, речь не идёт о каких-то территориальных притязаниях. Пожалуй, общую позицию выразил иранский учёный М. Б. Восоги: «...Дербент можно считать местом встречи разных культур, главными вратами между ними, ключом к диалогу цивилизаций в регионе» (*Восоги* 2006: 40). Известный востоковед В. Ф. Минорский исследует прошлое Дербента в единстве с историей Ширвана (*Минорский* 1963: 11).

Дело даже не в том, что, учитывая уникальную историко-культурную ценность комплексного памятника «Древний Дербент», в 2003 г. он включен в список объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Это первый из российских городов, удостоенный Почётного диплома и премии ЮНЕСКО имени индийского писателя, Посла доброй воли ЮНЕСКО Мананджида Сингха за распространение

идеалов толерантности и ненасилия (Сеидова 2010). Вручение награды было приурочено к Международному дню толерантности, ежегодно отмечаемому 16 ноября. А 15 ноября 2006 г. в Постоянном представительстве РФ при ЮНЕСКО в Париже состоялась презентация «Кавказской сети организаций, работающих с женщинами и детьми по гражданскому образованию». Решение о её создании было принято на Международной конференции «Женщины Кавказа за становление ценностей мира, терпимости и ненасилия», прошедшей 1–3 июня 2004 года в Дербенте по инициативе Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Бюро ЮНЕСКО в Москве и Дербентского центра социально-психологической реабилитации и культуры мира. В рамках данной структуры объединены женские НПО ЮФО России, Азербайджана, Армении, Грузии. Впервые на Северном Кавказе именно в Дербенте Директорат Совета Европы по делам молодёжи и туризму в июне 2010 года провёл тренинг-семинар для специалистов по работе с молодёжью органов государственной власти совместно с представителями ряда российских молодёжных общественных организаций.

С учётом сложности обстановки на Северном Кавказе особое значение приобретает анализ состояния межрелигиозного диалога в регионе, который, безусловно, не может исчерпываться рассмотрением только официальных мероприятий и встреч. Гораздо важнее та атмосфера, дух терпимости, которые издавна царят

здесь. Для нашего города это неотъемлемая черта, истинно присущая местному менталитету. Благодаря этим особенностям одна из глав международной коллективной монографии ЮНЕСКО «Мировые религии в контексте современной культуры: новые перспективы диалога и взаимопонимания», вышедшей в 2011 году, была посвящена Дербенту. Пример нашего города показывает, что через межрелигиозный диалог удаётся внедрить сознание, что сущностью религии является служение Создателю и людям и оно может иметь различные формы в разных культурах. Свобода совести и установка на межрелигиозный диалог и толерантность должны стать неотъемлемой чертой всей российской национальной культуры.

Исторические города, а Дербент и является одним из таковых, объединяют множество сооружений разных архитектурных форм, которые выступают в качестве подлинного документа, свидетельствующего о ходе историко-художественных процессов в них. Несомненно, что своеобразие облика любого города, а исторического ещё в большей мере, определяется наличием в нём таких характерных черт, как выразительность общего силуэта и панорамы, необычная топография, живописность городских улиц и ландшафта, самобытность памятников древнего зодчества, местные художественные и строительные традиции. Человек, попавший в лабиринт узких средневековых улочек магальной части Дербента, невольно ощущает себя оказавшимся в дру-

гом времени или измерении. К нашему стыду, поначалу он оказывается заворожённым, испытывает потрясение от увиденного, но второй взгляд неприятно отрезвляет видом запущенности, грязи, бесхозности.

Именно культурное ядро города и определяет то неповторимое своеобразие, которое и позволяет отличать один город от другого. Исследователи истории нашего города утверждают: «Каменный оборонительный комплекс Дербента, сменивший сырцовые укрепления города, возведённые в 440-х гг., стал вершиной фортификационного зодчества Сасанидского Ирана и венцом в системе *Limes Caspius* — кордонных «длинных стен», опоясавших Каспий на востоке и западе, на границе между оседло-земледельческим и кочевническо-скотоводческим мирами. Эта грандиозная фортификационная система, стоящая в одном ряду с такими шедеврами оборонного зодчества, как Великая Китайская стена, Стена Александра (перс. *Садд-и Искандар*, тюрк. *Кызыл шлан*), Римский лимес на Рейне и Дунае, Вал Адриана в Британии, по праву образно именуется Великой Кавказской стеной» (Гаджиев 2006: 33-34). Интересно описание Дербента на знаменитой карте мира, составленной в 1459 году монахом ордена камальдулов Фра-Мауро по заказу португальского короля Альфонса V в монастыре Св. Михаила на острове Мурано: «А у берегов моря (Каспийского — А.П.) находятся железные ворота, получившие своё название из-за своей неприступности. И никому их не миновать, если надо

пройти в упомянутые Каспийские горы» (Цит. по: Пачкалов 2009: 55).

Археологические объекты продолжают существовать в качестве определённой социокультурной реалии во многих традиционных обществах, современной культуре, научном и музейном пространстве, участвуя в процессе интеграции и социокультурной адаптации как важный элемент действительности и сложившийся источник исторической памяти. Привлечение к таким памятникам внимания широкой общественности, делая их доступными для осмотра и создавая предпосылки для активной эксплуатации как туристического объекта, обеспечивает музеефикацию. Казалось бы, современный Дербент — это небольшой провинциальный город. Однако ведь не случайно В. В. Путин в выступлении в Кисловодске в преддверии последних президентских выборов говорил о необходимости празднования его юбилея. Много научных и околонучных споров в последние годы вызвали оживленную полемику вокруг даты основания города. Во всяком случае, на нашей памяти были утверждения о полутора тысячелетиях, потом двух тысячах семистах, а позднее — пяти тысячах лет. Однако обсуждение даты юбилея привело к пересмотру последней цифры. В итоге президент страны в своём выступлении остановился на праздновании двухтысячелетнего юбилея города в 2015 году, то есть уже после хлопот с олимпийскими играми 2014 г. в Сочи.

Разумеется, такое внимание со стороны первых лиц государства лестно, но осуществление мероприятий, которые бы обеспечили должный уровень реализации данного проекта, пока не вселяет особого оптимизма. Участвовавшие в последние годы селевые потоки создали массу проблем. Выплеснувшийся за межстенное пространство город, разросшийся вширь, улицы, проложенные вдоль пути схода селевых потоков с окрестных гор, оказались в зоне постоянной опасности подтопления. Последствия последнего такого бедствия в октябре прошлого года, приведшие к человеческим жертвам и значительному урону инфраструктуре города, ощущаются и сегодня. Снимки, видеокадры последствий разгула стихии долго не сходили с экранов телевизоров, газетных полос, интернет-сайтов. Помощь городу была оказана, но очистить многолетние завалы грязи, разбитые улицы, ухабистые дороги, непроходимые тротуары, там, где они ещё сохранились, не удаётся никак. Больше всего от селя пострадала улица К. Мамедбекова, проходящая вдоль северной городской стены. Как известно, эта стена сохранилась на большем протяжении и была в лучшем состоянии, чем южная. Но в результате работы тяжёлой техники уровень улицы опустился настолько ощутимо, что местами обнажился фундамент каменной городской стены, возведённой поверх старой сырцовой. Очередной ливень или селевой поток может подмыть фундамент укреп-

ления из сырцового кирпича, что будет подлинной катастрофой для древних сооружений.

Ситуация крайне тревожная и требует незамедлительных мер. Именно во время прокладки ливневой канализации в средней части улицы экскаватор наткнулся на неизвестный комплекс, состоящий из нескольких больших каменных плит с арабской вязью, который археологами из ДНЦ РАН датируется XI–XII веками и станет новым объектом для исследования. Во время последней прямой связи с президентом жителем Дербента был задан вопрос о дальнейшей судьбе нового раскопа и глава государства обещал не оставлять ситуацию без внимания. Как видим, древний город не перестаёт подкидывать головоломки и не позволяет о себе забыть.

Масштабное несанкционированное строительство вдоль тротуаров, стихийные рынки, возникающие чуть ли не повсеместно, вырубка деревьев, неухоженные парковые территории, застраиваемые разными забегаловками, делают картину ещё более неприглядной. Город, который мог стать настоящим туристическим раем по своим природным показателям благодаря мягкому климату, тёплому морю, прекрасному горному ландшафту, даже не говоря о великолепных исторических объектах, в действительности создаёт удручающее впечатление.

Безусловно, у руководства города, депутатского корпуса, общественности есть своё видение обустрой-

ства городской инфраструктуры, состояния памятников городской архитектуры, всего музейного комплекса «Древний Дербент», но без действенной помощи федерального центра всё это останется лишь благими намерениями.

Таким образом, приходится в очередной раз с сожалением констатировать, что решение проблем в основном упирается в отсутствие финансирования или недофинансирование. Разумеется, списывать всё на финансовую составляющую тоже нельзя. Но и на одном голом энтузиазме далеко не уедешь. Дербент по-прежнему является южными воротами Российской Федерации. Через него проходят основные грузо- и пассажиропотоки из России в страны Закавказья и Средней Азии. Руководством города предусмотрен значительный комплекс мероприятий в преддверии празднования юбилея. Разработан детальный план и проведены соответствующие расчёты по финансированию, определён круг ответственных лиц и исполнителей. Наиболее важными, на наш взгляд, являются меры, связанные с реставрацией и сохранением исторических и культурных памятников: цитадели Нарын-кала, крепостных сооружений, восстановление ханского дворца и ханской бани, проведение археологических исследований с последующим восстановлением христианского крестово-купольного храма, реставрационные работы в историческом центре Дербента, восстановление дома Петра I и множество других.

Юбилейные мероприятия должны стать дополнительным фактором создания инвестиционной привлекательности города и стимулом для привлечения потенциальных инвесторов при реализации конкретных проектов. Планы благоустройства города предполагают строительство и ремонт объектов жилищно-коммунального хозяйства, образования, здравоохранения и спорта, развитие транспортной инфраструктуры, включая строительство путепроводов, реконструкцию дорог и мостов, ликвидацию ветхого и аварийного жилья. Планы настолько грандиозны, что сразу же гложет червячок сомнения в реализуемости столь масштабных проектов.

Дербент — подлинно драгоценный камень, но нуждающийся в хорошей оправе. Потенциально он может иметь значительную привлекательность в качестве объекта международного туризма. Но всё это окажется возможным, если помимо федеральных ресурсов к реализации соответствующих программ будут привлечены предприятия и организации города и республики независимо от их организационно-правового статуса и подчинённости, представители деловых кругов и коммерческих структур, общественных объединений, населения города и региона. В числе первоочередных мероприятий предусмотрено проведение PR-кампании по продвижению информации о предстоящем праздновании в средствах массовой информации на федеральном и международном уровнях, создание интернет-

сайта. Весьма полезным в этом плане может оказаться проведение запланированных мероприятий «Дни Дагестана и Дербента в Париже» (ЮНЕСКО). Мы надеемся и на то, что столь высокий научный форум поможет вновь привлечь внимание к многочисленным проблемам древнейшего города. Оптимизм вселяет и тот факт, что внимание к данному мероприятию уделяется на самом высоком государственном уровне.

Идея сохранения и популяризации культурного наследия должна входить в число приоритетных направлений не только заинтересованных государственных органов, но привлекать общественные и религиозные объединения, быть востребована различными слоями населения, в том числе и инфраструктурой туризма, как внутреннего, так и международного. При этом акцент должен делаться не на том, что в современную эпоху состояние культуры определяется экономикой, а культурное развитие человека — образом жизни, но напротив — на том, что сегодня именно культурные факторы в значительной мере определяют и экономический потенциал общества, и стабильность политической системы. Нам видится, что весьма актуально и в приложении к Дербенту следующее заключение Л. П. Хахановой: «В современных концепциях сохранения наследия русских городов средовой подход обуславливается актуализацией уникальных и традиционных исторических объектов — их использованием в соответствии с современными потребностями обще-

ства, что позволяет выделять (создавать) в городской среде её ценную историко-культурную составляющую как территориально локализованное устойчивое явление, обеспечивающее преемственность культур прошлого и настоящего» (Хаханова 2010: 129). Трудно не согласиться с мнением А. В. Кремнева, что архитектурное пространство воспринимается человеком в качестве неосознаваемого, но всегда присутствующего фона, влияющего на психическое и физическое его состояние (Кремнев 2007: 40). Тонко чувствующий человек в архитектурном пространстве Дербента в полной мере сможет это ощутить.

Литература:

Бережных, Бокмельдер 2007 — Бережных А. В., Бокмельдер Э. И. Исследование феномена культурного туризма в условиях современной восточной Сибири // *Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Международного colloквиума молодых учёных*. М. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ.

Восоги 2006 — Восоги Мухаммад Багир. Дербент – город 72 народов. Экскурс в историческую географию Дербента в первые века ислама // *Ирано-дагестанские культурно-исторические связи*. Махачкала.

Гаджиев 2006 — Гаджиев М. С. Этапы градостроительной и фортификационной деятельности Сасанидов на Восточном Кавказе // *Ирано-дагестанские культурно-*

исторические связи. Сборник статей. Махачкала: Центр иранистики факультета востоковедения ДГУ.

Дербентские новости 2006 — Редакционная статья // Дербентские новости. № 97. 5 декабря 2006 г.

Горелова 2010 — Горелова Ю. Р. Архитектура как элемент культурного наследия (на материалах г. Омска). Проблемы городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского научного симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова. Омск: Наука.

Кремнев 2007 — Кремнев А. В. Архитектура и личность: коммуникация и интерактивность // Науки о культуре в новом тысячелетии. М. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ.

Кудрявцев 1982 — Кудрявцев А. А. Древний Дербент (Серия «Страницы истории нашей Родины»). М.: Наука.

Кудрявцев 1994 — Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана. Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала: Даг. кн. изд-во.

Минорский 1963 — Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М.: Восточная литература.

Пачкалов 2009 — Пачкалов А. Азербайджан на венецианской карте Фра-Мауро 1459 г. // Баку — столица исламской культуры-2009: тезисы международной научной конференции (9-10 ноября 2009 г). Баку: Elm va Təhsil.

Сеидова 2009 — Сеидова Г. Н. Культурные связи Ирана и Дагестана: история и современность // Материалы

международной научной конференции «Кавказ сквозь призму истории». 20–21 октября 2009 г. Тавриз.

Сеидова 2010 — Сеидова Г. Н. Дагестанский город Дербент — обладатель Почётного диплома ЮНЕСКО за распространение идей толерантности / Материалы международного научного симпозиума «Время культурологии», посвящённого 75-летию Российского института культурологии. 23-26 мая 2007 г. М.: РИК.

Хаханова 2010 — Хаханова Л. П. Уникальность среды русских исторических городов. Проблемы городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского научного симпозиума (Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова. Омск: Наука.

О. В. Смурова

**Ретроспекции этнической истории
Костромского края в контексте современной
миграции**

Аннотация: В статье предлагается монографический подход к этнической истории Костромы и края. Выявляются этнические соприкосновения мерян, славян, немцев, татар, представителей кавказских республик, а также проводится сравнение дореволюционных и современных отношений между этносами.

Этническая история Костромского края монографически не исследовалась. В то же время исследования локальных вариантов культур под таким углом зрения необходимы для понимания того, каков механизм формирования локальной костромской (и иной другой) культуры, какова в этом роль этнических соприкосновений. Нельзя не заметить, что современный процесс интенсивной этнической миграции, охвативший Запад и Россию, также актуализирует этот аспект российской

Ольга Вениаминовна Смурова — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета. *Эл. адрес:* olga-smurova@mail.ru

истории и краеведения в частности. Важность вопроса обусловлена и поиском правильных политических решений, базирующихся на культурологической экспертизе происходящих событий и исторической ретроспекции.

Этническую историю Костромского края принято вести от финно-угорского племени меря. Следы его пребывания, к примеру, обнаруживают археология и топонимика (Нерехта, Унорож, Галич Мерьский и т. д.). В научных исследованиях этот сюжет начинает звучать в XIX – начале XX в. в деятельности Костромской губернской учёной архивной комиссии и Костромского научного общества по изучению местного края. В советское время также периодически всплывало финно-угорское прошлое. В частности, в 1966 г. сотрудниками костромского музея-заповедника Н. Н. Яблоковой и Т. М. Липсон на ул. Больничной (ныне Спасокукоцкого) у автотранспортного техникума были собраны вещи из разрушенного при производстве земляных работ могильника. Археологический памятник атрибутировался как мерянско-славянский (Леонтьев 1997: 202). Как показывают исследования специалистов по русскому средневековью, даже в XIV – XVI вв. население края оставалось неоднородным. В источниках этого времени содержатся сведения о северных волостях и станах, имевших не заимствованные от названий рек, озёр и урочищ нерусские названия. Таковы Иледам, Ликурги, Шачебал, Шухомаш и некоторые другие. Сюда следует

причислить Мерский стан, располагавшийся между нижним течением р. Костромы и Волгой. «Эти волости с самостоятельными инородческими именами ведут своё происхождение от инородческих местных обществ, которые прослоились русскими поселенцами и с течением времени обрусели» (Любавский 1929: 12; цит. по: Леонтьев 1997: 195). Современные археологи соглашались с этой точкой зрения (Леонтьев 1997: 195).

Существование финно-угорского субстрата подтверждают и более поздние сведения, данные Всероссийской переписи 1897 г. Свыше двух тысяч человек в Костромской губернии тогда указали своим родным языком черемисский язык (Первая перепись 1897). В современном антропологическом типе костромичей финно-угорские признаки выражены крайне слабо (Леонтьев 1997: 195).

Становление Костромы, города на левом берегу Волги, всё-таки связывается не с финно-угорским, а с древнерусским населением. Оно появилось здесь с конца XI в. из Ростово-Суздальского ополья, с верховьев Волги и Новгородчины. Проникновение славян на мерянские земли носило мирный характер как в области социально-экономических, так и в области культурно-языковых отношений. В частности, такой точки зрения придерживался В. О. Ключевский (Ключевский 1987: 1-298). На сегодня мерянское население ассимилировалось, язык утрачен. Наиболее устойчивыми к ассимиляции, по-видимому, оказались черемисы — не-

большая народность, принадлежащая к восточно-финской группе, которая была сосредоточена в Ветлужском уезде Костромской губернии.

И финно-угры, и славяне дохристианского периода были язычниками. Фактором, объединившим все этносы и способствовавшим созданию единого древнерусского государства, выступило православие. На костромской земле начальный этап христианизации относят к XII–XIII вв. (Леонтьев 1997: 190). Наиболее активно христианизация шла в городе и в ближайших окрестностях Костромы. Впервые упомянутая в летописях под 1276 г. древнейшая костромская соборная церковь Феодора Стратилата предположительно была воздвигнута в начале столетия. Как полагают археологи, ускорение христианизации и параллельное размыwanie старых традиций стимулировались монголо-татарским нашествием. Была полностью разрушена ещё сохранявшаяся замкнутость региональных мирков с их системой консервативных языческих верований (Леонтьев 1997: 192).

С конца XIV в. на берегах лесных рек Заволжья появились десятки скитов и монастырей, а водораздел Костромы и Сухоны, по образному выражению В. О. Ключевского, становится «русской заволжской Фиваидой». Причём, христианизация вовлекала не только славян и мерян, но и татар. В этом контексте по-иному читаются обстоятельства возникновения Ипатьевского монастыря. По преданию, в 1330 г. на

правом берегу реки Костромы татарским мурзой Четом, принявшем в православии имя Захария, был заложен Троицкий собор, с приделом святому Ипатию и апостолу Филиппу, положивший начало Ипатьевской обители.

Этническую историю Костромского края невозможно рассматривать вне связи с военной историей и историей развития торговых отношений. Это были те каналы, по которым шло пополнение иноэтничного населения. Кострома уже в древности (XII в.) была значительным торгово-ремесленным центром. В том числе развивались связи с дальними территориями: странами Востока и Запада. Из Прибалтики поступал янтарь. Есть артефакты, свидетельствующие о связях с Волжской Булгарией. С середины XIII в. после монголо-татарского нашествия нарушаются торговые связи с дальними южнорусскими городами и покорённой Волжской Булгарией. Вместо неё приоритет в международных торговых связях по Волге приобретает Золотая Орда, показателем чего стали находки золотоордынской керамики в городском культурном слое второй половины XIII–XIV вв. (*Леонтьев* 1997: 226).

Значительного размаха костромская торговля достигла в XVII в. Экономическому росту Костромы содействовало то, что она являлась перекрестным пунктом торговых путей из Архангельска в Москву и по Волге до Астрахани и Каспийского моря, откуда начинался торговый путь, связывавший Западную Европу с

Персией и другими странами Востока. Сказывалась и относительная близость набравшей силу Москвы (около 340 км). Вероятно, не последнюю роль играло и то место, которое заняла Кострома в только что произошедших событиях — окончании Смуты и избрании царём Михаила Фёдоровича Романова, мать которого происходила из костромского рода Шестовых. Наконец, сам масштаб города, численность дворов: в 1653 г. в Ярославле было 3042 двора, в Костроме — 2086, во Владимире — 703, Твери — 497, Туле — 307 (*Тверская* 1959: 9). Среди костромских товаров особым спросом, в том числе и у иностранцев, пользовалось мыло. Костромскую юфть покупали в основном голландские и гамбургские купцы. Кожи пользовались спросом и на восточных рынках (*Шахова* 1999: 18). Данные русских таможенных книг и записки иностранцев свидетельствуют о широком вывозе из Костромы в русские города и за границу тканей. В Архангельске, бывшем центром торговли с XVI в., куда ежегодно прибывало несколько десятков иностранных кораблей, в составе ярмарочного начальства был и выборный целовальник из Костромы (*Козловский* 1898: 28).

Торговали ли иностранцы в Костроме? Многие исследователи отрицательно отвечают на этот вопрос. Однако в Писцовой книге первой трети XVII в. насчитывается около двух десятков дворов немцев (замечу, что так называли тогда всех иностранцев) и иноземцев (*Писцовая книга* 2004). Чем занимались указанные в

ней иноземцы, каким образом и при каких обстоятельствах они оказались в Костроме — к сожалению, неизвестно. Но факт их проживания удивителен, поскольку существовали определённые правила, которых должны были придерживаться иностранцы: торговать только оптом и только в приграничных городах, в городе они могли вести торговлю только с местными купцами, проживать могли только в строго определённых местах и на период торговли. Но этот регламент, судя по всему, сплошь и рядом нарушался. В указе 1627 г. говорилось: «били челом московские и казанские и ярославские и нижегородцы и костромичи и вологжане и всяких городов гости и торговые люди на галанцев (голландцев) и на амбурцов (гамбургцев) и на барабанцов (брабантцев) и на иных торговых немец» (Кулишер 2008: 191). Жалобы касались того, что немцы продают товары не оптом, а в розницу. Нарушали они и другой запрет — торговали вне городов, непосредственно с крестьянским населением. Законы того времени запрещали иноземцам торговать и с приезжими русскими купцами. Англичане, голландцы, шведы не могли в Костроме продавать свои товары казанцам или вологжанам, как и не могли покупать привозимых последними товаров (Там же: 194). Вышеупомянутые документы, а также встретившееся в литературе XIX в. указание о существовании в Костроме XVI в. подворья английской компании (Там же: 26), позволяют сомне-

ваться в справедливости точки зрения о неторговле иностранцев в нашем городе.

Установления того времени обязывали иностранцев проживать и производить торговлю в особо предназначенных для них гостиных дворах, но не в рядах, не в собственных домах или нанимаемых ими у местных жителей. Однако и эти правила далеко не всегда соблюдались. Иноземцы строили свои гостиные дворы, стремились селиться не в слободах, а среди местного населения. В Писцовой книге Костромы упоминается Гостиный двор. Его существование доказывает и современное двойное наименование Красных рядов (Гостиный двор). Косвенно о связях с иностранцами, а именно с той самой английской компанией, которая ведёт свою историю от экспедиции Ричарда Чанслера 1553 г. (до 1649 г. эта компания обладала привилегией единолично торговать в России), свидетельствует история храма Воскресения на Дебре. По легенде, деньги на сооружение храма костромской купец, московский гость Кирилл Григорьевич Исаков получил из Англии. Среди бочек с красками поставщики прислали бочонок золотых монет. В ответ на запрос купца, как распорядиться деньгами, англичане предложили ему использовать деньги на богоугодное дело.

В сфере международной торговли XIX в. прославился костромич, уроженец Больших Солей, Константин Абрамович Попов — «чайный король». Когда в 1862 г. были открыты торговые сношения с Китаем,

Попов был в числе первых, решившихся попытаться завести с ним непосредственные торговые сношения. Он арендовал чайные фабрики в Хубэйской провинции, в местечке Цуньян, в 60 милях от Ханькоу, и в Фучау (Фучжоу, провинция Фуцзянь). Известность торгового дома Попова росла, а еще более утвердилась со времени Московской выставки 1865 г., на которую были представлены чаи собственных плантаций Попова. В 1861 г. Попов предпринимал путешествие в Германию, Бельгию, Англию и Францию, с целью изучения чайного дела за границей (Половцов 1896).

В эпоху средневековья «не прекращался прилив ратных слуг из-за границы, из татарских орд, из Польши, особенно из Литвы. Московское правительство иногда целыми массами принимало этих выезжих слуг» (Ключевский 1987: 2-192). Василий Осипович Ключевский, анализируя этнический состав «московского служилого класса», приводит следующие статистические данные: «фамилий русских, то есть великорусских, — 33 %, происхождения польско-литовского — 24, немецкого, западноевропейского — 25, татарского и вообще восточного — 17 % и один процент остаётся неопределим» (Ключевский 1987: 2-193).

С XVI в., по утверждению Виктора Николаевича Бочкова, существовала на окраине тогдашней Костромы Гашеева (Немецкая) слобода. Населяли её выходцы из Тарту, переселённые в ходе Ливонской войны 1560-х гг. Слобода имела значительные размеры, располага-

лась в районе улиц Маяковского и Катушечной (Улицы Костромы 1989: 46). По данным переписи населения Российской империи 1897 г. в Костромской губернии проживало 242 немца-лютеранина (но 289 человек называли немецкий своим родным языком). В Костроме действовала евангелическо-лютеранская церковь (кирха), построенная в 1865 г. на пересечении Власьевской улицы (ныне Симановского) и Царевского переулка (ныне ул. Спасокукоцкого). В 1930 г. лютеранская община прекратила своё существование. Кирха, имевшая готическую архитектурную форму, была перестроена. В советское время и сегодня в ней располагается спортивный комплекс (Губернский дом 2007: 5-5). Выходцами из католических стран во второй пол. XIX в. была основана и римско-католическая церковь на ул. Ивановской (Памятники архитектуры 1996: 122).

С военной историей связано появление на костромской земле и предка Михаила Юрьевича Лермонтова. Георг Лермонт (ок. 1596–1634 гг.), уроженец Шотландии, оказался в России в начале XVII в. на завершающем этапе событий Смутного времени, будучи наёмным солдатом, служившим в польском войске (Шкотская рота). Перешёл на службу в московское войско. В 1621 г. за службу был пожалован царём Михаилом Фёдоровичем поместьем Кузнецово, находившемся в Чухломской осаде Галичского уезда костромского края. Погиб первый русский Лермонт во время второй войны с Польшей, в 1634 г., под Смоленском. По пре-

данию погребён у стен Авраамиево-Городецкого Чухломского монастыря (Григорьев 1993: 141). Этот род подарил России многих выдающихся представителей: Михаил Юрьевич Лермонтов, Павел Петрович Свиньин, основатель журнала "Отечественные Записки", литератор и художник, Юлия Всеволодовна Лермонтова, доктор химических наук. Юлию Всеволодовну связывала долгая и тесная дружба с другой женщиной-учёным, математиком Софьей Владимировной Ковалевской. После смерти Ковалевской в 1891 г. она стала второй матерью для дочери Софьи Владимировны (девочке было 13 лет).

В Писцовой книге Чухломы 1628 г. в числе новых землевладельцев на чёрных землях Галичского уезда были названы иноземцы: Бугс Арн — переводчик, Вод Ян — поручик, Гамент Давыд, Гамент Петр — капитан, Гери Томас, Голубовский Андрей — поляк, Граевский Станислав, Дивель Матвей — немчин, Лермант Юрий — немчин, поручик, Мутр Катетан — немец, Рылент Иван — иноземец, служилый немчин, Сиповский Ян, Стекольников Анна — немка, Ульф Роман — немчин, Шав Арина с детьми Анюткою, Катеринкою и Яковым, Фамендины Андрей и Арист — немцы (Рязановский 1927: 8–9).

Так, перешёл на службу к московскому царю и Василий Александрович Даудов, имевший поместья на костромской земле. Родился он в Персии — Али-Марван Бабаев сын Даудов; по происхождению — ар-

мянин. Служил сперва у иранского шаха, затем перешёл на службу к московскому царю. По прибытии в Москву Даудов был представлен ко двору царя Алексея Михайловича и принят на русскую службу в качестве толмача (переводчика) в Посольский приказ. Неоднократно посылался в качестве русского посла в Турцию и другие восточные страны, был дипломатом, администратором и военным. Получил звание стольника и многие поместья (в том числе Семёновское Нерехтского уезда). Дожил до глубокой старости (Григоров 1993: 257).

Другие две известные костромские фамилии: Невельские и Бошняки — также восходили к иноземным корням. Невельские появились на службе в Московском государстве, как «выезжие из Польши». Фамилия этого рода происходит от города Невель, входившего в состав Польши. Их представители прославили себя в России на различных поприщах. Невельской Геннадий Иванович (1813, ус. Дракино Солигаличского уезда Костромской губернии, — 1876, Петербург) руководил Амурской экспедицией 1850–55 гг., доказал, что Сахалин — остров, а не полуостров, установил доступность Амура для морских судов. Его сподвижник — Бошняк Николай Константинович — участник Амурской экспедиции. Его отцом был грек по происхождению, Константин Кондосколини, появившийся в России в 1711 г. В этом году Пётр I предпринял свой неудачный, так называемый «Прутский» поход; на русскую службу

к царю Петру перешло большое количество христиан из турецких областей. Среди них — Константин Данилович Кондосколиди. Он женился на русской женщине Дарье Степановне. Крёстным отцом детей стал подрядчик, поставлявший сукно для русской армии и получивший от царя Петра за свою успешную деятельность чин и грамоту на дворянство. Его фамилия была Бошняк. Когда родной отец Ивана и родившегося позже Николая умер, дети приняли фамилию крёстного — Бошняк. Тот, в свою очередь, по-видимому, был из Боснии (Григоров 1993: 34).

В XVII в. в Костроме появилась Татарская слобода. Автор диссертации «Ярославль и Кострома в XVII в.» Л. А. Тимошина сообщает, что первое упоминание о татарах содержится в описи дел воеводской избы 1679 г. В 1677-78 гг. в результате обострения отношений с Турцией и боёв за Чигирин в плен попало значительное число людей из турецко-татарской армии. В 1678 г. в Кострому были присланы 143 пленных — «крымские и ногайские татары и турецкие люди». В 1679 г. по грамоте из Разрядного приказа их отправили в Вологду. Но через год, в 1680 г., в Костроме образовалась постоянная Татарская слобода, возникновение которой было обусловлено не внешнеполитическими, а иными причинами. В 1680-81 гг. в Кострому из Романовского уезда по царскому указу была переведена часть живших там с начала XVI в. татар за то, что «они в православную христианскую веру не крестились»

(Тимошина 1987: 102). Любопытно, что в 1780 г. в Костроме была построена мечеть. В последней трети XIX в. она пострадала от пожара, но была восстановлена. В феврале 1930 г. по постановлению Костромского окрисполкома она была закрыта, минарет разрушен, а само здание превращено в избу-читальню, а затем в клуб. В период первой мировой войны в Костромской губернии находилось 246 офицеров и 219 нижних чинов военнопленных турецкой армии. Среди них был и турецкий курд Саид Нурси (1876 – 1960), ставший впоследствии выдающимся богословом. Нурси прославился во всем мире как один из первых исламских ученых, кто призвал мусульман оставить споры с христианами и вместе противостоять безбожии (информация предоставлена кандидатом искусствоведения О. И. Головановой).

По данным переписи населения 1897 г., 830 человек Костромской губернии назвали еврейский язык своим родным языком. В 1903 г. в Костроме было образовано Еврейское молитвенное общество, а в 1907 г. была построена для него иудаистская молельня, за которой закрепилось название "синагога". Синагога была закрыта в 1930 г. (замечу, в один год с мечетью — Памятники архитектуры 1996: 253).

Даже фрагментарные сведения по этнической истории Костромского края свидетельствуют о том, что костромская культура и российская в целом формировались в диалоге представителей русского народа, как

этнической основы российского государства, и выходцев из других стран. В предреволюционный период такой провинциальный город, как Кострома, был полиэтничным по составу и многоконфессиональным. В то же время, русские, по данным переписи 1897 г., составляли 99, 6 % (Первая перепись 1897).

На территории Костромской области в настоящее время проживает более 80 национальностей, основную часть по данным 2002 г. составляют: русские (95,58 %), украинцы (1,09 %). На третьей позиции — татары. Территориальные изменения Костромской области (в сравнении с губернией), а значит, трудная сопоставимость статистических данных, не позволяют провести детальный анализ и сделать те выводы, которые всё-таки очевидны. Налицо одно — Кострома становится всё более полиэтничной, причём появляется значительное число представителей этносов, прежде не характерных для нашего края. Речь идёт о представителях кавказских национальностей. В то же время происходит ассимиляция финно-угорских этносов, являвшихся изначально жителями этих мест. Обратите внимание, что ещё по данным переписи 1897 г. свыше 2 тыс. человек указали родным языком черемисский. А теперь марийцев значит 221 человек, правда, появились представители других финно-угорских народов.

Отличительная особенность современной ситуации от прежних этнических соприкосновений — волна этнической миграции. Прежние миграции имели эпи-

зодический, локальный характер. Если переселяли компактную этническую группу, то размещалась она целостно, на периферии города (пример Татарской слободы). Персональная этническая миграция, подобная миграции предка Георга Лермонта и др. имела своим итогом ассимиляцию, встраивание в русскую культуру. Русская культура вполне справлялась с таким дозированным вхождением иноэтничных элементов, более того, они оказывались благотворны.

Современная миграция отличается тем, что представители кавказских республик приезжают в провинциальные города целыми родами, часто селятся компактно, причём в центральной части древнерусских городов (им это удобно: вблизи места работы — рынок). В связи с этим возникают школы, где значительная часть учеников — кавказцы. Это, естественно, не только не способствует ассимиляции, а затрудняет освоение русского языка, необходимого для более успешной социализации мигрантов. Возникшие культурные центры диаспор если и находятся в диалоге с представителями базового этноса, то исключительно для решения своих узко этнических проблем. В большей степени этносы общаются друг с другом без русских. Иначе говоря, деление на «своих» и «чужих» строится по принципу «костромичи» и «иноэтничные некостромичи» (исключение составляют татары, живущие в Костроме уже несколько столетий и справедливо считающие себя костромичами).

И всё это происходит на фоне интенсивной миграции (временной или постоянной, маятниковой) коренного населения. Кострома — город дотационный, где много социальных проблем, поэтому прибытие людей извне в таком количестве не сказывается благоприятно на общей атмосфере. Самая серьёзная проблема — не проводится мониторинг населения по данному направлению, а, значит, не может быть выработано адекватных ситуации политических решений. Меры по стабилизации коренного населения древнерусских городов должны способствовать формированию уверенного в своей целостности общества, сохранению локальной культуры, созданию пространства, наиболее благоприятного для нравственного образа жизни. Такое общество более охотно принимало бы на свои территории мигрантов.

Литература:

Григоров 1993 — *Григоров А. А.* Из истории костромского дворянства. Кострома: Костромской фонд культуры. Губернский дом 2007 — Лютеранская община в Костроме // Губернский дом. № 5 (80). С. 5.

Ключевский 1987 — *Ключевский В. О.* Соч. в 9-ти тт. М.: Мысль.

Козловский 1898 — *Козловский И.* Краткий очерк истории русской торговли. Вып. I. Киев: тип. А. О. Штерензона.

Кулишер 2008 — Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности. Челябинск: Социум.

Леонтьев 1997 — Археология Костромского края / под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской обл.

Любавский 1929 — Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л.: Изд-во АН СССР.

Памятники архитектуры 1996 — Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. I. Ч. 1. Кострома.

Первая перепись 1897 — Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям [Электронный ресурс]. Режим доступа: demoscope.ru

Писцовая книга 2004 — Писцовая книга г. Костромы 1627/28 — 1629/30 гг. / Археографическая подготовка Л. А. Ковалевой; составители: Л. А. Ковалева, О. Ю. Кивокурцева. Кострома: ООО «Костромаиздат-850».

Половцов 1896 — Половцов А. А. Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. СПб. Режим доступа: runivers.ru

Рязановский 1927 — Рязановский Ф. А. Крестьяне Галичской вотчины Мещериновых в XVII и первой половине XVIII века. Галич: Галичское отделение КНОИМК.

Тверская 1959 — Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка. М.: Советская Россия.

Тимошина 1987 — Тимошина Л. А. Ярославль и Кострома в XVII в. Диссертация на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М.

Улицы Костромы 1989 — Улицы Костромы: справочник. / Под ред. В. Н. Бочкова и И. Н. Захарова. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство.

Шахова 1999 — Шахова М. Приказчики, «люди» и «малые» (Торговые связи Костромы в XVII веке) // Губернский дом. № 5–6. С. 17–20.

Т. Б. Уварова, Т. Н. Самарина, Ф. О. Орлов
**Малые города Центральной России в
постсоветских урбанистических процессах:
социокультурные особенности**
(по материалам обследования г. Лебедянь)

Резюме: Полученные данные свидетельствуют, что роль семьи в малом городе сохраняется более устойчиво, чем в крупных городах. Вероятно, это обусловлено тем, что здесь сложнее найти работу, получить престижное образование, в принципе выбор жизненных стратегий более ограничен. Порой люди поставлены в условия, когда они вынуждены буквально выживать, поэтому семья для них — реальная поддержка и опора. Как наиболее тяжелое можно оценить материальное положение молодежи, занятой на производстве. Семейные, родственные, собственно социальноантропологические связи в малых городах, сохранивших реалии face-to-face-society, очевидно не потеряли своей значимости, утраченной в автономизированной урбанистической среде более крупных городов.

Лебедянь (районный центр Липецкой обл. в 400 км к югу от Москвы) как один из малых городов (20

Татьяна Борисовна Уварова — доктор исторических наук, зав. сектором ИНИОН РАН. Эл. адрес: ethn.uvarova.tb@inbox.ru.
Татьяна Николаевна Самарина — аспирантка ИЭА РАН. Федор Олегович Орлов — студент 4 курса УНЦСА РГГУ.

тыс. населения в 2010 г.) отражает некоторые особенности социального и культурного развития населенных пунктов такого типа с численностью населения до 50 тыс. человек. В отличие от мегаполисов, прежде всего столичных, такие поселения не притягивают массовых иноэтничных миграционных потоков, которые определяют очевидные изменения социокультурного облика Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, городов-миллионников Поволжья и Приуралья, Юга России, нефтедобывающих центров Сибири.

Тем не менее, Липецкая область входит в небольшое число регионов-доноров среди субъектов Российской Федерации в Центральной России, что бесспорно свидетельствует о высоком экономическом уровне развития региона. Однако этот показатель имеет и оборотную сторону, поскольку связан с развитием в крае ещё с Петровских времен — Липецк со своими железоделательными заводами, созданными по царскому указу, ровесник Санкт-Петербурга — металлургической или тяжёлой промышленности. А она действительно тяжёлая для экологии и самого областного центра с его полумиллионным населением (Липецкая область создана в 1964 г.), и его окрестностей. Вместе с тем в экономике Липецкой области в целом до настоящего времени немалую роль играют сельское хозяйство и пищевая промышленность (20 % от всего объема производства).

По данным областного «Демографического вестника», проблемы демографического характера в Липецкой области в целом такие же, как и во всем Центральном федеральном округе: низкая рождаемость, высокая смертность, общее старение населения, большая разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин. Такая ситуация, по оценкам специалистов, впоследствии приведет к неизбежному увеличению доли людей пенсионного возраста, что в свою очередь приведет к снижению темпов экономического роста и развития, а также к неконтролируемой миграции из других регионов (Демографический вестник 2005). Данные тенденции характерны фактически для всей Центральной России с последней трети XX в., то есть являются общими для советского и постсоветского периодов.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность населения Липецкой области — 1 млн. 173 тыс. человек. По сравнению с переписью 2002 г. численность населения уменьшилась на 40 тыс. человек, в том числе в городских населенных пунктах — на 32,8 тыс., в сельской местности — на 7,2 тыс. человек. Соотношение горожан и сельских жителей при переписи 2010 г. составляет 63,7 % и 36,3 % (соответственно по данным переписи 2002 г. — 64,3 % и 35,7 %). Наиболее значительно население уменьшилось в одном из районных центров г. Данкове — на 9,4 %. В области появилась категория городов с чис-

Т. Б. Уварова, Т. Н. Самарина, Ф. О. Орлов Малые города... ♦ 227
ленностью до 10 тыс., например, Задонск (9,7 тыс.)
(Демографический вестник 2005).

Главная демографическая опасность нескольких последних десятилетий для малых городов региона заключается в миграции собственного населения, в первую очередь, молодежи, отправляющейся в соседние более крупные города — Липецк, Воронеж, Тамбов, Москву и Санкт-Петербург — для получения высшего образования, а затем и работы.

Прогнозы на будущее малых городов нуждаются в более внимательном взгляде на их молодое население. Социальная антропология привносит в социологию молодежи материал «качественных» исследований, где наиболее важны люди, их мнение и конкретные планы и жизненные пути, помимо статистики и социологических данных, которые, безусловно, остаются важными для исследований подобного рода.

В основу статьи положены материалы, собранные в г. Лебедянь в августе 2012 года¹. Обследованием были охвачены около 20 городских учреждений административного, образовательного, культурного, производственного и торгового назначения, общественные организации. Собранные статистические данные были

¹ В рамках проекта «Молодежь в эпоху социальных перемен: диахронный анализ индивидуальных стратегий выбора жизненного пути в российской городской провинции с 1991 по 2012 г.»

почерпнуты с сайтов администрации Лебедяни и Липецкой области, а также местной прессы и репортажей регионального телевидения. В режиме включенного наблюдения были проведены опросы типового (анкетного) характера, охватившие 28 человек, а также 12 интервью в жанре автобиографической истории. Собранные материалы после обработки хранятся в электронной форме в архиве УНЦСА (ПМА Лебедянь 2012).

Лебедянь, ближайший к Липецку районный центр, расположенный всего в шестидесяти километрах от него, несмотря на то, что подпадает под определение «малый город», сам является одним из значимых производственных центров области, хотя крупнейшее из местных предприятий относится к пищевой промышленности. Это хорошо известный еще в советский период комбинат по производству соков, сегодня — филиал американской компании PepsiCo, хозяйкой которого стала американка из семьи иммигрантов-индийцев. Другие промышленные предприятия: «Лемаз» — производит нефтяные насосы; «Строймаш» (СОМ) — выпускает строительно-отделочную технику; компания «Ассоль» — бетон и белый картон, а также изделия из пластика; хлебозавод; молокозавод.

В Лебедянском районе есть несколько сельскохозяйственных предприятий. Крупнейшее из них — «Агрофирма им. 15 лет Октября», расположенная в селе Троекурово, в нескольких километрах от Лебедяни.

Вместе с тем, город, существующий уже 400 лет (с 1613 г.), обладает выраженным историко-культурным своеобразием, сохранившимся в, казалось бы, давно и глубоко унифицированной урбанистической среде еще дореволюционного, а затем и советского и постсоветского этапов российской истории. Со времени своего основания город занимает ключевые позиции на стратегических путях перемещений людей и товаров, соответствуя важнейшим характеристикам «антропологии движения» различных исторических эпох.

Сохранились элементы планировки и микротопонимика военного поселения времен существования Большой засечной (Белгородской) черты (XVII), продолжившей традиции еще более ранней эпохи сосуществования оседлого земледельческого и кочевого степного миров. Сохранились Стрелецкая (Пушкарская) слобода, пригородное село Покровское-Казаки, регулярная (шахматная) планировка широких улиц Лебедяни, расположенной в верховьях Дона в точке пересечения важнейших сухопутных и речных дорог того неспокойного времени.

В последней трети XIX в. Лебедянь была связана и с близлежащими населенными пунктами, и со столицей железнодорожной сетью. Своего рода памятником новому транспорту модерной эпохи стал расположенный неподалеку от железнодорожной станции до сих пор действующий элеватор, который и сегодня выглядит настоящим небоскребом на фоне окружающих его

построек. Вывоз зерна из Черноземной зоны России собственно и был одной из главных причин создания плотной сети железных дорог в регионе. Вхождение этого транспорта в жизнь края как начало нового этапа «возможностей перемещения» представителей различных социальных слоев российского населения конца XIX в. с особой выразительностью показано в произведениях уроженца этих мест, «орловского и елецкого подстепья», И. А. Бунина в повестях «Деревня», «Митина любовь», романе «Жизнь Арсеньева».

Сто лет спустя, уже в постсоветской России в 2011 г. прямой пассажирский рейс из Лебедяни до Москвы был отменён как нерентабельный, и железнодорожная связь сохраняется через областной центр, Липецк. Хотя на скоростном автобусе из Лебедяни можно добраться до столицы всего за шесть часов — около 400 км, — многие жители города с сожалением вспоминают гораздо более комфортное, хотя и долгое, путешествие по железной дороге.

Лебедянь с преобладающей частной застройкой в самом городе и в ближайших пригородных поселках занимает большую территорию. Система городского транспорта для небольшого по численности населенного пункта включает несколько маршрутов автобусов и маршрутных такси. Парк далеко не новых машин используется интенсивно: при достаточно неравномерных интервалах движения на остановках обычно есть ожидающие пассажиры, а салоны транспорта заполня-

ются почти полностью на протяжении всего дневного времени. Наиболее крупные предприятия используют для своих сотрудников служебный транспорт, в первую очередь для доставки людей на работу и с работы к месту жительства. Впрочем, «час пик» на городском транспорте не особенно отражается, поскольку значительная часть населения добирается на работу пешком с затратой десяти-двадцати минут на дорогу. Рабочий день в городе начинается в восемь часов утра, и поток людей на обычно немногочисленных улицах к этому времени действительно замечено возрастает.

Даже при наличии развитой транспортной сети в современной Лебедяни все более значимым условием личной мобильности становится автомобиль. В городе действует несколько конкурирующих между собой фирм заказных такси. Существует и индивидуальный частный извоз. Машина может быть подана в течение 5–15 минут практически в любую точку города. Фиксированная стоимость поездки — 80 рублей (в общественном транспорте — девять рублей), существенно ниже по сравнению с более крупными городами (Липецк: такси — 150–200 руб., общественный транспорт — 12 руб.), но для местного населения с его уровнем зарплат — значительна. По оценкам местных таксистов, после летнего сезона работы у них становится гораздо меньше.

Новая ситуация с личным транспортом в последние два десятилетия в Лебедяни, как и повсеместно в

России — одна из очевидных реалий постсоветского периода. Автомобили есть практически в каждой семье, в некоторых — не по одному. Для молодежи с 18 лет, возраста получения водительских прав, автомобиль перестал быть «мечтой далекой перспективы». Молодежь составляет заметную часть управляющих автомобилями. Правда, зачастую это первый семейный автомобиль, обычно не очень дорогая и далеко не новая модель, но местная молодежь, по словам многих опрошенных, отдает предпочтение практичности, а не «престижному тюнингу». Доступность «металлолома на колесах или тазиков» (стоимостью до 150 тыс. руб.), к сожалению, обходится порой слишком большим количеством аварий с участием молодых и неопытных, но азартных и неосторожных водителей. Даже более убедительным показателем «цивилизованной автомобилизации» Лебедяни и окрестностей является большое количество женщин разных возрастов за рулем. Их машинный парк более разнообразен: от маленьких элегантных женских городских моделей до мощных внедорожников.

Процессы социализации современной лебедянской молодежи, как «рожденной в СССР», то есть в возрасте 23 — 35 лет, так и «постсоветской генерации» двадцатилетних и младше, определяются во многом единым для обеих групп социокультурным контекстом. Главными и очевидными составляющими социокультурного контекста малого города выступают не только

сложившаяся здесь жилая и транспортная инфраструктура, но и кадровый потенциал производственных предприятий города и областного центра Липецка, до которого всего 60 км или около часа езды по хорошей дороге при наличии регулярного автобусного сообщения, а также и система учреждений образования и культурная среда.

В Лебедяни развитая система образования сложилась в советский период. Как и повсеместно в России, она представлена учреждениями дошкольного и школьного общего среднего и дополнительного (музыкального, художественного, спортивного) и специального среднего образования.

В городе работают два музея: Лебедянский краеведческий музей и Дом-музей Е. И. Замятина. Последний создан всего несколько лет тому назад, когда удалось расселить проживавшие в мемориальном доме семьи. В городе есть специально построенный типовой для советского периода Дом культуры в стиле классической архитектуры с обязательными колоннами и портиком, как во многих населенных пунктах, Дом детского творчества (в мемориальном здании земской управы конца XIX в.), Дом Ремесел, на базе которых сложились коллективы народного творчества, такие как ансамбль русских народных инструментов «Наигрыш»; театр «Улыбка»; ансамбль русской песни «Сударушка» (Лебедянская энциклопедия).

Устойчивость «внешних условий» жизни в Лебедяни определяется сохранением и административного status quo: и в советский, и в постсоветский периоды, да и во времена Российской империи Лебедянь была центром низового административно-территориального образования — уезда, района. Правда, подчиненность ее менялась, и уезд относили то к Тамбовской губернии, то к Рязанской области, а с 1964 г. — к Липецкой области, образованной в Центральной России «на стыке» Рязанской, Тамбовской, Орловской и Воронежской областей. Здесь Лебедянь стала центром ближайшего к областному центру района, сохранив вместе с тем устойчивые связи с Ельцом и Орлом, Тулой и Рязанью, Тамбовом, Воронежем и Мичуринском.

Сложившаяся в современной России практика, когда районная администрация практически «копирует» структуру более высокой областной власти, а та, в свою очередь, пытается максимально следовать примеру федеральной, создавая в постсоветский период областные правительства и общественные палаты, а также представительства политических партий, в полной мере реализована и в Лебедяни.

Основным подразделением районной администрации, ориентированном на работу с молодежью, является Отдел молодежи и спорта. Здесь собираются, хотя и не систематически, различного рода статистические данные по молодежи, впрочем, без дальнейшего объединения в единый свод и без последующей аналитиче-

ской обработки. Многие значимые вопросы реального положения молодежи находятся в ведении Отдела народного образования, Отдела культуры, Отдела экономики, Управления социального обеспечения, Управления статистики, районного ЗАГСа, наконец, районного Управления внутренних дел, в частности, в лице инспектора по делам несовершеннолетних и участковых. Если между ведомствами и есть рабочие контакты по вопросам молодежи, то они носят, судя по фрагментарной информированности о делах смежных ведомств, не систематический, а ситуационный характер.

Для внешнего наблюдателя большая часть данных в административных структурах, включая городской архив, практически не доступна, хотя сами по себе они едва ли относятся к категории «закрытой» или тем более секретной информации. Некоторые данные (по бюджету, в частности) можно найти в публикациях городской газеты «Лебедянские вести», которая выходит с 1930 г. три раза в неделю. В Липецке с 1957 г. выходит газета «Молодежный вестник» (до 1991 г. — «Ленинец»). Один из специальных выпусков 2008 г. был посвящен Лебедянскому педагогическому колледжу.

Фактически под контролем и в тесном контакте с названными Отделами районной администрации работает общественная организация Молодежный парламент Лебедянского района. Основные направления его работы можно для краткости назвать «тимуровским» и экологическим, что сближает их с деятельностью вновь

созданной в Липецкой области в 2008 г. пионерской организации.

Собственно политическая деятельность молодежи или, точнее, деятельность в политической партии ведется на областном уровне. В начале августа 2012 г. в с. Никольском прошел форум Молодой гвардии Липецкой области — молодежной части «Единой России». Молодежная организация нескольких областей Центральной России создается как своего рода аналог движения «Наши» с его Селигерским форумом, ставшим предметом внимания первых лиц новой России. По-видимому, региональные активисты молодежного крыла ведущей политической партии, в противовес «столичным нашим» (по определению областных активистов), формируют собственное движение «замкадышей» со своими целями и задачами.

На вопрос о возможности приехать в Никольское во время работы форума, чтобы познакомиться с основными вопросами его повестки, последовал ответ о закрытом характере партийного мероприятия. Сведения о нем были представлены в одной из новостных программ областного телевидения, но были очень краткими, без каких-либо комментариев. Отделение Молодой гвардии существует и в Лебедяни, но его деятельность не выходит за рамки культурной и экологической работы, практически не отличая эту организацию от Молодежного парламента Лебедянского района.

В районной администрации, как уже отмечалось, систематических сводок данных информационного характера по проблемам молодежи и аналитических обобщений этих данных в специальной рабочей документации нет. Молодежная тематика в работе местной администрации, по основным направлениям и своей идеологии не получила принципиально нового содержания в постсоветский период по сравнению с советским.

Наглядной иллюстрацией может служить положение в развитой системе образования в Лебедяни, охватывающей не только дошкольников, школьников, но и студенческую молодежь. В Лебедяни, помимо четырех школ (в 2012 г. их число сократили до трех), работают два техникума, Сельскохозяйственный (основан в 1933 г.) и Торгово-экономический (объединены в 2012 г.), Педагогический колледж (основан в 1918 г.) федерального уровня, входящий в десятку лучших по России в целом, два профтехучилища (одно закрыто в 2011 г.).

Из учреждений дополнительного образования в Лебедяни работает спортивная школа, для которой построен современный спортивный комплекс с бассейном, две музыкальные школы, многочисленные бесплатные кружки Центра молодежного творчества, городского Дома ремесел, районного Дома культуры. Для семей с детьми дошкольного и школьного возраста созданы реальные возможности для занятий в разных

областях творчества, и этот потенциал востребован. Данные опросов и интервью показали, что в первую очередь в среде непосредственных участников образовательного процесса: педагогов, руководителей творческих коллективов, кружков и спортивных секций, работников учреждений культуры (клубов, библиотек, музеев) — сложилась атмосфера особого внимания к детям и молодежи и всесторонней заботы о них.

Поскольку деятельность учреждений образования ведется при непосредственном участии и контроле районной и вышестоящей областной администрации, как это было и в советский период, создается впечатление, что главные вопросы образования молодежи в Лебедяни успешно решены в результате целенаправленных усилий региональной администрации.

Однако события самых последних лет по «оптимизации» системы образования, достигнутой путем закрытия (причем после того, как в здании был проведен ремонт, завезены новая мебель и оборудование) и объединения учебных заведений от школ до техникумов, показали наличие серьезных проблем. Изменения были очень болезненно восприняты самими учащимися, их родителями, педагогическими коллективами, да и руководством местных промышленных предприятий, но выполнены районной администрацией в процессе осуществления областных и общедеревальных программ по «повышению рентабельности» образования.

Реальное потребление образовательных услуг, помимо широко спектра их предложения, сложившегося еще в советский период, когда образование выступало не набором услуг, бесплатных и платных, а системой воспитания, все в большей степени начинает определяться возможностями населения, то есть каждой конкретной семьи, воспользоваться ими. И здесь спектр семейных предпочтений также очень широк. Он раскрывается постепенно, по мере знакомства с городом и его жителями, и во многом обусловлен образом и стилем частной семейной жизни различных категорий горожан.

Практически каждое интервью так или иначе касалось образования и самого респондента, и его близких. Prestиж высшего образования в городе очень высок, молодые родители (до 30 лет), порой сами не имея высшего образования, считают его необходимым атрибутом современного молодого человека и хотели бы, чтобы их дети, сейчас ещё дошкольного возраста, в будущем его получили.

Реалии же таковы, что высшее образование (а не просто диплом престижных специальностей) в первую очередь получают те, чьи родители сами его получили еще в советский период (люди старше 45-50 лет) и долгое время работали по специальности, успешно пройдя путь от молодых специалистов до руководителей. Очевидный должностной рост или успешная карьера строились на основе постоянного профессиональ-

ного совершенствования и, как было принято определять это в советский период, активной гражданской позиции.

Некоторые из тех, кто уехал учиться в институтах Липецка и других городов, вернулись в Лебедянь и уже сами стали руководителями учебных заведений, культурных центров, крупных промышленных предприятий, силовых структур. Именно они стали представителями района и в современных авторитетных областных структурах, как, например, Общественная палата Липецкой области. Многие из этих людей — интеллигенция в первом поколении. Выбор профессии определялся их собственным желанием и поддерживался семьей. Родители всегда были готовы оказать посильную материальную помощь, обычно крайне умеренную, а самое главное — помочь молодой семье в уходе и присмотре за детьми. Важную роль для успешной карьеры имела поддержка супругов — и жен, и мужей, — их готовность взять на себя значительную часть забот повседневного быта семьи.

По таким показателям материального благополучия, как жилье, эти семьи не возглавляют списков владельцев дорогих домов. Многие из этого «поколения родителей» проживают в квартирах, полученных еще в советский период в порядке жилищных очередей на предприятиях и в учреждениях. Последующие вклады в улучшение жилищных условий связаны обычно с помощью детям в приобретении собственного жилья.

В семьях этой категории от одного до трёх детей, которые сами давно уже взрослые: от 23 до 35–37 лет. Вопросы образования у всех решались по-разному. Одни пошли по стопам родителей или воспользовались их советом при выборе специальности, другие сделали свой выбор совершенно самостоятельно уже в школьные годы и успешно завершили образование в столичных вузах. Общее самое главное: у «советских» образованных родителей дети получили высшее образование и безусловную поддержку во время учебы и в последующие годы, начав работать, как правило, по выбранной специальности. То есть «поколение родителей» уже повторило опыт собственных родителей по отношению к образованию и первым трудовым шагам своих детей.

У «детей» в старшем возрастном тандеме «родители — дети» уже очевиден собственный карьерный рост, выход на уровень руководства учреждениями (техникум) или специализированными техническими производственными подразделениями. Поиски специалистов такого уровня предприятия ведут целенаправленно, не исключая возможности приглашения сотрудников из Липецка, и готовы предложить им специальные условия: высокая заработная плата, транспортное обслуживание.

Практически у всех в «поколении детей» уже есть свои семьи, все живут отдельно от родителей (съёмная квартира, ипотека, старый бабушкин дом, полученный в наследство), хотя и получают их постоянную под-

держку, и практическую в присмотре за детьми и по хозяйству, и, что также немаловажно, моральную. Приехать специально из Москвы, чтобы обсудить с родителями уже свои собственные семейные проблемы — обычная практика для некоторых семей.

Еще одна возрастная страта «родители-дети», соответственно, 40-45 и 20-25 лет — включает ту часть населения, социализация которой пришлась на постсоветскую эпоху практически уже в двух поколениях. Оказалось, что многие представители этого поколения родителей, будучи уроженцами Лебедяни, учились не только в школе, но и в профтехучилищах или техникумах своего города. Теперь они работают на городских предприятиях, хотя и не всегда по полученной специальности. Об этом говорили как они сами, так и их дети, нынешние студенты, с которыми удалось побеседовать.

Более того, дети часто учатся именно там, где раньше учились их родители, далеко не всегда собираясь работать по этой специальности в дальнейшем. Работа по такой специальности как, например, «земельно-имущественные отношения» (Учреждения БТИ, администрация, риэлтерская деятельность), считают студенты, требует обязательной поддержки на родственном уровне или наличия деловых связей, поскольку не только успешное карьерное продвижение, но и устройство на работу без этих условий практически невозможно.

Значительная часть студентов педагогического колледжа приехала из других районов Липецкой области (около 50 % студентов проживают в общежитии), некоторые приезжают учиться из Липецка, а также из других регионов. Педагогическое среднее образование многие студенты, не обязательно собираясь работать по этой специальности, считают лучшим для последующего получения высшего образования в различных областях.

Для выпускников школ и средних специальных учебных заведений существует возможность продолжить образование в очной или заочной формах в вузах ближайших городов, в зависимости от выбранной специальности. Выпускники лебедянских школ и техникумов успешно заканчивают вузы не только Липецка, Ельца, Тамбова, Орла, Воронежа, но и Москвы и Санкт-Петербурга, работая затем по специальности в столичных мегаполисах.

Завершение учебы, получение работы и создание собственной семьи и поколением родителей, и поколением детей обычно и воспринимается как «наступление взрослости». Именно к этому времени встает вопрос о собственном жилье, причем для многих, особенно мужчин, наиболее желательная перспектива — остаться жить и работать в Лебедяни, построить собственный дом.

Многим студентам более перспективной работой в будущем кажется возможность ведения собственного

дела, хотя без особой его конкретизации. Достаточно часто называют торговлю, причем не закупочную, с учетом сельскохозяйственной специализации окрестных территорий, а прямую перепродажу оптовых товаров в розничной сети. В городе множество небольших магазинов строительных материалов, продажи и установки окон, запчастей и других автотоваров. Это область мужского предпринимательства, причем она оказалась практически закрытой для обсуждения, что естественно, вполне естественно, во всяком случае, на данном этапе исследования.

Молодые предприниматели есть не только в торговле, но и в традиционных производственных областях (строительное дело), в техническом сервисном обслуживании не только автомобилей, но и компьютеров. В предпринимательство они пришли после попытки обычного трудоустройства на местных предприятиях. Из-за небольших заработков приходилось подрабатывать, а когда «подработки» и по доходам, и по затратам времени стали превышать основную работу, выбор был сделан в их пользу.

Торговля продовольственными товарами, по наблюдениям — сфера деятельности женщин-предпринимателей. Помещения арендуют в торговых центрах или строят собственные небольшие здания. В городе много продовольственных магазинов. Помимо известной сети «Магнит», это получившая распространение в Липецкой области сеть продовольственных то-

варов «Росинка», а также мелкие магазины частных владельцев. В больших магазинах с системой самообслуживания среди персонала преобладает молодежь, особенно на кассовых аппаратах и на раскладке товаров. В традиционной «прилавочной торговле» больше женщин среднего возраста.

В магазинах практически отсутствуют местные сезонные товары — фрукты и овощи. По-видимому, их большими оптовыми партиями сдают на перерабатывающие комбинаты. Если они и появляются на прилавках, то из-за непрезентабельного товарного вида сами жители предпочитают покупать гораздо более дорогие продукты, например, яблоки, из Аргентины, Перу, Израиля. Выбор на местном рынке также далеко не велик, и бабушки с продукцией своих садов и огородов уже к обеду расходятся. Вместе с тем, многие семьи выращивают овощи и фрукты для собственного потребления на своих участках.

Предприятия общественного питания немногочисленны. В двух кафе, одно из которых в стиле традиционной советской столовой (рядом с таким же типовым кинотеатром), а второе — итальянской пиццерии (на центральной городской площади в здании торговых рядов XIX в.), также работают в основном женщины. Среди официанток и кассиров преобладает молодежь, среди поваров и администрации — представительницы среднего возраста.

Женский молодежный бизнес представлен в основном парикмахерскими, салонами красоты, и повсеместной сетевой продажей косметики. Как правило, в бизнес женщины, как и мужчины, идут, исчерпав возможности традиционного способа устроиться на работу по специальности с достойным заработком.

Как подведение итогов реализации планов студенческого этапа жизни можно рассматривать данные опросов наиболее многочисленной категории молодежи 25–30 лет — рабочих производственных предприятий города. В Лебедяни предприятия многочисленны и разнообразны. Из традиционных производств, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, это хлебозавод и молокозавод. На обоих предприятиях численность штата составляет около 100 человек, до трети — молодежь до 30 лет. Уровень образования среди молодежи значительно выше среднего по обоим предприятиям, но и среди молодых есть не только специалисты, но и неквалифицированные рабочие. И по оценкам сотрудников, и по мнению горожан, оба производства давно нуждаются в кардинальном обновлении и реконструкции.

Действительно современным производством стал Лебедянский консервный завод, один из наиболее известных в России производителей соков. В настоящее время, как уже отмечалось, это филиал американской компании «PepsiCo». Крупное предприятие со штатом свыше полутора тысячи человек (за последние пять лет

штат сократился почти вдвое) работает по технологии непрерывного цикла, в несколько рабочих смен. Устроиться на комбинат сложно, существует конкуренция в получении рабочих мест, хотя условия работы считают не только тяжелыми, но и вредными, сказывающимися на состоянии здоровья. Комбинат практически не предоставляет своим сотрудникам сколько-нибудь серьезного «социального пакета», но за рабочие места тем не менее держатся, опасаются возможных дальнейших сокращений.

Местные жители, включая молодежь, с тревогой говорят о пагубном влиянии комбината на экологию края. Потребляя более трёх тысяч кубометров воды ежедневно, комбинат вызвал резкое падение уровня грунтовых вод, обмеление местных водоемов. Даже Дон потерял свою былую полноводность, и под кручей Тяпкиной горы в центре Лебедяни он протекает как совсем небольшая речка. Мост через Дон в этом месте, построенный ещё в начале XX в., был в то время самым длинным в Европе железобетонным мостом.

Всё ещё более традиционно, с некоторым патернализмом, строятся отношения администрации и рабочих коллективов на двух крупнейших предприятиях города — ЛеМАЗе (Заводе по производству насосов для нефтедобычи, около 1700 сотрудников) и СОМе (Заводе отделочных строительных машин, около 500 сотрудников). На обоих предприятиях штат в последние годы также сократился более чем на треть. Среди со-

трудников заводов молодежь до 35 лет и сегодня составляет свыше 50 % .

В советский период именно эти предприятия во многом определяли развитие социальной сферы города, проводя жилищное строительство силами собственных строительных организаций, осуществляя благоустройство городской территории, выполняя большой объём социальной работы — предоставление материальной помощи и санаторного лечения, организация спортивных секций и различного рода кружков художественного творчества для своих сотрудников и членов их семей. В постсоветский период именно этот вид деятельности предприятий практически прекратился, и сейчас о нём помнят лишь сотрудники старшего возраста.

Производство модернизируется, служба управления персоналом (бывший Отдел кадров) озабочена поиском специалистов-инженеров и квалифицированных рабочих на станки с числовым управлением по лазерной обработке деталей, высококлассных сварщиков.

Работа в цехах, где ведутся штамповочные и сварочные операции и на новом оборудовании, продолжает оставаться тяжелой даже для молодых рабочих (25–35 лет): постоянный шум, загазованность, напряженный поточный график. Получить не требующую квалификации должность охранника, фактически вахтера или сторожа без перспективы какого-либо должностно-

го роста, можно только по личному знакомству, но и таких вакансий нет.

Зарплаты в 8–15 тыс. руб. обеспечивают только минимальные потребности семьи, а переезд в Липецк, например, где возможности вроде бы шире, потребует решить вопрос с жильем, детским садом, транспортом. Возрастут повседневные затраты на питание, поскольку здесь у всех свои участки, и на обед можно пойти домой, а в городе этого нет.

Таким образом, реалии рабочей жизни наиболее многочисленной категории лебедянской молодежи 22–35 лет очень быстро заставляют переоценить главные студенческие запросы и ожидания от жизни: продолжение образования по престижной профессии, получение высокооплачиваемой работы или начало собственного дела (правда, как подчеркивает молодежь, с поддержкой родственников или влиятельных знакомых), беззаботного досуга в виде дискотек и ночных клубов в ближних более крупных городах.

По-разному младшая (студенческая, несемейная) и старшая (работающая, имеющая детей) группы молодежи оценивают качество и уровень жизни в своем городе. Для младших здесь «скучно», потому что нет ночных молодежных клубов, современных кинотеатров. О театрах или художественных выставках речи практически не идет, для их посещения достаточно поехать в Липецк.

Летом в вечернее время молодежь группами собирается в центре города, на просторной площади у фонтана. Днем здесь любят гулять мамы с колясками, после окончания рабочего дня появляется больше молодых семейных пар с детьми. Атмосферу этих вечеров однозначно не определить: она меняется от идиллически-курортной до тревожно-криминальной, в зависимости от состава групп, характера их контактов. Это, впрочем, можно видеть и в Москве у подъездов элитных клубов или при разъездах после мероприятий спортивных фанатов.

Старшая молодежь начинает ценить хорошие условия в городе для детей: благоприятную экологию, отсутствие напряженного дорожного движения, возможность получить место в детском саду, заниматься в художественном кружке или спортивной секции, близкое проживание родственников, в первую очередь родителей. Эту группу гораздо сильнее тревожит ограниченность числа рабочих мест и низкий уровень зарплат.

В целом завершение образования, которое молодой человек получает в соответствии с возможностями своей семьи — для одних это ПТУ, для других — престижный столичный ВУЗ и аспирантура — для большинства служит границей «молодости» и, если не взрослости, то самостоятельности.

Обычно в это время создаются собственные семьи. И в Липецке, и в Лебедяни не только молодежь, но и

старшее поколение спокойно принимает понятие «гражданский брак» даже для собственных детей, но большая часть первых браков у молодежи действительно гражданские, то есть зарегистрированные актами гражданского состояния или свидетельствами о браке.

Появление детей у молодых родителей, судя по многочисленным крестинам в городских и пригородных церквях с участием радостно-озабоченной старшей родни, замыкает новые звенья «родители-дети» всё ещё прочных семейных связей на Лебедянской земле в центре России.

Очевидно, что роль семьи в малом городе сохраняется более устойчиво, чем в крупных городах. Возможно, это потому, что здесь сложнее найти работу, получить то образование, какое хотелось бы, в принципе выбор жизненных стратегий более ограниченный. Порой люди поставлены в условия, когда они вынуждены буквально выживать, поэтому семья для них — поддержка и опора. Как наиболее тяжелое можно оценить материальное положение у молодежи, занятой на производстве. У людей творческих профессий тоже довольно сложная ситуация: возможностей дальнейшего творческого развития в малом городе практически нет, зарплаты у работников культуры одни из самых низких в городе.

Малое количество детей в этих условиях — явление, связанное скорее с материальными затруднениями и недостаточными мерами соцобеспечения, а не с

«упадком семейного образа жизни», как считают некоторые социологи. В Лебедяни действуют социальные программы, которые направлены на решение проблем таких категорий населения, как малообеспеченные, многодетные, молодые семьи и т.д. Но нельзя сказать, что действуют они очень эффективно. Все неблагоприятные факторы, особенно экономические, преодолеваются в первую очередь с помощью института семьи.

Предпринимательская деятельность, не связанная с торговлей, в городе только начинает развиваться и в ней есть много пустующих ниш. Люди, которым удалось наладить собственное дело, являют собой пример успешных лебедянцев. Некоторые из молодых предпринимателей получили помощь по специальным государственным программам, хотя этой помощи было тяжело добиться, а кроме того, информация об этих программах не получает широкого распространения.

Среди служащих государственных учреждений, в том числе и молодых, также есть довольно обеспеченные и профессионально состоявшиеся люди, которые могут быть отнесены к категории успешных. Это интеллектуальная часть населения, люди, действительно думающие о настоящем и будущем своего города и его проблемах. Вместе с тем, многие из них ориентированы на обеспечение своим детям получения образования в крупных городах, в том числе в Москве.

Подводя итоги, можно сказать, что в таком малом городе, как Лебедянь, для молодежи существуют не-

плохие возможности для самореализации, но имеются и существенные пробелы. Здесь можно получить качественное и востребованное среднее профессиональное образование, но в студенческие годы отсутствие возможностей культурного досуга и развлечений делает крупные города более привлекательными.

Такие запросы, как получение высшего образования и/или устройство на работу, Лебедянь способна удовлетворить лишь отчасти. Возможно дистанционное получение высшего образования как один из выходов, но приоритетной стратегией становится переезд в другие города. Поиски более высокооплачиваемой работы впоследствии тоже осуществляются в более крупных городах. Обычно такие переезды сопряжены с большими финансовыми затратами и другими проблемами. Поэтому пройти такой путь до конца способны либо очень целеустремленные люди, либо со значительной материальной поддержкой от семьи. Добиться успеха в Лебедяни бесспорно можно, как это продемонстрировали молодые предприниматели. В данном случае большая вероятность успеха зависит от самого человека, от его трудолюбия, целеустремленности и удачи.

В Лебедяни от молодёжи в возрасте от 17 до 35 лет, как студентов, так и сделавших уже серьезные шаги в карьере образованных специалистов, при обсуждении планов на будущее часто приходилось слышать о «лебедянской мечте»: многие хотели бы построить в родном городе свой дом, который молодые семьи гото-

вы делить с родителями. Семейные, родственные, собственно социально-антропологические связи в малых городах, сохранивших реалии face-to-face-society, очевидно удержали свою значимость, утраченную в автономизированной урбанистической среде более крупных городов.

Литература:

Демографический вестник 2005 — Демографический вестник. Администрация Липецкой области, Липецк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.admlr.lipetsk.ru/rus/demo/vestnik1.pdf> (30.03.2013)

Лебедянская энциклопедия — Лебедянская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://лебеда.рф/index.php/Заглавная_страница (23.04.2013)

ПМА Лебеда 2012 — Полевые материалы авторов в г. Лебеда Липецкой области, август 2012 г.

В. В. Чубарова

Город с прошлым и город с настоящим

В двух соседних городах Воронежской области, Острогожске и Лисках, локальная идентичность функционирует по-разному. Старинный Острогожск гордится своей историей: здесь когда-то казаки охраняли рубежи российского государства, а потом расцветала культура. Сейчас город находится в упадке и обращён в прошлое – именно история является основой локального самосознания. В соседних Лисках всё наоборот: город возник недавно и в его истории нет ничего примечательного, но это мало волнует жителей. Зато настоящее города видится блестящим: Лиски активно развиваются экономически и социально, и именно успешность, образ передового города области, гордость современными достижениями определяют самосознание горожан.

Острогожск и Лиски — города в Воронежской области, расположенные на расстоянии около 30 километров друг от друга. Они имеют одинаковый статус (районных центров), сопоставимую численность населения (около 30 тысяч в Острогожске и около 50 тысяч — в Лисках) и оба располагаются на территориях, ос-

военных и вошедших в состав Российского государства в XVI-XVII вв. — тогда так называемое Дикое поле стало его южным форпостом, подвергавшимся набегам татар из степной зоны. На этом, в сущности, сходства между городами и заканчиваются. Различия же стоят того, чтобы рассмотреть их подробно — различия не только в формальной истории и современной социально-экономической ситуации, но и тесно связанные с ними различия в идентичности горожан.

Начнём с Острогожска — о его истории хочется говорить интонациями самих горожан, которые непременно упомянут исторические сюжеты в любом разговоре. По некоторым сведениям, на месте Острогожска располагалось древнее городище. Краеведы указывают на данные арабского ученого Абу-Абд-Аллах-Мухаммеда Идриса, побывавшего в 1154 году на Руси — он начертил карту Среднего Придонья и на ней в верховьях первого левого, считая от Дона, притока Тихой Сосны (т.е. речки Острогощи), сделал кружок, указав, что это один из самых юго-восточных городов на земле русской. О том, что там была древняя крепость, свидетельствуют и официальные сообщения об основании Острогожска. В них, как правило, говорится, что Острогожск построен «у Тернового лесу на месте старого городища», или «на речке Острогоще у старого городища» (Город Острогожск 2011).

Так или иначе, после долгого периода запустения на этих землях в XVII веке возник город Острогожск

как оборонительное укрепленное поселение в составе Белгородской черты. Необходимость в создании такой цепи укреплений была вызвана многочисленными набегами татар из степной зоны, наносившими немалый ущерб российскому государству. Для строительства крепости в составе Белгородской засечной черты было около двухсот человек из различных русских городов, а затем — украинские казаки с семьями (около тысячи человек), руководимые атаманом (полковником) И. Н. Дзиньковским (Острогожск 2010: 4).

Точный год основания города — 1652 г. — красуется на старинном здании на главной площади и охотно упоминается многими (второй по древности город в области, после Воронежа! — подчеркнут некоторые). Вот как об этом пишет Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «Первыми поселенцами Острогожска были черкасы, или малороссийские казаки, появившиеся в этой местности, вероятно, не ранее второй четверти XVII в., так как до того времени линия реки Тихой Сосны не была еще занята и укреплена нами; первый укрепленный пункт на этой реке был Верхососенск, основанный в 1637 г. В 1652 г. устроен на Острогожском городище Острогожский острог. Постепенно усиливаемые новыми выходцами из Малороссии, острогожские черкасы образовали в 1664 г. особый Черкасский острогожский полк» (Острогожский уезд). Именно казачество определило развитие города на ближайший век.

Название города, которое у стороннего человека чаще всего ассоциируется с острогом, краеведы связывают с более ранним названием реки Острогощи (его, в свою очередь, связывают с древнерусским личным именем Острогость). Впрочем, по словам краеведа Валерия Волошина, первое время существовали и параллельные названия города: в документах XVII века он назывался и Острогощенский город, и Новый Черкасский город. Второе название не прижилось, так как помимо «черкасов» (украинцев) в городе жили и русские. Еще город в старину называли Рыбный, поскольку с незапамятных времен здесь был огромный рыбный торг, куда свозили рыбу с Дона и откуда она дальше вывозилась во внутренние губернии (Город Острогжск 2011).

Следующие десятилетия ознаменовались двумя памятными событиями, связанными с российской историей. Во-первых, Острогжский гарнизон принял активное участие в восстании Степана Разина, за что атаман Дзиньковский с женой были в итоге казнены. Во-вторых, в конце века царь Пётр Великий возвращался в Москву через Острогжск и встречался здесь с тогдашним украинским гетманом И. Мазепой. Образованные горожане не преминут добавить, что этому событию посвящено стихотворение К. Ф. Рылеева «Пётр Великий в Острогжске», а также расскажут, что сам Рылеев именно здесь познакомился со своей будущей женой.

С продвижением границ Российской Империи дальше на юг оборонительное значение Острогожска стало уменьшаться, во второй половине XVIII века крепость перестала выполнять свои функции, сам Острогожск вскоре превратился из казачьего поселения в уездный город Воронежской губернии. Уезд этот был одним из самых крупных, в него входила значительная часть современной Воронежской области и приграничные районы Белгородской области. Сам город был перестроен по плану Екатериной II в 1786 г. и в новых границах представлял собой правильный квадрат с 14 равными улицами. Эта планировка и многочисленные сохранившиеся здания XVIII – XIX вв. до сих пор определяют облик центра города.

С уменьшением значения казачества стала возрастать роль купечества и дворянства в городе, в течение второй половины XVIII и XIX в. активно развиваются экономика, образование и культура. По уровню грамотности уезд стоял на первом месте в губернии; здесь в 1808 г. было открыто первое уездное училище в губернии (Историческая справка 2007). В начале XX в. в городе работали типография, драматический театр, общественная библиотека и картинная галерея (один из первых провинциальных художественных музеев в стране!), имелись заводы. Вместе с пригородными слободами Острогожск имел более двадцати тысяч жителей и был вторым по численности населения городом губернии после Воронежа.

Установление Советской власти сильно сказалось на положении Острогожска — в 1928 г. из уездного центра он становится центром района, значительно меньшего по площади. После войны началось активное развитие промышленности в городе, однако в целом XX в. был уже веком постепенного упадка города, уменьшения его значения — из второго по значимости города региона он превратился в один из многочисленных районных центров.

Постсоветские годы характеризует типичный для всей России и особенно малых городов упадок промышленности, отток населения в крупные города, социальные проблемы и общая апатия. В этом смысле Острогожск можно назвать вполне типичным российским городом.

Совсем иную картину представляют собой соседние Лиски. В то время, когда в Острогожске развивалась культура, процветало купечество и гремели дворянские балы, на месте современных Лисок, на берегу Дона, располагались две деревни — Новая Покровка и Песковатка. Только в 1871 г. возле Новой Покровки прошла железная дорога Воронеж – Ростов и была построена станция Лиски, а при ней — одноимённый пристанционный посёлок. Само название Лиски изначально относилось к небольшому селу, находившемуся (и находящемуся до сих пор) на правом, крутом берегу Дона, примерно напротив Новой Покровки. В 1870 г. было начато строительство железной дороги Воронеж –

Ростов, и именно в районе этого села, на сотом километре от Воронежа, была запроектирована железнодорожная станция. Однако вскоре оказалось, что рельеф местности для этого не подходит, и строительство станции срочно перенесли на левый берег Дона, в село Новая Покровка, а название станции оставили то, которое значилось в проекте — Лиски. Однако на тот момент проектировщики не видели особенной перспективы её развития, она обещала стать лишь одним из многочисленных полустанков (Афанасьев 1971). Интенсивное развитие Лисок началось только с 1895 г., когда была построена железная дорога Харьков – Балашов и станция стала узловой; это сказалось и на положении соседних сёл (Лиски 2012).

В 1918 г. станционный посёлок Лиски получил новый статус и название — городок Свобода. В 1926 г. железнодорожная станция Лиски получила статус рабочего посёлка и была отнесена к Острогожскому району, а через два года был образован Лискинский район с центром в посёлке Свобода, который тогда же был объединён с селом Новопокровское (Песковатка была присоединена ещё позже). Только в 1937 г. Свобода получает статус города, тогда же образуется новый административный центр Лисок — к северо-западу от станции. К этому времени в городе проживает более 16 тысяч человек (численность населения удвоилась меньше, чем за десять лет!). Очевидно, здесь сказалась индустриализация страны и активное развитие желез-

ной дороги: на станции имелись паровозное и вагоно-ремонтное депо, мастерские службы пути, судоремонтная мастерская, и др. В посёлке — пять школ, одна техническая школа Юго-Восточной железной дороги, библиотека, кинотеатр, клуб, две больницы, и др.; издавалась своя газета. В 1930-е гг. открываются заводы металлоконструкций, сахарный завод, вокруг предприятий формируются рабочие посёлки, однако особенно интенсивно промышленность стала развиваться уже после войны, в 1950–60-е гг. (Афанасьев 2006). В 1943 г. городу было возвращено название Лиски, однако в 1965 г. оно было заменено новым — Георгиу-Деж, в честь лидера румынской компартии.

В 1991 г. городу снова было возвращено название Лиски¹. Постсоветский период характеризуется совершенно нетипичной для российских городов этого периода экономической устойчивостью и даже успешным развитием.

Здесь довольно успешно функционирует промышленность, нет проблемы с рабочими местами, идёт активное строительство (как объектов общественного значения, так и жилого сектора), по многим парамет-

¹ Любопытна дискуссия, развернувшаяся среди лискинцев в связи с наименованием — в частности, предложение дать название более солидное, городское — «Лискинск», а также варианты «Дивногорск», «Мелогорск», «Новопокровск» и др. — вплоть до «Милана» и «Вероны» (Лискиведение 2006: 378-381).

рам город является образцовым и передовым в области.

У бросающегося в глаза различия в современном положении двух соседних городов есть ряд как объективных, так и субъективно обусловленных причин², однако нам сейчас интереснее другое: как история и современность в каждом из случаев отражаются на идентичности горожан.

В Острогожске без преувеличения можно говорить об очень мощной историко-культурной идентичности, в которой условно можно выделить три пласта.

Во-первых, это память о том, что город создавался как военное укрепление на границах государства, для чего были приглашены украинские казаки. Постоянно подчёркиваются казачьи и вообще — воинские традиции города, многие говорят о преемственности этих традиций, указывая на действующую в городе воинскую часть, а также Острогожское станичное казачье общество. «Острогожск — город казаков» — один из значимых здешних стереотипов.

С воинской темой связана также память об Азовских походах и вообще о Петре I. Часто упоминается,

² Наши предположения относительно причин этих различий, особенно в том, что касается бросающейся в глаза успешности Лисок, см. в обобщающей монографии по проекту «Социальная антропология современного российского города» (Чубарова 2013а)

что царь со своей флотилией проплывал по Тихой Со-
сне и даже Острогосце, в музее выставлен найденный в
реке якорь той эпохи. В связи с этим приходилось
слышать даже, что Острогоск — «колыбель русского
флота». Также важным фактом истории в сознании го-
рожан является состоявшаяся в Острогоске встреча
Петра с Мазепой, на месте которой, как говорилось
выше, установлен небольшой памятник.

Во-вторых, важной составляющей исторической
идентичности является память об Острогоске как о
крупном и значимом городе, центре большого уезда,
славном своим купечеством, насыщенной культурной
жизнью и множеством красивых церквей. «Воронежские
Афины» — это название любят повторять горожане,
описывая состояние города в XVIII и особенно XIX в.
Главное имя, связанное с городом, — это
И. Н. Крамской, однако упоминают и других деятелей,
родившихся в городе или связанных с ним (например,
К. Ф. Рылеев). Иногда рассказывают о том, что в городе
был драмтеатр, один из первых в России краеведческих
музеев и т.п.

Современная культурная ситуация, по общему
мнению горожан, намного хуже, чем в тот «Золотой
век», однако некоторую преемственность традиции они
видят. Говорят, например, о том, что художественно-
краеведческий музей по-прежнему является значимым
культурным центром, сохраняется историческая за-
стройка, в городе много художников и представителей

других творческих специальностей. Многие с грустью отмечают, что от бывшего обилия церквей осталось немного; однако из четырёх городских храмов два были восстановлены сравнительно недавно — возможно, это свидетельствует о тенденции к возрождению религиозной и культурной жизни³. Также иногда проводятся параллели между мещанским, торговым прошлым Острогжска и современным развитием предпринимательства, которое в основном также сводится к торговле.

И, наконец, третий пласт историко-культурной идентичности относится к недавнему прошлому, ещё живому в памяти большинства горожан. Речь идёт о советском времени, когда в городе работало множество заводов — по общему убеждению, именно в упадке промышленности причина тяжёлого социально-экономического положения Острогжска, и только в её возрождении — путь к улучшению ситуации. Поэтому практически любой разговор о современной ситуации

³ Хотя такая тенденция присутствует во многих городах и, безусловно, имеет характер государственной политики, на наш взгляд, конкретно в Острогжске она попала на сравнительно благодатную почву местного традиционализма, памяти об обилии церквей в прошлом и т. п. Так, например, в Лисках говорят: «вот, понастроили, целых четыре храма у нас!» — то есть при том же количестве на больший по населению город у жителей есть ощущение, что их едва ли не слишком много; к тому же, два из четырёх храмов в Лисках — не восстановленные, а новые.

провоцирует несколько идеализированный рассказ о цветущем городе, где работало множество заводов. Особенно часто говорят про завод «Агрегат» (он не успел развиваться на полную мощность, но с ним связывались большие надежды), мотороремонтный завод, стоящий в руинах кирпичный завод, мясокомбинат, а также — про консервный завод, непременно подчёркивая, что производившиеся там кабачковая икра, детское питание и халва продавались по всему Советскому Союзу.

И если, говоря о военном и культурном прошлом Острогожска, жители склонны видеть продолжение традиции в современности, то в случае с заводами, напротив, убеждены, что «всё разрушили». Строго говоря, это не так — большинство предприятий не закрылись, просто сильно снизили объёмы производства, — однако в сознании острогожцев доминирует пессимистичное представление о том, что «все заводы позакрывались», резко контрастирующее с недавним «золотым веком».

Очевидно, что для острогожцев история является краеугольным камнем локальной идентичности, важным именно потому, что настоящее не внушает оптимизма. Именно славное историческое прошлое позволяет жителям выделять свой город на фоне множества других: много где сложилась подобная ситуация (безработица, застой в промышленности, отток молодёжи), но в случае с Острогожском ситуация воспринимается

как особенно несправедливая именно из-за высокой планки, существующей в общественном сознании. Начиная (или, наоборот, сводя) любой разговор о жизни в городе к его прошлому, острогожцы как бы выкладывают свой главный козырь. Это, впрочем, не «игра на публику» перед приезжими: атмосфера старины, разлитая по уютным улицам, в первую очередь зачаровывает и привязывает к себе самих горожан. Молодые люди, даже вынужденные уезжать временно или совсем в поисках лучшей жизни, говорят об Острогожске с нежностью и гордостью, чуть только речь заходит не о текущих проблемах, а о городе как таковом и его славном прошлом.

В том, что касается социально-экономической и политической ситуации, главным образцом для сравнения для острогожцев являются Лиски (ПМА 2010). О них говорят с восхищением, и вместе с тем — с некоторой даже обидой и высокомерием, именно в контексте истории, звучит примерно такой тон: подумаешь, Лиски! Это и был-то всегда крохотный пристанционный посёлок, почти деревня, не то, что Острогожск! Только вот в последнее время как-то они поднялись... Пришлось даже услышать такую «народную этимологию»: «Лиски» — это от «Лыски», то есть лысый, бритый наголо, потому что «это поселение каторжников, как Австралия» (ПМА 2010). Так и слышится за этим — какая уж тут культура, куда уж им до нашего Крамского!

В Лисках же промелькнуло однажды ироничное: «подумаешь, ну родился у них в Острогожске Крамской и уехал, как только вырос — город-то тут при чём!» (ПМА 2011). Впрочем, даже если город и «причём», большинство лискинцев это мало заботит — они не стремятся соревноваться богатством истории ни с Острогожском, ни с другими соседями.

Единственный исторический факт, который они изредка упоминают — это открытие железной дороги в 1871 г., которое для большинства горожан и является отправной точной местной истории. Вообще железная дорога — краеугольный камень лискинского самосознания, образа города. «Раньше Лиски пахли шпалами,» — говорит известный в городе журналист и фотограф Валерий Бубельник (ПМА 2011). Его обращённость в прошлое и романтические интонации, впрочем, редкость для Лисок.

Молодость Лисок ничуть не смущает их жителей, поддерживающих образ современного и развивающегося города, выгодно отличающегося фактически ото всех остальных райцентров области по темпам экономического развития, строительства и т.п. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в исторической идентичности Лисок отсутствует «золотой век» — точнее, его роль играет настоящее время как период максимального расцвета города.

Исключение, впрочем, составляет небольшая, но весьма активная часть местной интеллигенции, а

именно краеведы, которые очень сетуют на то, что историю Лисок принято отсчитывать с открытия станции, а более древней историей горожане не интересуются. В первую очередь к их числу относятся директор Лискинского краеведческого музея, художник А. В. Аникеев, и краевед и публицист И. А. Афанасьев (к моменту нашей экспедиции, увы, покойный), автор вышедшей в 2006 году книги «Лискиведение» (Афанасьев 2006). В ней много говорится о событиях XX в., однако нам наиболее интересно то, с чего начинается там лискинская история. Большое внимание уделяется древнейшему периоду: находкам деревянных челнов II тысячелетия до н. э., находящейся на территории района Сарматской крепости, расселившимся здесь позднее «донским славянам» и т. п. Затем подробно рассматривается история деревень, вошедших впоследствии в состав города Лиски.

Не пытаясь оценивать достоверность конкретных фактов, излагаемых автором, отметим вот что: на наш взгляд, именно небогатая (по крайней мере, недавняя) история собственно города заставляет историков-любителей погружаться в давнее прошлое, пытаясь объяснить горожанам, что, на самом деле, и им есть, чем гордиться. Здесь снова показательно сравнение с Острогожском: многие древнейшие события, описанные в «Лискиведении», по большому счёту, в той же степени относятся и к Острогожской земле, однако там и краеведам, и простым жителям, грубо говоря, вполне

«хватает» более чем 300-летней истории собственно города. В том, чтобы привязывать к истории города древнейшую историю земель или отдельных населённых пунктов, просто нет необходимости!

Таким образом, на примере «Лискиведения» мы видим попытку сконструировать историческую идентичность у жителей города, реальная история которого не очень к этому располагает. «Наш город, может быть, ещё древнее Острогожска, но жители об этом даже не знают!» — говорит А. В. Аникеев (ПМА 2010). Администрация в целом положительно относится к такого рода усилиям — поддержала издание книги, а отдельные факты из неё даже включила в официальный красочный фотоальбом о городе и районе (Лискинский район 2007). Однако создаётся впечатление, что такого рода темы для власти далеко не являются приоритетными, её представители в беседах с нами так же мало обращались к истории, как простые горожане. Фактически, кроме музея⁴ местная история интересна лишь в биб-

⁴ Сама экспозиция музея демонстрирует стремление не только «удревнить» историю Лисок, но и связать с ними имена известных людей, даже если связь эта очень незначительна — так, например, посетитель может узнать, что у Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго» «упоминаются Лиски» (упоминание это состоит в придаточном предложении о «санитарном поезде, отправлявшимся через город Лиски...»), а писатель Э. Лимонов в годовалом возрасте (!) отдыхал в Лисках у своей бабушки (ПМА 2010).

лиотеке. Исторические темы вообще и «удревнение» истории Лисок в частности остаются уделом небольшой группы увлечённых людей и не находят широкого отклика в городе, живущем современностью.

При анализе идентичности жителей этих городов так и просится термин «бинарные оппозиции». Противопоставление Острогожска и Лисок — не причуда автора, который волею судьбы (почти случайного выбора городов для исследования в рамках проекта) сравнивал именно их. Сами жители из множества окрестных районных центров чаще всего упоминают именно друг друга⁵. Острогожцы, сетуя на экономический упадок, восхищённо говорят о Лисках (этот пример постоянно впутывает их в противоречие: общим местом является идея о том, что в упадке сейчас все малые города по общероссийским причинам, и от местной власти ничего не зависит, но вот же Лиски, такой же маленький город...). В свою очередь, лискинцы, комплексуя ли из-за неинтересной истории или же, напротив, говоря о том, что история не имеет значения, а важно лишь, ка-

⁵ Причины этого понятны: ведь Острогожск действительно второй старейший город области после Воронежа, а Лиски — один из самых преуспевающих райцентров (или, по крайней мере, поддерживающий такой образ в масштабе области, что для нашей темы даже важнее формальных экономических показателей). Эти объективные факторы вкупе с тем, что эти районы граничат и тесно связаны исторически, делают их противопоставление вполне естественным.

ково жить в городе сейчас — обращаются к примеру Острогожска.

Но, конечно, при всей заманчивости симметрии, прошлое и настоящее нельзя уравнивать на этих весах. Ведь современная ситуация — это то, что касается всех и каждого, а история — или досуг отдельных энтузиастов (как в Лисках), или же волшебная пилюля, позволяющая жителям среднего по всем статистическим показателям Острогожска почувствовать, что они живут в незаурядном месте. Эта пилюля действует, в каком-то смысле, по принципу плацебо — и её эффект, конечно, нельзя недооценивать. Но, по нашим наблюдениям, обращённость в прошлое, в традицию, практически патриархальный уклад являются не только следствием, но и, отчасти, причиной застоя в городе⁶. При всей любви к Крамскому и уютным улочкам, молодёжь уезжает отсюда не только по сугубо экономическим причинам, но и за современной жизнью в широком смысле этого слова. В Лисках же (хотя, конечно, в них тоже намного больше проблем, чем кажется «с фасада») намного больше возможностей для нормальной жизни здесь и сейчас. История здесь, какая бы она ни была — это всего лишь история, не имеющая прикладной функции.

⁶ Подробнее рассуждения об этой двоякой связи см.: Чубарова 2013б.

Литература и источники:

Афанасьев 2006 — Афанасьев И. А. Лискиведение. Воронеж: Талис

Город Острогожск 2011 — Город Острогожск // Большой воронежский форум [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bvfv.ru/forum/archive/index.php/t-497209.html> (дата обращения: 18.04.2011)

Историческая справка 2007 — Историческая справка города Острогожска, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ostrogrvrn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=17&Itemid=399 (дата обращения: 21.04.2011)

Лиски 2012 — Лиски// Лиски. Информационный портал города, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://liskinet.ru/8-glavnaya/2-liski_history.html (дата обращения 19.07.2011)

Лискинский район 2007 — Лискинский район. Фотоальбом. Воронеж: Студия Евгения Фёдорова.

Острогожск 2010 — Острогожск. Визитная карточка. Воронеж. Творческое объединение «Альбом».

Острогожский уезд — Острогожский уезд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

ПМА 2010 — Полевые материалы экспедиции под руководством автора (участники: И. В. Крылов, И. В. Шелекетова) в гг. Острогожск и Лиски, август – сентябрь 2010 г. (53 интервью, полевые дневники).

ПМА 2011 — Полевые материалы экспедиции под ру-

ководством автора (участники: И. В. Крылов, И. В. Шелекетова) в г. Лиски, апрель 2011 г. (15 интервью, полевые дневники).

Чубарова 2013а — Чубарова В. В. Лиски (Воронежская область) // Мы здесь живём: социальная антропология малого российского города. М.: Изд-во РГГУ.

Чубарова 2013б — Чубарова В. В. Острогожск (Воронежская область) // Мы здесь живём: социальная антропология малого российского города. М.: Изд-во РГГУ.

Б. Шпрем Ловрич

История городов и гильдий в Крапинско-Загорском округе Хорватии

Резюме: Малые исторические города и села являются важным фактором идентичности Хорватии на всех уровнях, от местного и регионального до национального. В исторический период они формировали вокруг себя соответствующую среду. Предварительный анализ современного состояния малых городов показывает их былую роль и значение изменений; потери населения и снижение уровня экономической активности привели к деградации физических характеристик города.

Размещение и положение Крапинско-Загорского округа

Хорватское Загорье географически расположено в Крапинско-Загорском округе, который граничит на севере с Республикой Словенией и Вараждинским округом, на западе с Республикой Словенией, на юге с городом Загребом и Загребским округом, на востоке с Загребским и Вараждинским округом. Хорватское Загорье окружено горами Иванчицей и горой Мацель на

Бранка Шпрем Ловрич — магистр гуманитарных наук, музейный советник, этнолог, директор музея "Старая Деревня", г. Кумровец. Эл. адрес: b.sprem.lovric-mss@mhz.hr

севере, на юге горой Медведницей, рекой Сутла на западе, и бассейном рек Крапина и Лонья на востоке. В этих географических границах Хорватское Загорье — в основном горный, холмистый район. Поселки, как правило, неправильной планировки, и постройки в них расположены так, что следуют за конфигурацией рельефа, приспособляясь к окружающей среде.

История городов и гильдий в Крапинско-Загорском округе

По существующим данным, история в письменной форме нынешней территории Крапинско-Загорского округа начинается с конца XII в. В течение XIII и XIV вв. проходил процесс формирования структуры поселений, которые в настоящее время выросли в города и муниципальные центры округа.

Рыночный центр Крапина

В конце XII в., а именно в 1193 г., в письменных памятниках хорватской истории впервые упоминается Крапина. Как городской центр она упоминается в середине XIV в. В то время Крапина была и центром округа, к которому принадлежали все загорские замки и поместья, пока в XV в. не была присоединена к Вараждинскому округу. Сам населённый пункт здесь существовал и раньше, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки и не только со времен римлян, но и от более ранних периодов.

Древнейшие письменные источники появляются с XII в., в частности, в виде королевских грамот, так называемых *привилегий*, издававшихся затем в течение всего XIII в. и действовавших вплоть до XIX в. Сведения по истории города по большей части содержатся в этих документах, благодаря которым мы узнаем о многих событиях, о жизни и труде горожан Крапины (Фото 17).

Развитие ремесел в области Хорватского Загорья также связано с городом Крапина. Согласно сохранившимся данным, первыми начали развиваться кузнечное дело, производство пуговиц, керамика, сапожное ремесло, а также деятельность мясников и пекарей. Помимо этого, однако, были известны и производители мыла, специалисты по покраске тканей природными красителями и «лояничарки», женщины, изготавливавшие сальные свечи.

Король Людовик I Анжуйский 3 января 1347 г. предоставил Крапине Устав, которым Крапина объявлена свободным королевским торговым городом. Это говорит о том, что на ранних стадиях Крапина была одним из самых густо населенных и развитых городов в котловине Загорья. Королевский Устав гарантировал Крапине существенную автономию, что ускорило развитие городской жизни и подтолкнуло к развитию ремесел, торговли и сельского хозяйства. Жители торговых городов сами себе избирали судей, за исключением случаев краж, насилия и убийств. В конце XVI и в начале XVII в. в городе процветали торговые и ремес-

ленные занятия и поэтому регулярно проводились ежегодные и королевские ярмарки, в которых принимали участие и иностранцы, также внесшие свой вклад в развитие образования, урбанизации, управления и судебной системы.

Хорватский бан Герман Цельский в 1418 г. разрешил Крапине проведение ежегодной ярмарки в первое воскресенье после дня святого Михаила (29 сентября). Это право Крапины подтвердил король Сигизмунд в 1430 г. Позже, в 1489 г. король Матвей Корвин одобрил две новых ежегодных ярмарки, и в 1627 г. Император Фердинанд II позволил торговому городу Крапине проведение еженедельных базаров по субботам. Ежегодные ярмарки проводились в Крапине с 1418 г. и продолжались от трех до четырнадцати дней, так как ремесленникам, которые приезжали из таких отдаленных регионов, как Подравина, Венгрия, Штирия и Карниола, иначе не стоило бы приезжать. На ежегодные ярмарки собиралось до 10 000 человек.

Уже в 1580 г. в Крапине был составлен список обученных мастеров по профессиям, из которых формировались гильдии. Первыми мастерами являлись мясники, и в скором времени были открыты четыре мясных лавки. Это является доказательством того, что спрос на их услуги был велик. Потребностями населения диктовалось направление развития некоторых ремесел. Одними из первых ремесленников, которые появились даже раньше мясников, были кузнецы, произво-

дители пуговиц, гончары и сапожники, позже появились и мастера, обрабатывавшие камень, которого в области Крапины было очень много и который экспортировали в соседние города Птуй и Марибор (Словения).

Организация городской жизни на основании королевских грамот-привилегий просуществовало до Хорватского национального возрождения, которое началось в XVIII в., а своего пика достигло в середине XIX в., когда в 1848 г. хорватско-славонско-далматинским баном был назначен Йосип Елачич. В том же году было отменено крепостное право, и таким образом человек, до вчерашнего дня являвшийся крепостным, стал полноправным членом сообщества, и мог теперь участвовать во всей общественной жизни.

Для защиты своих гражданских прав и интересов, а также своего статуса, ремесленники начали объединяться в гильдии, как это делали в других землях Хорватии. Таким образом крапинские сапожники, кузнецы, бондари, плотники, корзинщики, мясники, колесники, ювелиры, плотники, каменщики, гончары, кожевники, ткачи, изготовители расчесок, строители, шорники, мельники и пекари объединялись в одну гильдию. Вскоре — в 1837 г. — была основана Великая Крапинская гильдия, утвержденная королем Фердинандом I в Вене, в которую входили почти все крапинские мастера. Объединенные ремесленники принимают ремесленный устав и в течение года изменяют название

гильдии на Ассоциацию ремесленников, которая после слияния компаний подмастерьев и общества мастеров превратилась в Ассоциацию ремесленников «Гармония», потом переросла в Ассоциацию мастеров и наконец, в конце XX в. — в Палату ремесленников Крапинско-Загорского округа, которая действует по сей день.

В гильдиях состояли такие мастера, как ювелиры, плотники, каменщики, гончары, кожевники, ткачи, изготовители расчесок, строители, слесари, шорники, мельники и пекари, бондари, кирпичники, сапожники, кучера, фотографы, владельцы гостиниц, шляпники, колбасники, колесники, кабатчики, водопроводчики, переработчики меда, мясники, лапотники, сапожники, стекольщики, печатники, ткачи, токари, веревщики, часовщики. В связи с развитием промышленности, применением паровых, а потом и электрических машин исчезали многие традиционные ремёсла. Инструменты, которые использовались мастерами, часто были изготовлялись ими самими или покупались во время обучения в специализированных магазинах. Очень часто мастера и подмастерья импортировали необходимые инструменты из Германии; и по сей день в мастерских мы слышим такие названия, как: *šteher*, *breher*, *zechamer*, что говорит о немецком происхождении терминологии и самих инструментов.

Появление рыночного центра Кланьец

Кроме Крапины, возле реки Сутла на границе со Словенией развился рыночный центр Кланьец как очень важный торговый город. Кланьец расположен (Фото 18) на холме возле долины реки Сутла, где когда-то проходили римские дороги. Долина Сутлы с древнейших времен была включена в регион Нижнего Загорья, через нее обеспечивалась прямая связь с Загребом. Ранее известный как центр уезда и рынка в этой части Хорватского Загорья, Кланьец и в настоящее время хранит на себе отпечаток своего богатого прошлого.

Кланьец был создан как пригород крепости Цесарград. О самой крепости Цесарград источники упоминают впервые в 1399 г., хотя она, конечно, старше, будучи построена как одно из серии оборонительных укреплений в XII или XIII в. В исторических документах Кланьец впервые упоминается в 1463 г. в документе короля Матьяша Корвина. Название населенного пункта, вероятно, вызвано его размещением у входа в ущелье Зеленьяк.

Как и большинство городских поселений в Вараждинском округе, Кланьец получил ярмарочную привилегию в XVI в. Еженедельные базары проводились с 1556 г. Развитию Кланьца и получению им статуса ярмарочного города (в 1598 г.), вероятно, способствовало наличие многочисленных усадеб (в конце XVI в.

отмечается существование 36 благородных поместий в округе Кланьцеа; число их уже в XIX в. значительно уменьшилось, а в настоящее время не сохранилась ни одна усадьба), жители которых покупали изделия местных мастеров на ярмарках Кланьцеа. Город сохраняет статус ярмарочного центра и в XIX в. Графы Эрдеди (Фото 19) и представители мелкого дворянства оказали большое влияние на образ жизни местных жителей, в частности, ремесленников, которые им продавали свою продукцию. В конце XIX и в начале XX в. ремесла были уже хорошо представлены, хотя структура населения была в основном сельскохозяйственной. Источники упоминают колесников, слесарей, кузнецов, ювелиров, фармацевтов, врачей, юристов, портных, каменщиков, пильщиков, парикмахеров, мясников, плотников, гончаров, кожевников, шляпочников, сапожников, бондарей, держателей гостиниц, мельников, пекарей, трубочистов, медников.

Ключевую роль в развитии города сыграло существование рынка (Фото 20) в самом центре, на площади. Ярмарочное право, как одно из преимуществ, было связано с цесарградским, то есть новым дворянством. Проводилось 11 ежегодных ярмарок. Основными были ярмарки накануне Вербного воскресенья перед Пасхой и в воскресенье по «кватрам» (то есть в любое время года). Традиционные ярмарки проводились на этой площади от основания города и до конца XIX в., а по-

том их переместили в нижнюю, более новую часть города.

Из сказанного выше очевидно, что в начале XIX в. возникает основа для укрепления и роста городского населения (Фото 21), что влечет за собой другой образ жизни, отличный от более раннего крестьянского уклада.

Ремесла

Дворянство и горожане, которые жили в ярмарочных городах и поселках в районах хорватского Загорья, в частности, в Кланьце, способствовали развитию ремесел.

Кузнечное ремесло. Одним из старейших, наиболее важных и широко распространенных ремесел, конечно, является кузнечество (Фото 22). В области Хорватского Загорья, а также в Кланьце было много кузнецов, которые изготавливали изделия из железа и подковывали лошадей и быков. Цыгане, проходившие через деревни, производили простые инструменты, которыми люди пользовались в сельском хозяйстве. Наиболее интенсивный период работы для мастера был в августе и сентябре, когда подковывались лошади для работы в лесу, ремонтировались колеса и цепи для вывоза леса, которые из-за большого веса груза часто ломались, поэтому их было нужно повторно ремонтировать.

Кузнецы-подковщики, в отличие от других мастеров, не привозили свои товары на ярмарки, а предлагали свои услуги прямо в своем дворе, возле кузнечной мастерской. Помимо денег, которых крестьяне имели мало, мастера-кузнецы за свои услуги часто принимали в виде компенсации работу на своем поле или какую-то другую работу. Очень часто человек, для которого кузнец изготовил плуг, в благодарность приносил корзину, полную подарков — индейка, хлеб, тесьма и пирог или штрудель с маком или грецкими орехами. Выполненные работы вместе отмечали обе семьи. Словом, не был редкостью обмен ремесленной продукции на другие товары. Можно сделать вывод, что экономический и социальный статус кузнеца и его семьи отличался от статуса других жителей деревни, которые занимались исключительно сельским хозяйством. Это был, можно сказать, семейный бизнес, который передавался по наследству. Большинство в семье занималось сельским хозяйством, при том, что один из сыновей обучался кузнечному делу и сдавал экзамены на мастера.

Колесное ремесло. Очень важным ремеслом, некоторым образом дополнявшим кузнечное дело, является колесное ремесло. В хорватском Загорье, кроме опытных кузнецов, работало и много умелых колесных мастеров. Колесники, как и кузнецы, свой товар очень редко предлагали на ярмарках. Свою продукцию они продавали в своих дворах, мастерских. До шестидеся-

тых годов двадцатого века колесное ремесло, как и ремесло кузнеца, было одним из самых уважаемых и широко распространенных в хорватском Загорье. Покупку сельскохозяйственного орудия и транспортных средств в пятидесятых и шестидесятых годах нельзя было осуществить в деревнях. Таким образом, мастера-колесники не только делали сельские телеги, сани, экипажи, но и изготавливали другие сельскохозяйственные орудия, основные части которых были делались из дерева. Только когда колесный мастер сделал все деревянные части транспортного средства или деревянные детали пахотных орудий, кузнец смог начать ковать, отжигать, оковывать, клепать. Некоторые из колесников делали и кареты, как для дворян, так и для богатых городских господ.

Шляпочное ремесло. В ярмарочном городке Кланьец и его окрестностях, помимо сельскохозяйственного населения, жили и аристократические и буржуазные семьи, что повлияло на развитие некоторых специфических ремесел, таких как шляпочное дело. В XIX в. шляпочным делом в Кланьце занималось семь семей, в которых мужские члены являлись хорошо известными мастерами (Фото 23).

По самым свежим воспоминаниям шляпочное дело в Кланьце связывалось с именем Мирко Роцияша, родившегося в 1916 г., последнего шляпочника в Кланьце, которому помогала в работе его жена. Его шляпочная мастерская находилась в самом центре

Кланьеца. Он являлся членом Гильдии шляпочников в Загребе. Его шляпочная мастерская была широко известна. Он делал классические мужские шляпы, «шкрльяк» и шляпы для охотников. Его продукция — шапки, шляпы — часто сделаны специально для отдельного покупателя, причем для жителей не только Кланьеца, но и окрестных деревень, а также и соседних словенских поселений Бизельского и Брежицы (Республика Словения), потому что там не было шляпочников. Для людей, которые приезжали из Словении, он делал шляпы и шапки по заказу, потому что они были в лучшем материальном положении, чем местные жители. Понятно, что он работал и для «местных», которым он всегда предлагал доступные цены.

Женские шляпы мастер, как правило, не производил, потому что они были слишком дорогими, а также и потому что в это время женщины не имели привычки носить их, они просто надевали платок. Тем не менее, небольшое количество женщин, для которых он делал шляпы, носили их: это были его жена и дочери. По количеству шляпочников в Кланьеце на протяжении его истории мы можем заключить, что мужские и женские головные уборы, такие как шляпы и шапки, пользовались очень большим спросом. Когда шляпа перестает быть символом статуса физического лица (будь то мужчина или женские члены семьи), в обиход проникают более дешевые, заводского изготовления мужские шапки, шляпы, которые использовались для повсе-

Б. Шпрем. Города в Крапинско-Загорском округе Хорватии ♦ 287
дневной носки. В середине XX в. шляпочное ремесло в Кланьце начинает постепенно исчезать.

Шляпочное ремесло до 30-х гг. XX в. охватывало шляпочников, самостоятельно разрабатывавших модели и украшения шляп, делавших женские шляпы, шапки и капоры, и шляпников, которые производили головные уборы для господ, то есть для дворянства и буржуазии. В зависимости от модели существует несколько видов шляп. Например, у шляп «стетсона» или ковбойских шляп тулья проработана, а поля заглажены и обрезаны кверху по кругу. Преимущество этого вида шляпы состояло в том, что для каждого человека изделие адаптировалось и формировалось в соответствии с его вкусами. Очень часто также для клиентов делали высокие шляпы (hochcilindr), половинной высоты, полуцилиндры или низкие элегантные шляпы, так называемые «иден», которые получили название по имени английского политика Энтони Идена.

Медовое ремесло в Кланьце. В Кланьце до 80-х гг. XX в. традиции производства пряников и свечей были тесно связаны с церковью и церковными праздниками. Еще в XVI в. в крупных центрах были развито изготовление свечей, что не удивительно, так как при проведении религиозных церемоний использовали восковые свечи.

Наряду со свечами, из других среднеевропейских стран в наши края и в земли Паннонии проникло и распространилось медовое ремесло, то есть изготовле-

ние пряников под названием «лицитары» и других продуктов из меда (Фото 24). В настоящее время в Хорватском Загорье самым известным местом производства пряников-лицитаров и изготовления свечей является Мария-Бистрица (Фото 25, 26) — наше самое известное национальное святилище Девы Марии.

В самом городе Кланьеце производством продуктов из меда занималась семья Ивана Петришича, родившегося в 1900 г. Семейная традиция сохранилась до 80-х гг. XX в., когда последний член семьи Петришич прекратил заниматься этим ремеслом. Кроме ярмарок, свой товар они продавали во время церковных праздников. К церковным праздникам, которые проходили каждое воскресенье, специально готовились, так как была большая конкуренция, и поэтому нужно было иметь хорошо сделанную продукцию. Петришичи посещали все места церковных праздников и все святыни Девы Марии в хорватском Загорье. Кроме пряников-лицитаров семья Петришич занималась также производством всемирно известных алкогольных напитков из меда: «гвирца» и медовухи. Процесс изготовления «гвирца» почти такой же, как и производство вина из винограда. Напиток из меда варили, потом оставляли его для брожения. Перебродившую жидкость фильтровали через марлю и переливали в бутылки, после чего напиток был готов для продажи. Качество зависело от качества меда (для производства медовухи и гвирца

Б. Шпрем. Города в Крапинско-Загорском округе Хорватии ♦ 289
обычно использовался каштановый мед), процесса ферментации и хранения.

Заключение

Малые исторические города и деревни Хорватии являлись важным фактором идентичности на всех уровнях: от местного, регионального до национального. На протяжении исторического периода они были генераторами развития прилежащих районов.

После Второй мировой войны изменяется внешний вид малых городов, структура населения, и многие ремесла, когда-то важные для жителей городков и их окрестностей, резко вымирают. Потребность в них прекращается, так как полностью меняется образ жизни. Большая часть населения переезжает в большие города, закрываются мастерские, и население окрестных деревень свои потребности, когда-то связанные с местной, ремесленной продукцией, теперь удовлетворяет покупкой соответствующих промышленных товаров.

Предварительный анализ современного состояния малых городов показывает, что их бывшие роль и значение изменились: убыль населения и связанное с этим снижение экономической активности привели к деградации этих городков — гибнут или находятся в очень запущенном состоянии городские постройки без соответствующего ухода со стороны владельцев, особенно используемые не по назначению или неиспользуемые здания. Значительное число малых хорватских городов

с запущенной экономикой, населением пожилого возраста и зданиями, в основном находящимися в очень бедственном состоянии, требует принятия соответствующих мер и быстрого действия.

В то же время, малые города и села, в которых продолжается развитие, очень часто страдают от неуместных или неадекватных изменений, не увязанных с обеспечением качества жизни их жителей. Эти изменения, вызванные процессами глобализации и свободного рынка, в отсутствие эффективных средств воспрепятствования незаконным действиям, безвозвратно изменяющим свойства и качества исторической атмосферы городов (в частности, незаконному строительству, посягающему на наиболее красивые пейзажные виды), требуют комплексного подхода. Устойчивое экономическое развитие малых городов обеспечивается не только поддержанием и реконструкцией разрушенных зданий, но реализацией проектов и программ, использующих ресурсы их природного и культурного наследия.

Литература

Szabo 1914 — Szabo Đ. Spomenici Kotara Krapina i Zlatar. Zagreb: Tisak kr. zemaljske tiskare.

Szabo 2014 — Krapina: grad povijesti i kulture / Szabo, Agneza (ur.). Krapina: Poglavarstvo Krapine.

О. Ю. Артемова

Классическая социальная антропология и современные горожане

Резюме: В статье на отдельных примерах показано, как методы и тематика классической фундаментальной социальной антропологии преломляются в полевых исследованиях среди современных жителей малых городов России. Высказываются также некоторые соображения о возможных прикладных задачах социоантропологического изучения провинциального города. Статья носит отчасти полемический характер¹.

Вступительное слово

Волею судеб автору этих строк после тридцати с лишним лет занятий классической социальной антро-

Ольга Юрьевна Артёмова — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН, заместитель директора УНЦСА РГГУ. Эл. адрес: artemova.olga@list.ru

¹ Статья отражает результаты работы, выполнявшейся в рамках трех научно-исследовательских проектов: «Социальная антропология современного российского города: изучение и подготовка специалистов»; «Молодежь в эпоху социальных перемен: диахронный анализ индивидуальных стратегий выбора жизненного пути в российской городской провинции с 1991 по 2012 гг.»; «Постсоветские социокультурные трансформации в российском городе».

пологией — после изучения традиционных культур охотников и собирателей экзотических южных жарких стран (Австралии, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии), после многолетних опытов с попытками проникновения в процессы ранних этапов социальной эволюции, после нескольких экспедиций в удаленные уголки пятого континента, где его коренные жители все еще сохраняют многие ценности своего традиционного «первобытного» наследия — после всего этого привелось обратиться к исследованиям в современном российском городе и начать полевую работу в одном из малых городов Среднего Урала. В городе Нижние Серги, поселении, имевшем в течение двухсот лет мощное металлургическое производство, ныне же пришедшем в почти полный упадок, превратившемся в одно из самых, как сейчас выражаются, депрессивных мест современной России. А затем — продолжить работу в сфере городской антропологии в одном из небольших районных центров Пензенской области (городе Нижний Ломов), а также в некоторых других городах Центральной России. При этом пришлось не только собирать и осмысливать новый материал самой, но и отчасти координировать и направлять работу целого коллектива молодых преподавателей и студентов Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, включенных в два крупных проекта по социальной антропологии современного города в провинциальной России.

Столь резкий переход от одного объекта исследования к другому, совершенно, казалось бы, не похожему на первый, повлек за собой множество методологических и методических трудностей, мучительных сомнений в правомерности используемых методик, в достоверности и «практической значимости» получаемых результатов² и во многом другом. Трудности и сомнения тревожили не только меня самое, но и — в гораздо большей степени — других участников нашего коллектива, особенно тех, которые только начинали свою научную работу. Эти тревоги и сомнения прозвучали во многих задававшихся ими вопросах, ответы на которые я пыталась найти и сформулировать.

Границы провести не удается

Среди самых неприятных, пожалуй, даже опасных, если не убийственных, вопросов были такие: «А вообще мы социальной антропологией занимаемся в этих малых российских городах или чем-то другим?» «А что конкретно делает наши исследования именно социоантропологическими?» «А чем наши исследования, собственно, отличаются от социологических?» Так высказы-

² С содержанием и результатами наших исследований можно отчасти познакомиться в некоторых статьях настоящего сборника, а также — полнее — в следующих публикациях: Социальная андрология 2010; Малый город 2010; Мы здесь живем 2013.

вались сомнения весьма доброжелательными коллегами, участвовавшими в исследованиях. А не вполне доброжелательные коллеги, оценивавшие нашу деятельность со стороны, могли и просто пригвоздить: «Да ведь это социология, причем плохая социология, до хорошей вы не дотягиваете, потому что не являетесь профессиональными социологами, а взялись не за свое дело!».

Нередко на вопрос о различиях между социальной антропологией и социологией как между двумя разными научными дисциплинами отвечают: принципиальные различия лишь в методах, социологи используют количественные методы, а социальные антропологи — качественные. Но в процессе текущей работы, направленной на решение каких-то конкретных задач, далеко не всегда легко разграничить методы качественные и количественные.

Вот простой пример. Изучая данные о составе и количестве домохозяйств в Нижнесергинском районе Свердловской области, то есть статистические материалы, что вроде бы соответствует представлению о количественных методах, я, между прочим, узнаю, что среди разного типа домохозяйств имеются «домохозяйства бездомных», а в графе количество значится — 2. Догадываюсь, что на 47 тыс. жителей этого района приходится два человека без определенного места жительства, а домохозяйством на казенном языке именуется тот скарб, который они за собой носят, и который

О. Ю. Артемова. Классическая антропология и горожане... ♦ 295

используют, обеспечивая свой скудный быт. Дома у них нет. А хозяйство, какое-никакое, есть. Поразительно. Статистика, как известно, лукавая осведомительница, и я начинаю расспрашивать местных жителей, так ли это. Они подтверждают: «бездомных и нищих, то есть людей, живущих подаением, у нас почти нет, а из этих двух, что значатся в официальных документах, один уже умер». Оба «домохозяйства бездомных» приходится на город Нижние Серги. Выходит, в бедствующем депрессивном регионе, в частности, в «убитом»³ уральском городе, бездомных нет, или почти нет, а в богатой Москве или в еще более богатом Нью-Йорке — огромное множество. Пытаясь понять, почему это происходит, я окончательно избавляюсь от сомнений в том, своим ли делом занимаюсь.

Все население Нижнесергинского района живет в деревнях, поселках городского типа и небольшом городе с численностью жителей менее 11 тыс. человек. Не только в деревнях и поселках все друг друга знают и связаны устоявшимися личными отношениями — face to face relations — но и большинство горожан также, тем более, что до сих пор еще отчасти сохраняется установка, в соответствии с которой семьи, связанные родством или длительными дружественными отноше-

³ В. А. Тишков, побывав сравнительно недавно в городе Нижние Серги, на своей Малой Родине, написал о нем небольшой очерк, с горечью озаглавленный «Убитый город» (Тишков 2010).

ниями, стремятся селиться поблизости. Абсолютное преобладание частных семейных жилищ над многоквартирными домами, почти полное отсутствие муниципального жилищного строительства и общий упадок коммунального хозяйства весьма способствуют консервации такой ситуации. Так что тот, кто в силу несчастного стечения обстоятельств или по своей оплошности, или даже по нерадивости оказался без жилья, скорее всего, найдет приют у родственников или давних добрых соседей, которым либо искренне жаль несчастного, либо просто «от людей стыдно» («как это: все видят, что мой двоюродный брат Федор на улице, а я большем дому живу, да и сам один остался?»). А скорее всего — и то и другое. Да и вероятность потери своего жилья у жителя малого поселения намного ниже, чем у жителя крупного города, в котором одинокой, да еще больной и старый человек, сплошь и рядом оказывается абсолютно беззащитным при столкновении со всевозможными мошенниками. Нищие и бездомные — явление, порожденное большим городом с его обезличенными отношениями. А вопрос о том, какими методами подобные заключения достигаются, качественными или количественными, просто не имеет, как мне кажется, значения. Конечно, на деле все обстоит сложнее и выводы наши должны учитывать эту сложность, но они, безусловно, будут представлять собой чистой воды социальную антропологию. И уж ни в коем случае

ответ на этот вопрос не дает нам в нашем конкретном примере критерия для разграничения дисциплин.

Но вряд ли без многолетних занятий классической социальной антропологией, плотью и кровью которой изначально была, да и до сих пор в значительной мере остается, социальная жизнь малых, сравнительно автономных сообществ, основанных на личных отношениях между людьми, странная информация о двух «бездомных домохозяйствах» в казенной статистической сводке с ее суконным языком, повлекла бы нашу мысль столь далеко, что мы уже готовимся перебросить виртуальный мост между современным малым городом, возникшим вокруг крупного металлургического предприятия, и традиционной папуасской деревней.

При коллективном обсуждении планов полевой работы в малых городах я неуклонно настаивала на необходимости изучать статистические данные в соответствующих городских и районных службах, данные о численности населения, смертности и рождаемости, браках и разводах, состоянии жилья, инвестициях в производство, заработной плате, предпринимательстве, количестве врачей и среднего медицинского персонала и т. п., и т. д. Младшие коллеги меня спрашивали: зачем, ведь мы же не социологи и не экономисты? Мы все же это делали, а опубликовав результаты нашей работы, слышали от некоторых вполне умудренных коллег: «все эти сведения, количественные, которые вы

даете, собирают и изучают социологи, притом гораздо более совершенными методами. А у вас получается и не социальная антропология, и не этнология, и не социология, а не поймешь что!»

Когда социальный антрополог, или этнолог, едет на Новую Гвинею, изучать жизнь папуасов в деревне, которую еще не посещали его коллеги, или в которой его коллеги очень давно не были, он первым делом пытается определить, сколько народу там живет, сколько мужчин, женщин, детей, стариков, сколько семей, сколько домов, сколько земли приходится на семью, какое количество земли для посевов считается достаточным, скудным, излишним, сколько у кого свиней, сколько в селении знахарей, бигменов, ритуальных лидеров и т. д. Ему приходится считать самому и делать это, что называется, на пальцах. В папуасской деревне так можно. Там и народу мало, и всего остального немного. Получив подобную, а также и иную информацию более или менее общего, стандартного набора, он составляет то, что в англоязычной литературе именуется survey (обзор, оценка, экспертиза), публикует (или не публикует), а потом, исходя и этого survey, ставит какие-то более конкретные и узкие задачи и продолжает исследование, углубляясь в отдельные проблемы. Или это делают его коллеги, опираясь на его survey, при этом никто не сомневается в том, что занимается социальной антропологией или этнологией.

А любой грамотный советский этнограф, приехав, скажем, в чукотский посёлок Снежное, первым делом шел в сельсовет смотреть похозяйственные книги, выписывал стандартный набор сведений, в том числе количественных. Размышлял над ними, осваивал «новое социальное пространство» как бы виртуально, а потом уже приступал к поискам сведений о последних шаманах превращенного пола или к изучению местной техники обработки оленьих шкур. При этом он вряд ли задумывался о том, где кончается социология (или экономика) и начинается этнография. Но по опыту знал, что чтение похозяйственных книг может привести его на неожиданные «открытия», догадки или новые темы.

Так почему же мы, приезжая в новый город, который не подвергался еще социоантропологическому обследованию и в котором нас интересует «качество жизни горожан», неорганизованная свыше, «самостийная», социальная активность жителей, или жизненные стратегии молодежи (так формулировались задачи двух наших проектов), не должны начинать с того же самого — со сбора данных самого общего характера и стандартизованного набора, в том числе количественных — и на полученной канве вышивать дальнейшие узоры? Почему в современном городе не должно быть верным наблюдение, удачно сформулированное Дж. Спрэдли: начиная собирать информацию «этнограф очень похож

на первопроходца, пытающегося картографировать дикую местность» (Spradley 1980: 26)?

Специфика города, даже малого, состоит в том, что население его исчисляется многими тысячами человек (нас интересовали города с численностью жителей от 5 до 50 тыс. человек), а соответственно и весь хозяйственный, общественный и духовный обиход описывается в относительно крупных числах, и они в значительной мере уже имеются готовыми в официальных статистических материалах, которые, конечно, нуждаются в критическом анализе и проверке, но не пользоваться которыми было бы просто нелепо. Ссылки на эти материалы, оперирование большими числами, облеченными в устоявшиеся бюрократические формулировки, городской антураж, лишенный этнографической экзотики, отсутствие необходимости сосредотачиваться на этнической специфике и межэтнических сравнениях ввиду однородности этнического состава населения (абсолютное преобладание русских в большинстве изучавшихся городов) — все это, действительно, придает изложению результатов нашей работы некоторое сходство (явно работающее против нас) с типичными социологическими публикациями. Но сходство это имеет исключительно внешний, поверхностный (отсюда и заключения о «плохой социологии») характер. Ведь, в сущности, такие смежные науки, как социология, социальная психология, социальная антропология и ряд иных, отличаются друг от друга не объектами

или предметами исследования, и не методами, а конечными задачами, главными вопросами, на которые они пытаются найти ответы, а также тем, какие функции прикладного характера они стремятся выполнять. Причем это не *декларируемые* в общих академических определениях наук отличия, а отличия *реально проявляющиеся* в процессе многолетней работы, содержащиеся в коллективном и индивидуальном профессиональном опыте, отражающиеся в опубликованных трудах.

Сколько ни просматривай академические определения социологии и социальной антропологии, вразумительно сформулированных отличий в объектах, предметах и методах не обнаружишь. А попробуйте, скажите социологу, что его наука не исследует социальную эволюцию в целом, не сравнивает общества с глубоко различающимися культурами и не опирается на качественные методы сбора и обработки данных! Он, конечно же, возмутится. Да, как же, скажет он, социологи Чикагской школы сделали для развития метода включенного наблюдения ничуть не меньше, чем Б. Малиновский, а также Ф. Боас и его последователи! И, наверное, будет прав. Но все же он не мечтает, скорее всего, об исследованиях не в Москве или Казани, а, скажем, на Маркизских островах или в деревне народа ламбет в Индокитае. Не мечтает потому, что для решения стоящих перед ним задач, туда не нужно ехать.

А, кстати, Бронислав Малиновский — почти что наше социоантропологическое «всё» — называл свою работу по изучению магии в «примитивных» обществах работой «социолога» (Малиновский 1998: 70⁴).

Ученые приспособились в целом весьма успешно договариваться о содержании терминов, но не о разграничении сфер и приемов исследований. Здесь они только ведут бесплодные и неконструктивные споры. Но, вместе с тем, работая над решением конкретных задач, как правило, благополучно избегают «территориальных конфликтов», ходят «своими путями», как корабли в нейтральных водах.

Невозможно сказать ученым: сюда не ступайте и так не делайте. Это не ваше. Они сами решают, что, где и как.

Даже самые выдающиеся умы, вступив на путь формулирования общих методологических и методических установок при изучении явлений социальной жизни и их динамики, чаще всего терпели неудачи. Но они же при исследовании конкретных явлений в конкретных культурах достигали отдельных гениальных прозрений.

Неслучайно у такого горячего приверженца позитивистской, причем естественнонаучной, парадигмы в социальной антропологии, как Рэдклифф-Браун, мы обнаруживаем огромную дистанцию между «про-

⁴ Впервые опубликовано в 1925 г.

О. Ю. Артемова. Классическая антропология и горожане... ♦ 303
граммными» положениями и оценкой исследовательских результатов. Он писал: «Я постарался лишь дать самое общее представление о том виде научных изысканий, которому я счел целесообразным посвятить значительную и неуклонно возрастающую часть своих времени и энергии. Единственная награда, привлекавшая меня при этом и, как кажется, хотя бы отчасти обретенная, — это нечто вроде способности проникать [курсив мой — О. А.] в сущностные черты устройства того мира, частью которого мы являемся» (Radcliffe-Brown 1952: 204).

Где кончается метод и начинается результат?

Как же обретается социальным антропологом эта способность *проникать*? Представляется, что на этот вопрос нет и не может быть формализованного ответа. Гуманитарное мышление по сути своей концептуально. При хорошем знании материала ему доступно непостижимым образом «схватывать» сложные и тонкие взаимосвязи и взаимозависимости; его характеризует умение рассуждать и находить убедительные факты и доводы. Безусловно же доказательными, раз и на всегда доказанными, наши выводы и заключения не могут быть в силу самой специфики предмета. Мы, как никто другой, вынуждены следить за тем, чтобы никогда не говорить «никогда» и всегда избегать говорить «всегда».

Очень давно, проанализировав немало методов, применявшихся в социальной антропологии (этнологии) при изучении различных проблем социальной эволюции, А. Н. Максимов пришел к выводу, который звучит, как представляется, вполне современно: ни на один из предложенных этнологами методов нельзя смотреть как «на панацею от всех зол <...> универсального лекарства от старых болезней пока не найдено <...> да мы думаем, что такое открытие не составляет безусловно необходимого элемента для возможности успеха <...> Откуда черпать доказательства своих положений, это приходится решать в каждом отдельном случае по-своему, не руководствуясь каким-нибудь одним правилом», а учитывая лишь самые общие методические установки, большая часть которых, — исходя из прошлого опыта, — ориентирует лишь на то, как не следует вести научный поиск и строить аргументацию (Максимов 1898: 34—35). Иными словами, в процессе работы каждый исследователь создает свои собственные методики сбора и анализа информации, которые не всегда легко подвести под уже имеющиеся категории. Да это и необязательно, и сплошь и рядом исследователь в процессе работы даже не рефлексировать по поводу используемых методик. А начав рефлексировать, может запутаться и потерять драгоценную путеводную нить.

Азбучная истина гласит, что главным методом полевой работы социального антрополога является

включенное наблюдение. Звучит очень внушительно и действует успокоительно, пока не начнешь рефлексировать. Действительно ли наблюдение является главным при работе в поле, особенно сравнительно краткосрочной, которая до сих пор преобладает в отечественной социальной антропологии, или этнологии? И что значит «включенность»? Вернее, «участие». Ведь это слово более точно соответствует оригинальному формулированию термина “participant observation”. Даже если находиться в поле год, то полноценное участие в различных хозяйственных, ритуальных и общественных мероприятиях, навыки для которых не так-то просто освоить, вряд ли оставит время и силы для собственных профессиональных штудий. Да и не так-то легко заслужить столь высокую степень доверия, чтобы быть допущенным ко всему этому в качестве участника. А наблюдая и не расспрашивая, то есть не задавая странных, надоедливых и даже глупых — на взгляд носителя культуры — вопросов, вряд ли что поймешь. С скромный опыт полевой работы автора этих строк показывает, что главное в ней — разговоры, расспросы и выслушивание собеседников. Однако и те умудренные опытом австралийские коллеги, которым посчастливилось работать в поле годами, говорили автору то же самое: работать в поле тяжело и утомительно, потому что надо все время разговаривать с людьми. Многие антропологи нового поколения не хотят этого делать, это слишком дискомфортно. Наиболее же трудное — на-

ходить собеседников, людей готовых взять на себя роль «учителя» для ученого (еще одна метафора Дж. Спрэдли — *Spradley* 1980: 4), тратить время и усилия на объяснение вещей, которые кажутся само собой разумеющимися. Для этого антропологу надо обрести какую-то особую нишу в социальном пространстве потенциальных собеседников, занять некую легальную и понятную людям позицию.

Оказавшись в 2005 году в поселке аборигенов Австралии (название поселка — Аурукун), сохранивших многие черты культуры охотников и собирателей, причем в той этнокультурной общности, которая была предметом многолетних мечтаний и о которой было немало прочитано литературы, я обнаружила, что не только не могу в чем-либо участвовать, но что меня просто не замечают, я для этих людей не существую. Драгоценное время уходило впустую, а психологическое состояние приближалось к отчаянию. Но в один в буквальном смысле прекрасный день в поселке появился австралийский археолог Роджер Криб, ныне к великому сожалению, покойный. Ранее мы не были знакомы, но он моментально вошел в мое положение и предложил мне вместе с ним и группой местных аборигенов отправиться на поиски старинных дендроглифов в окрестных лесах. Однако чтобы взять меня с собой, сказал он, ему необходимо представить меня аборигенам как свою родственницу, например, сестру. Сам он уже давно «состоял» в родственных отношениях с

намеченными участниками этой маленькой экспедиции. Я с радостью согласилась. Поездка стала незабываемой, и после нее не только аборигены, с которыми «сроднил» меня Роджер Криб, но и многие другие в поселке начали со мной взаимодействовать. Это, конечно, не сняло все трудности поисков собеседников и общения с ними, но дало некую точку опоры, или некий стартовый капитал. Чтобы установить контакт с прежде незнакомым человеком, мне нужно было сказать ему, что я такого-то зову братом (старшим или младшим), а такую-то дочерью и т. п. Тогда незнакомец «определял», как я должна называть его, и как он должен звать меня.

Подчеркиваю, здесь ключевое значение имеют именно эти слова «звать», «называть» (“call”⁵). Аборигены прекрасно понимали, что я не являюсь кровной родственницей (“blood”, “full-blood”) ни кому-либо из них, ни Роджеру Криму. Действовал веками, вернее тысячелетиями, отработанный механизм «уподобления» любых новых отношений уже имеющимся отношениям по рождениям и бракам (осознаваемым вполне адекватно) с помощью классифицирующих терминов родства. Это уподобление — великолепный инструмент

⁵ Почти все аборигены Аурукуна сегодня говорят и на своем языке — вик-мункана — и по-английски. Автор статьи общалась с ними на английском языке, но освоила — в первом приближении — и набор терминов родства языка вик-мункана.

социального сближения, нормативного определения взаимных ожиданий, эмоционального вовлечения в сферу трудно определимых, порой неуловимых психологических трансакций, и он же — густо функционально нагруженный, а также интеллектуально красивый троп⁶.

И вот что интересно. Аборигены Аурукуна утратили к настоящему времени немало ключевых элементов традиционной культуры взаимодействия — систему лидерства, инициации, традиционные брачные правила, способы подбора половых партнеров и др. — но они в полной мере сохранили этот древний инструмент, широко пользуются им в кардинально изменившемся мире, и не только пользуются сами, но и научили этому многих англо-австралийцев и иных пришельцев, втянув людей сугубо чуждых культур в орбиту своего постоянно расширяющегося родственного пространства. Встречаясь в больших городах, чаще всего на конференциях, но порой и на университетских вечеринках (party), в гостях или даже на улице или в магазине, люди, побывавшие в Аурукуне (или каком-то ином поселении аборигенов), включенные в местную родственную структуру и сообщившие об этом друг другу, выясняют: «как ты зовешь Ф. или Б. или Н.?», а затем устанавливают, как им должно называть друг друга. Со

⁶ Подробнее об этом мне уже приходилось писать ранее (Артемова 2009: 331-344).

мной это случалось неоднократно. Убеждена, что это не просто игра, но и инструмент, реально способствующий сближению незнакомых людей. Он вполне функционален, потому что использует одну из главных универсалий человеческого взаимодействия.

Родство в бесписьменных обществах — мерило всего и всеобщий классификатор. Оно и средство определить отношение человека ко всему окружающему человеческому и нечеловеческому пространству, и средство организовать это пространство интеллектуально — расклассифицировать его в уме. Но ведь в любой культуре, в том числе нашей современной российской, родство дает человеку эффективный категориальный и поведенческий инструмент. Мы только говорим, что в современном постиндустриальном мире родство потеряло свою значимость. Оно просто перестало быть всеобщей и ведущей социально-организационной парадигмой. Но оно осталось в центре системы жизнеобеспечения (в самом широком смысле) личности, ее самоидентификации, а также прямого и метафорического определения своих эмоциональных связей с субъектами и объектами окружающей действительности.

При всех социальных защитах прогрессивных государственных систем человек слаб без семьи и родни. Сближаясь с неродственниками, он говорит: «вы стали мне, как родные», «ты мне как отец, сестра, брат», «мы все здесь как одна семья, как родня», «мы с тобой теперь глубокие родственники, и нам никуда не деться

друг от друга». Он метафорически зовет землю матерью, а свою страну — отчизной, родиной; он *сродняется* с домами, животными-питомцами, вещами, деревьями в саду, с песнями, сказками, анекдотами, кинофильмами и крылатыми фразами. Он посылает едва уловимое тепло, называя незнакомых людей на улицах, в магазинах, в поликлиниках или в транспорте «дочками», «сынками», «бабулями». И это обеспечивается все теми же универсальными механизмами *распространения*, категориального *расширения* родства и функционально нагруженного метафоризирования. Перед нами одна из универсалий человеческого бытия, имеющая как бы *сквозной* характер, пересекающая границы эпох, материков, цивилизаций. А в основе очень простая модель человеческого естества — женщина, ее дети и (часто, но не всегда) мужчина, который признает ее детей своими⁷.

⁷ Р. Фокс в книге «Воспроизводство и преемство» пишет о «базовой» составляющей человеческих родственных систем, о некоем неделимом «атоме» (образ позаимствован у К. Леви-Строса) родства, который заложен в самом естестве человеческих отношений и который должен быть в центре любой дискуссии по проблемам семьи, преемства прав, наследования, отцовства и т. п. (Fox 1997: 129-139). Правда, для него в этом «атоме родства» центральное место занимает не пара «мать-дитя», а пара «брат-сестра», но это — тема для отдельного обсуждения.

Приехав в 2010 г. для полевой работы в город Нижние Серги, мы (Ю. А. Артемова, М. И. Вьюев и автор этих строк) представлялись горожанам не только как московские исследователи, социальные антропологи (этнологи, что понятнее), но и как посланники уроженца этого города — В. А. Тишкова, директора Института этнологии и антропологии РАН и Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ. В городе до сих пор живет много его родственников, В. А. Тишков любезно снабдил нас их адресами и телефонами, в числе его родственников мы нашли заинтересованных собеседников и сердечно расположенных помощников, с готовностью расширявших круг нашего общения. Это чрезвычайно облегчило нашу работу. В Нижних Сергах мне ни разу не пришлось испытать тоскливой неприкаянности и опустошающего внутреннего вопрошания: как структурировать время сегодня (или через час, через два), с кем можно встретиться и поговорить? Ну, а что теперь? А что потом? Времени остро не хватало. А во вторую и третью поездку (2011 и 2013 гг.) нас уже родственники В.А. Тишкова встречали как родных, при этом одними из первых и в каждом доме повторяемых вопросов были: «как там Л., как там В., как там М.?» и т. п. Перечислялись различные члены семьи Валерия Александровича и ожидалось сведения, которыми мы ни в коей мере не располагали. Мы отвечали пояснениями, сводившимися к тому, что с В. А. Тишковым, директором двух организаций, где мы

работаем, нас связывают исключительно служебные отношения, регулируемые нормами субординации. Эти пояснения вызвали недоумение и разочарование, но нисколько не делали холоднее или суше отношения к нам.

В Нижнем Ломове, где мы (Ю. А. Артемова, Ф. О. Орлов, В. О. Филатова и автор этой статьи) оказались летом 2013 г. безо всяких посреднических контактов, способных «вписать» нас в «родственное пространство» кого-либо из местных жителей, я неоднократно испытывала хорошо знакомые по Аурукуну и целому ряду других мест полевой работы (в том числе и в нашей стране) приступы гнетущей скуки, отягощенной чувством вины за часы вынужденного безделья, особенно в разгар трудового дня. И жара, кстати, стояла почти такая же, как в Аурукуне. Лишь под конец нашего пребывания в этом городе создалась ситуация, которая могла бы изменить наше положение и, уж во всяком случае, открыла хорошие перспективы для последующих посещений.

Недалеко от Нижнего Ломова есть угасающая ныне деревня Потьма, откуда происходит воспитывавшая меня и Ю. А. Артемову Варвара Ильинична Зимина, наша покойная няня, более 40 лет своей жизни посвятившая нашей семье. Нам давно хотелось побывать на ее Малой Родине. В подходящий воскресный день мы выбрались в Потьму, разыскали семью одного из многочисленных племянников Варвары Ильиничны, а там

нам организовали встречу с ее племянницей, живущей, как оказалось уже долгие годы, в Нижнем Ломове — с Н. Она искренне радовалась встрече, говорила мне: «Как будто у меня появилась еще одна сестра». После этого мы виделись и созванивались неоднократно. Планируются новые встречи в Нижнем Ломове, в Москве, в Потье.

Подчеркнем, что во всех трех вышеприведенных случаях, «сродняющий» посредник — не родственник антропологу, и люди, принимающие антрополога «как родственника», знают об этом, однако это их не смущает. Происходит как бы «автоматический» или, лучше, «механический» перенос отношения к посреднику на нового человека. Нечто подобное мне приходилось испытывать и в ряде крупных городов (Лондоне, Кембридже, Кейптауне), где не стояло исследовательских задач по городской антропологии. Метафоры «механический» и «механизм» в нашем контексте служат хорошую службу. Быстрая, нерелефлексивная (нерационализируемая) интеллектуальная и эмоциональная реакция (акт?). Феномен, в который первым, кажется, *проник* А. Рэдклифф-Браун, объясняя смысл классифицирующих номенклатур родства. Предложенные им два основных принципа формирования этих ментальных конструкций — принцип эквивалентности сиблингов и эквивалентности линиджа — имеют в своей основе тот же самый механизм переноса отношений: с «посредника» на всех, к кому этот посредник обращается с помо-

щью терминов, означающих сиблингов, или же на всех членов родственной группы (линиджа, клана) посредника (Рэдклифф-Браун 2001: 63—106⁸). В современном городском обществе нет ничего похожего на классифицирующие номенклатуры родства, но есть и в современных горожанах некая готовность, а также способность к включению новых людей в сферу социального пространства, описываемого в категориях родства.

Представляется несомненным, что в каждом из трех приведенных примеров устанавливались отношения, которые никак нельзя счесть просто средством для успешности работы, это реальная и обоюдная эмоциональная вовлеченность. Не метод или, по крайней мере, не только метод, но условие, залог. И не только условие, но и содержательный результат, который высвечивает возможные исследовательские задачи, связанные, в частности, с функционированием родства в городе, чему мы пока придаем незаслуженно мало значения. Здесь перед нами только-только что-то забрезжило.

То, что границы смежных гуманитарных и социальных наук размыты — есть общее место. Но фокусы-то сконцентрированы! Квинтэссенция социальной антропологии, как ее понимает, а главное, ощущает автор этих строк, в том, что людское взаимодействие имеет одни и те же коренные свойства в любых усло-

⁸ Впервые цитируемая работа была опубликована в 1941 г.

О. Ю. Артемова. Классическая антропология и горожане... ♦ 315
виях — в постиндустриальном городе и в африканской саванне. Конечная задача нашей науки — постижение этих коренных свойств и принципов функционирования тех явлений, в которых эти коренные свойства преломляются в различных культурных средах, образно говоря — изучение «тектоники» социальной жизни *per se*, в каких бы географических, исторических и культурных контекстах эта жизнь ни проходила. «Ухватывание» или «раскапывание» того, что роднит все народы, все культуры и времена, но принимает самые разные обличья.

Как писал К. Гирц, «...Обобщения, которых удаётся достичь, проистекают из тонкостей различий, а не из размаха абстракций. Отсюда следует необычность способа, каким вырабатывается наше знание <... >: оно *выплескивается струйками*. Анализ культуры не следует по равномерно восходящей кривой кумулятивных разысканий, он подобен дискретной, но, тем не менее, связной последовательности все более и более смелых вылазок <... > это движение не от уже доказанных теорем к доказательству новых, а от неловких попыток добиться самого элементарного понимания к хоть как-то обоснованным притязаниям на то, что оно достигнуто и начат новый этап» (Geertz 1973: 25).

Социальные атавизмы?

«Уровень» социоантропологического «незнания» высок. Чем больше профессионального опыта обрета-

ешь, тем очевиднее это становится. В «социоантропологическом поле» современного города, как малого, так и — особенно — большого этот уровень гораздо выше, чем в деревне или любом другом, более или менее автономном поселении, жизнь которого в основном протекает в узких локальных и социальных рамках. Причина не только в том, что городская антропология существенно моложе, чем «негородская», но в том, что в городском пространстве коренные, «тектонические» явления социальной жизни существенно дальше от «поверхности», скрыты за множеством запутывающих и дезориентирующих факторов. Неслучайно, когда на «поверхность» современной жизни постиндустриального модернизирующегося и «глобализирующегося» общества «всплывают» какие-то феномены, с очевидностью напрашивающиеся на прямые аналогии с феноменами, типичными для так называемых традиционных обществ, — неслучайно тогда не только просто образованные люди, но и профессиональные социальные антропологи (этнологи) начинают говорить и писать о неких социальных атавизмах или «архаическом синдроме», то есть даже специалисты не ждут подобных форм поведения и взаимодействия от жителей «оплотов цивилизации», удивляются и приписывают причины «возрождения» грубых «первобытных практик» социально-экономическим кризисам или каким-то иным катаклизмам и «аномальным обстоятельствам», выбирающим у людей почву из под ног.

Скажем, в нашей литературе неоднократно проводились параллели между иерархическими структурами, спонтанно формирующимися в так называемых экстремальных группах (замкнутых социальных системах, в качестве примеров которых рассматривались армейские подразделения, а также тюремные, лагерные сообщества) с одной стороны, и так называемыми первобытными иерархическими системами, сопряженными с институтами инициаций (мужскими возрастными классами и группами типа восточноафриканских и австралийских, или мужскими союзами типа меланезийских и западноафриканских) — с другой. При этом сопоставления ограничивались преимущественно семантической стороной этих явлений, а выделяемые сходства рассматривались в парадигме упомянутого выше «архаического синдрома», вызванного к жизни острым кризисом культуры и экономики России конца прошлого — начала нашего столетий (ср. *Лев Самойлов* 1990; *Банников* 2002).

Представляется, что «кризисность» этих явлений выражается только в тех уродливых, извращенных нравах, которые им сопутствуют в современной российской армии или «на зоне». Ведь структуры этого типа формировались не только в «первобытности» или в «архаических обществах», но в самые разные эпохи, в разных уголках мира и при самых разных способах жизнеобеспечения. При огромном их разнообразии всем им свойственны не только общность некоторых

знаковых, символических характеристик, не только отношения доминирования-подчинения, но и ритуализованное поведение, которое называют инициациями в широком смысле, а также целый комплекс структурных черт и человеческих действий, связанных с тем, что нам в другом месте уже приходилось именовать *монополизацией информации и санкционированной дезинформацией* (Артемова 2009: 381-404). Мы обнаружим это и в мужском союзе Дук-Дук (о-ва Бэнкса), и в типичном средневековом европейском мужском монастыре, и в католическом религиозном ордене — неважно, иезуитов или бенедектинцев, — и в аристократических масонских ложах начала XIX века (в России в том числе), и в современных привилегированных закрытых мужских учебных учреждениях типа английских Итона или Хэрроу, и в мощных организованных преступных группировках, и в мелких группировках уличной шпаны, и в структуре и деятельности распущенной коммунистической партии Советского Союза, особенно ее ЦК с бесчисленными тайнами и дезинформацией всего остального общества, и в армейских «доминантных неуставных отношениях».

Как ни убоги, как ни нелепы монополизируемая в армейских «экстремальных группах» информация, инициации, а также их экзотерическое сопровождение, они налицо (Банников 2002 *passim*). А если не рассматривать солдатскую массу саму по себе, а учесть, что в эти структуры как неотъемлемая часть и высшая ран-

говая категория входит также командный состав армейских подразделений, то утаиваемая информация и санкционированная дезинформация оказываются чрезвычайно весомыми в масштабах всего общества. Отметим попутно, что экзотерические версии армейских событий, как и любые вообще экзотерические дезинформирующие версии для непосвященных, не блещут изощренностью и разнообразием, а носят немудреный, как бы дежурный характер. Это потому, что «посвященные» всегда убеждены в своем превосходстве над остальными (хотя бы в своей силе). Они, скажем, объявляют то там, то здесь, что солдат убил столько-то товарищей и столько-то офицеров, а потом и сам застрелился, так как перед этим получил письмо из дома, из которого узнал, что ему неверна невеста. И полагают, что общественность все равно «проглотит». А куда она денется? Заставим.

Как писал в свое время В. Р. Кабо, в основе этого феномена «лежат единые для всего человечества структуры сознания, единые как в пространстве, так и во времени. Они-то и способствуют воспроизводству в различных группах человечества в разные эпохи неких универсальных явлений в социальных отношениях и духовной культуре, сближающих современные социальные системы или отдельные явления культур с первобытными» (Кабо 1990: 111).

Другой пример — такой пышный расцвет в современной городской среде магии и колдовства, что, как

мы услышали в одной из телевизионных научно-популярных передач, «уважающие себя люди не могут ни думать, ни говорить об этом без брезгливости». Приписывание этому феномену — разумеется, имеются ввиду не те, кто промышляют колдовством и знахарством (не рыночная сторона явления, не госпожа Люба, «маг и целительница в четырех поколениях»), а те, кто создают спрос на подобные услуги и даже сами не чужды опытам в названной сфере — статуса культурного или социального атавизма и сопряжение его причин все с теми же социально-экономическим неурядицами постсоветской России стали уже общим местом. Как-то обидно даже за людей «первобытных» или «традиционных» культур. Выходит, мы становимся на них похожи, когда нам плохо и когда сами мы делаемся хуже, дичаем как бы. Есть ли вера в магию признаков отсталости и дикости нравов или одно из *выражений* неких базовых человеческих потребностей?

Б. Малиновский писал в свое время⁹: «Проследите за одним обрядом, изучите одно заклинание, постигните принцип магического верования, приемы и социальный контекст его реализации в каком-то одном случае, и вы будете знать не только все о магических обрядах данного племени, но и сможете — что-то добавив от себя, а что-то изменив по собственному усмот-

⁹ Напомним, что цитируемая работа впервые была опубликована в 1925 г.

О. Ю. Артемова. Классическая антропология и горожане... ♦ 321
рению — в любой части мира обосноваться в качестве практикующего мага, вполне успешно поддерживающего веру в это вожденное искусство» (Малиновский 1998: 71).

Бурный «всплеск» популярности магических искусств и оккультных «наук», а также простонародной веры во вредоносные воздействия, которые незримо исходят от разных недругов и мешают жить, конечно, можно отчасти связать с неблагоприятным социально-психологическим климатом в современном российском городе: слишком много стрессов, неопределенности, непредсказуемости. Прибавим к этому бесстыдство и продажность СМИ, а также расцвет мошенничества, шарлатанства и шантажа, которым все равно, что эксплуатировать, лишь бы эксплуатировать. Но, как кажется, самым лучшим объяснением мог бы послужить «эффект отпущенной пружины». Стало можно говорить, писать, и даже делать то, что долгое время всемерно подавлялось, но отнюдь не было вытравлено из народной жизни.

Никогда не забуду, как в эпоху советского репрессивного рационализма, примерно в году 1978, мне невзначай довелось подслушать монолог русской уборщицы в общественном туалете латвийского города Елгава. Она думала, что рядом никого нет и говорила сама с собою вслух, расписывая способ колдовства, который хорошо бы было применить против не убирающих после себя посетительниц названного оплота цивили-

зации. Это был способ, многократно описанный в этнографической литературе об аборигенах Австралии. В то время я еще не читала «Магию, науку и религию» Малиновского и была безмерно поражена.

В чем польза?

Прослушав все вышеизложенное (в сокращенном виде) на одном из научных мероприятий, мои вдумчивые ученики сказали примерно следующее: «Ну, хорошо, то, о чем вы говорили, это действительно классическая социальная антропология в современном российском городе, но если мы везде будем искать и находить одни и те же «структуры», «выражения базовых потребностей» или «сквозные универсалии, пересекающие границы эпох, материков, культур и цивилизаций», то в чем же будет специфика нашей работы в городе, в чем ее особый интерес для начинающего и стремящегося к новизне исследователя (ведь скучно все одно и то же изучать), не будем ли мы бесконечно изобретать велосипеды и в чем, наконец, польза от такого рода изысканий? Хорошие и тоже трудные вопросы.

Прежде всего, никто не требует и не предполагает, что все, отправившиеся в малые города начинающие специалисты должны делать одно и то же, и искать как раз именно то, что было предложено выше в нескольких произвольно выбранных примерах. Речь шла о поиске как таковом, причем поиске, проводимом

под углом социальной антропологии, о конечных задачах которой надо постоянно помнить. Поиск — дело творческое, и каждый ищущий совершает его по-своему, ему самому предстоит решать, как сделать свой труд интересным и полезным и на какие авторитеты опираться.

Теперь о велосипедах. С чрезвычайной признательностью вспоминаю своего первого научного руководителя — В. М. Бахту. Когда я с умным видом спросила его, какие научные труды мне положить в основу дипломной работы и какую методологию использовать, он, добродушно смеясь, ответил примерно так: «Не читайте ничего, кроме источников, тех публикаций, которые содержат нужный вам фактический материал, осмыслите его совершенно самостоятельно. Пусть коряво, пусть неуклюже, но самостоятельно. И изложите осмысленное достойным образом. Пусть это будет всего лишь два притопа и три прихлопа. Но ваши, и будет ясно, способны ли вы вообще изобрести велосипед. И вот когда у вас сложится хоть какая-то своя концепция, свой взгляд, свой подход, тогда вы начитаете теоретическую литературу и не потеряетесь в ней. Вы пропадете, если окунетесь в море разных взглядов и концепций, не имея своей позиции. А своя позиция создается при взаимодействии с фактами жизни. Изобретение велосипедов – не такая уж плохая вещь, для того, кто учится изобретать в принципе. Хуже, если ничего не получается на изобретательском поприще. Сначала ве-

лосипед, а потом и что-то другое изобретется, дайте только срок». С тех пор я всегда радовалась и радуюсь до сих пор, изобретая велосипеды, то есть встречая у других авторов – авторов с именем — мысли и заключения, выработанные мною самой независимо.

А недавно я прочла у Юрия Трифонова: «Графоманский опыт заставлял меня многократно изобретать велосипеды. Но тут уж ничего не поделаешь. По-моему, это удел всякого писателя: пройти все ступени изобретений, начиная с обыкновенного колеса. Говоря о графомании, я имею в виду графоманию одаренных людей» (Нескончаемое начало. Сочинения, т. 4, с. 530).

Теперь о пользе. Какая польза в движении от незнания к знанию? Ведь если мы говорим, что есть общие коренные черты человеческого общежития, это не значит, что о них нам все известно. Да и любой конкретный контекст, в который они вписаны, специфичен. В том числе и городской. Чем больше узнаем, тем лучше. А зачем? То, что фундаментальное знание не подчиненно утилитарным целям, но именно оно в конечном итоге ведет ко всевозможным усовершенствованиям человеческого бытия, тоже давно стало общим местом.

Теперь о возможных прикладных задачах наших исследований и «выработке научно обоснованных рекомендаций» для горожан и властей предрежащих. Можем ли мы, поизучав сравнительно недолго совершенно новое для нас социальное пространство, что-то

умное порекомендовать людям, формировавшим его из поколения в поколение, и уж, по крайней мере, существующим в нем изо дня в день десятилетиями? Да и властям, как бы много ошибок они ни делали, тоже не вчера начавшим править? Вопросы риторические.

Но все же можно попытаться, как кажется, нащупать в общих выводах наших проектов некую опору для отдельных рассуждений, которые в очень далекой перспективе могли бы, наверное, обещать прикладную составляющую. Однако для этого придется опять вернуться к классической социальной антропологии и танцевать, так сказать, от печки. Иначе не получается.

В опубликованной на русском языке работе «Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма» виднейший голландский специалист по политической антропологии Х. Дж. Классен пишет: «В XIX столетии было обнаружено огромное количество обществ, которые не достигли государственного уровня развития <...> Они были современниками и были полны жизни <...> не было ни малейшего признака деградации или стагнации этих обществ; они были абсолютно жизнеспособны...» (Классен 2000: 14).

Почему они были «жизнеспособны»? Иногда такие общества называют простыми, мне кажется более подходящим слово «естественные». Ведь вся их духовная и материальная культура и все социальные установления были результатом эмпирически проверенных коллективных достижений множества поколений людей, ко-

торым никакие реформаторы, уверенные в том, что они «знают, как надо» не устраивали крутых преобразований, переломов, модернизаций, реконструкций и т. п. Не писали законов, не издавали указов и т. д.

Эти «естественные» общества были жизнеспособны, так как создали для себя и сохраняли все необходимое для того, чтобы воспроизводить свою социальную жизнь в занятых ими экологических нишах. Это, прежде всего, устоявшаяся, подробно разработанная система взаимопомощи, в которой условно можно выделить два уровня: уровень семейный, узко родственный, и уровень сообщества или социальной сети (локальная группа, имеющая постоянные связи с энным числом аналогичных групп). Больше всего друг другу помогали члены семей и близкие родственники, но и каналы надсемейной взаимопомощи имели огромное значение. Относительно крупные сообщества или социальные сети обладали устойчивыми формами самоорганизации, приемами выработки коллективных решений, техники достижения социального консенсуса путем длительных переговоров и др. Формальные лидеры могли быть или могли отсутствовать. Могли иметь или не иметь влияние на окружающих. В любом случае все люди — в большей или меньшей мере — участвовали в «управлении» своей семьей и своим сообществом. И все умели и хотели это делать. А еще очень важно, что у всех у них было много свободного времени. Обширный досуг, который они умели прово-

дить интересно и с удовольствием. Тот, кто мне не верит, может почитать классические труды Л. Маршалл, Р. Ли, К. Тернбула, П. Гарднера и других авторов, писавших об африканских и индийских охотниках и собирателях.

А чтобы не быть исключительно «певицей первобытности», сошлюсь на другой пример — современное австралийское (основанное на европейских культурных достижениях) общество в целом, и отдельные городские сообщества (как малые, так и относительно крупные) в частности. Это цветущие, высокотехнологичные, почти социалистические сообщества, созданные немногим более чем за две сотни лет в отдельно взятой стране, где равно жизнеспособны и малые и большие поселения (исключения, по причинам, которые здесь невозможно разбирать, составляют лишь поселки аборигенов). В этой стране, сильно напоминающей планету Альфу из знаменитого фильма Г. Данелия «Кин-дза-дза!», государство — обложив население таким прогрессивным налогом, какой делает невозможной резкую поляризацию частных материальных благосостояний (люди, стремящиеся быть очень богатыми, вынуждены эмигрировать) — взяло на себя основную часть тех функций, которые выполняли различные виды традиционной взаимопомощи в «естественных» обществах. Австралийские государственные институты социальной помощи и защиты, в особенности бесплатного медицинского обслуживания, являются предметом гордо-

сти граждан, которые, к тому же, обладают отработанными средствами эффективного контроля над властными структурами всех уровней и отличаются развитыми формами социальной активности и самоорганизации. Австралия дает пример весьма успешной цивилизованной системы «общественного договора». Люди там умеют договариваться и честно следовать договоренностям — вне зависимости от занимаемых общественных позиций. И у всех у них много свободного времени, которое они проводят на пляжах, спортивных площадках, в путешествиях и длинных разговорах обо всем этом.

Теперь процитируем главные выводы о наших малых городах, содержащиеся в заключениях к двум подготовленным по материалам наших проектов монографиям (Мы здесь живем 2013; Молодежь в провинциальном городе 2013).

В Заключении к первой из них читаем: «Перед нами наглядно, на подробно описанных и внимательно проанализированных конкретных примерах, предстали большие проблемы малых городов. Тревожные демографические показатели, падение производства, явная и скрытая безработица, низкая заработная плата у значительной части жителей — чуть ли не ниже прожиточного минимума, — неудовлетворительные жилищные условия, недостаточность медицинских и образовательных услуг, дефицит в удовлетворении культурных запросов населения, хроническая нехватка средств

городского бюджета, обуславливающая множество слабых мест муниципального хозяйства и многое, многое другое <...>

Население современных малых городов далеко не однородно. В них выделяется административная элита и тесно связанный с нею слой предпринимателей, уровень жизни которых никак нельзя назвать низким. Имеется и некоторое число граждан, которые, не будучи задействованными ни во власти, ни в бизнесе, все же умудряются (именно умудряются) относительно неплохо обеспечивать себя и свои семьи. Но все же подавляющая часть жителей изученных в нашем проекте малых городов едва сводит концы с концами, и это притом, что многие работают «на двух-трех работах», да и используют любую текущую, спонтанную возможность внести дополнительный вклад в семейный бюджет <...>

В таких условиях социально-психологический климат в наших малых городах должен был бы являть угнетающую картину. Но это, по сложившемуся у участников проекта мнению, далеко не так. Люди на улицах изученных городов в большинстве своем выглядят достойно <...> Они в большинстве своем хорошо следят за детьми. Участники НИР почти не встречали нищих, побирающихся людей. Не слишком много на улицах и горожан, выглядящих спившимися и опустившимися (последние — почти исключительно мужчины). В домах и квартирах горожан участникам проекта также

приходилось бывать. В большинстве случаев люди всеми силами стремятся поддерживать свое жилище в чистоте и «обставить» его как можно лучше, чтобы «от людей стыдно не было». И мало кто сидит голодный. Придите в дом, даже и неожиданно, вас, скорее всего, быстро, вкусно и обильно накормят, чем «Бог послал»: картошкой, пирожками, «солениями-варениями», ну и, может быть, законсервированными «про запас» мясом, курицей, рыбой, пойманной в реке или озере. Очень многие, пусть и в кредит, пусть и с великими усилиями, но все же обзаводятся собственными автомобилями. Сады, огороды, палисадники содержатся в значительной своей части в очень хорошем состоянии, при этом преследуются не только практические цели, но и эстетические. Особенно поражают жители северных и восточных городов, которые в условиях сурового климата выращивают помидоры всех возможных сортов, клубнику, розы, мальвы, и иные отнюдь не северные культуры. Цветник и огород — это не только объект тяжких трудов, но и источник повседневных радостей, и предмет гордости пред соседями, и средство наращивания престижа в глазах городского сообщества в целом <...>

Отдельных добрых слов, может даже панегириков, заслуживает окно частного жилища, которое смотрит в «мир», на улицу, где проходят люди. Окна квартир выглядят по-разному, но окна частных домов, в первую очередь одноэтажных, являются, как правило, предме-

том пристального эстетического внимания. Во множестве на окнах можно видеть высокохудожественные образцы деревянной резьбы. Часто, конечно, это работа старинных мастеров, но и новые постройки, в том числе и кирпичные, нередко украшаются наличниками с резьбой, пусть и менее изощренной. А на подоконниках — яркие комнатные цветы, герань или фиалки, в красивых горшках; и на всех пяти или четырех окнах одинаковые тюлевые занавески с симметричным, брошским рисунком. Порой с кружевами ручной работы. Вот женские досуговые занятия, требующие труда, любви и времени <... >

Однако, сказанное, как и — куда в большей мере — множество иных фактов и наблюдений, изложенных в главах об отдельных городах, говорит почти исключительно об индивидуальных, семейных и узко родственных усилиях по выживанию, налаживанию быта и его облагораживанию. За воротами ухоженных домов сплошь и рядом громоздятся кучи мусора, до которых никому нет дела, разве что посетуют в разговоре. И это весьма символично.

Планируя настоящий проект, его участники намеревались особое внимание уделить самостийной, не организованной никакими властями, коллективной, массовой, активности горожан, направленной на усовершенствование своей жизни — хозяйственной и культурной. К великому сожалению, таковых почти не

обнаружилось, что отмечается чуть ли не в каждой главе нашей монографии.

И сами горожане, и представители разных администраций много говорят о безынициативности людей, об их индивидуализме, закрытости, необщительности. Участникам экспедиций нередко казалось, что люди, даже хорошо образованные и готовые самоотверженно действовать во благо своего города, плохо умеют договариваться друг с другом, объединяться, снимать противоречия <...>

Огромный опыт науки — социальной антропологии — охватывающей своим пристальным вниманием культуры самых разных уголков мира, как культуры безгосударственные, так и культуры с развитыми государственными системами, показывает, что на ситуации глубоких и, главное, затяжных кризисов — обусловленных ли социально-экономическим коллапсом, политической ли катастрофой (разрушительные многолетние войны, например), экологическими ли бедствиями или природными катаклизмами (последствия землетрясений, ураганов и др.) — люди отвечают одинаково: они активизируют, актуализируют, возрождают и всемерно эксплуатируют самый древний и самый надежный, эмпирически проверенный многими и многими тысячелетиями способ выживания в години бедствий: индивидуалистический, преимущественно ограниченный лишь семейными и узко родственными или

О. Ю. Артемова. Классическая антропология и горожане... ♦ 333
узко локальными (малочисленными соседскими) структурами взаимопомощи¹⁰.

Вот и наши соотечественники в тяжелых условиях российской провинции великими усилиями пытаются спасти себя сами, как могут, как умеют...» (Мы здесь живем 2013: 654–658).

А в заключении к монографии о молодых людях в провинциальном городе мы писали: «В целом, исследование молодежи дало менее угнетающую картину, чем исследование качества жизни всего населения в малом провинциальном городе. Отчасти потому, что в нашу настоящую выборку попали, среди прочих, относительно динамично и успешно развивающиеся города, отчасти потому, что в жизни всех малых городов России проявляются определенные положительные тенденции и даже небольшой промежуток (между 2009-2010 и 2012-2013) годами выявляет движение к лучшему, отчасти же и потому, что авторы проекта, посвященного молодежи, имели дело с респондентами, не склонными к унынию в силу преимуществ своего возраста.

Но все же налицо весьма тревожные симптомы. В том числе — тот же узкосемейный, родственный спо-

¹⁰ Один из самых впечатляющих аналогов из классической социальной антропологии содержится в книге Р. Ферса о тикопийцах, переживших ураган и несколько неурожаев (*Firth* 1959).

соб, решать проблемы: все неблагоприятные факторы, особенно экономические, преодолеваются в первую очередь с помощью института семьи, родственных связей, причем значительная часть бремени по преодолению трудностей, стоящих перед молодыми людьми, ложится на плечи их близких старших поколений. Однако и главные оплоты социальной взаимопомощи — семья и родство — оказываются под угрозой ввиду чрезвычайно интенсивного оттока молодежи в крупные города и маятниковой миграции. Эти явления неизбежно ведут к тому, что многие семьи распадаются, родственные связи в значительной мере ослабевают или даже рвутся. Что же и кто же останется в провинции, если государство круто не развернется лицом к ее жителям, а провинциальное общество не развернется лицом к самому себе?

В одном из номеров нижнеломовской газеты «Любимая» обсуждалась Федеральная программа помощи молодым семьям, в первую очередь по обретению жилья, имеющая целью повысить рождаемость. Горожане высказались однозначно: только надежная обеспеченность стабильной работой и стабильными заработками всех граждан, реальное обеспечение их материальной независимости и духовных запросов может решить демографическую проблему. А подобные программы способны лишь слегка подлатать отдельные прорехи. То же относится и к остальным проблемным сферам провинциальной жизни. И вряд ли плодотворно и эффек-

тивно проявлять особую заботу о какой-то отдельной категории граждан, молодых, например. Если государство будет заботиться о провинциалах всех возрастов, то и молодежи будет хорошо. Если не только частные жилища будут содержаться в достойном состоянии, но и все городское имущество, общественные здания, дороги, парки и т. д., то и пропорции уезжающих из города и остающихся в нем будут обратными теперешним. Если не только много будет рабочих мест, но и отношения между рабочими и работодателями будут строго контролироваться государственными и общественными структурами, если владельцы частных предприятий будут лишены возможностей для злоупотреблений, то даже на малоквалифицированный труд найдется достаточно желающих.

Все это требует кардинальных перемен во внутренней политике федерального правительства, областных, районных и городских властей, а также радикального перераспределения материальных ресурсов. Но это требует и радикальных изменений в социально-психологическом климате провинциального общества.

Все тот же «огромный опыт социальной антропологии, изучающей культуры самых разных уголков мира», показывает, что любое здоровое общество должно обладать самостоятельной, не организованной, не инспирированной властями или авторитетными структурами, социальной активностью, солидарностью граждан, умеющих объединять свои усилия и реализовы-

вать желаемые цели легальными средствами. Такая активность слабо проявляется в современном российском обществе, причем не только в провинциальном. И никто, кроме самих рядовых граждан, не поможет оживить и интенсифицировать ее» (Молодежь в провинциальном городе 2013: 285-287).

Суммируя изложенное в приведенных цитатах, мы как социальные антропологи, опирающиеся на классические работы коллег предшествующих времен, можем выделить три главных обстоятельства, ставящих под угрозу жизнеспособность многих наших малых городов, лишенных полностью (или в значительной мере) условий, необходимых для того, чтобы «воспроизводить свою социальную жизнь» в занятых ими «нишах»:

- 1) недостаток возможностей для жизнеобеспечения, как в широком, так и в узком смысле (то есть и материального и духовного жизнеобеспечения), начиная от нехватки того, что считается достойной работой в бюджетных организациях и достойным вознаграждением за нее и кончая отсутствием условий для успешного предпринимательства (мелкого и среднего), начиная от отсутствия какого-либо свободного времени у одних и кончая полным незнанием, куда употребить свой вынужденно избыточный досуг у других;
- 2) неудовлетворительная работа государственных структур, призванных выполнять те функции, которые в «естественных» обществах выполняет самостийная кооперация людей в пределах весьма широких соци-

альных сетей; 3) недостаток или даже отсутствие самостоятельно формирующейся гражданской инициативы.

Проблемы такого масштаба социальные антропологи способны выявлять, формулировать, предавать гласности. Но способны ли они указать пути и способы для преодоления таких проблем? Все тот же опыт социальной антропологии убеждает, что проблемы такого масштаба преодолеваются общими усилиями участников социального процесса, а пути и средства ищутся и находятся эмпирически. Важна, однако, добрая воля тех, от кого более всего зависит социальный процесс в условиях российской государственности. Разумеется, антропологи, настроенные на прикладные исследования, должны найти себе применение в этом процессе, но раньше им предстоит убедить и государство и общество в своей полезности. Это тоже долгий труд.

Автор выражает признательность своим ученикам и коллегам, чьи пытливые вопросы и критические замечания побудили ее взяться за написание предлагаемой статьи: Н. А. Антроповой, Е. П. Батьяновой, Д. М. Бондаренко, М. И. Вьюеву, М. И. Драмбяну, А. Л. Елфимову, А. Ю. Илюхиной, М. Е. Кабицкому, С. В. Соколовскому, Т. Б. Уваровой и В. В. Чубаровой.

Литература:

Артемова 2009 — Артемова О. Ю. Колено Исава Охотники, собиратели. рыболовы. Опыт изучения альтернативных социальных систем. М.: Смысл.

Банников 2002 — Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения среди военнослужащих срочной службы Российской армии. М: ИЭА РАН.

Кабо 1990 — Кабо В. Р. Структура лагеря и архетипы сознания // СЭ. №1: 108-113.

Классен 2000 — Классен Х. Дж. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Кортаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос. 6–23.

Лев Самойлов 1990 — Лев Самойлов (Клейн). Этнография лагеря // СЭ. №1.

Максимов 1898 — Максимов А. Н. К вопросу о методах изучения семьи // ЭО. 1898. № 4: 1—35. Цит. по: Максимов А. Н. Избранные труды. М: Восточная литература, 1997.

Малиновский 1998 — Малиновский Б. Магия, наука, религия. / Пер. с англ. под ред. О. Ю. Артемовой. М.: Рэфл-бук.

Малый город 2010 — Малый город в современной России. М: ИЭА РАН.

Молодежь в провинциальном городе 2013 — Молодежь в провинциальном городе. / Отв. ред. В. А. Тишков [Рукопись].

Мы здесь живем 2013 — Мы здесь живем. Социальная антропология малого российского города / отв. ред. В. А. Тишков. М.: РГГУ.

Рэдклифф-Браун 2001 — *Рэдклифф-Браун А. Р.* Изучение систем родства // Структура и функция в примитивном обществе. М: Восточная литература. 63–106.

Социальная антропология 2010 — Социальная антропология современного российского города. М.: ИЭА РАН.

Тишков 2010 — *Тишков В. А.* Малая Родина [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/> (дата обращения: 01. 12. 2011).

Geertz 1973 — *Geertz C.* The Interpretations of Cultures. New York: Basic Books.

Firth 1959 — *Firth R.* Social Change in Tikopia: Re-study of a Polynesian Community After a Generation. London: Routledge.

Fox 1997 — *Fox R.* Reproduction and Succession. Studies in Anthropology, Law and Society. New Brunswick and London: Transaction Publishers.

Radcliffe-Brown 1952 — *Radcliffe-Brown A. R.* Structure and Function in Primitive Society. London: Cohen and West.

Spradley 1980 — *Spradley J. P.* Participant Observation. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Список фотографий

К статье Е. П. Батьяновой:

1. Н. А. Гарф (1893–1970) с женой. 1935?
2. Ф. П. Прудников (1886–1938) с женой Любовью Петровной и дочерью Надеждой. 1912?
3. П. В. Цитович (1884–1936). 1911.

К статье А. Ю. Илюхиной:

4. Гусев. Смещение стилей. 2012.
5. Городец. Характерная городская застройка. 2012.

К статье М. Е. Кабицкого:

6. Сан-Коно. Процессия в день св. Конона. 2009.
7. Пиана-дельи-Альбанези. Улицы городка. 2009.
8. Оргозоло. Граффито с изображением Вардии. 2004.
9. Сампейре. Праздник Баио. «Мавры». 2007.
10. Алжерри. Сардана на площади. 2006.
11. Кондейша-а-Нова. Дворец семейства Лемуш. 2010.
12. Миранда-ду-Доуру. Танец паулитейруш. 2010.

К статье Г. Н. Сеидовой:

13. Дербент. Крепость.
14. Дербент. Вид на город и христианскую церковь.
15. Дербент. Мусульманское кладбище.
16. Дербент. Последствия селевого потока.

К статье Б. Шпрем Ловрич:

17. Крапина. 2009.
18. Кланьец. 2012.
19. Саркофаг графов Эрдеди. 2010.
20. Кланьец. Дамы на ярмарке. 2012.

21. Приглашение на ярмарку. 2012.
22. Кузница. 2009.
23. Грубо обработанная шляпа. 2010.
24. Пряничный стенд. 1984.
25. Мария Бистрица. Пряничная мастерская. 2007.
26. Мария Бистрица. Пряничный стенд. 2007.

Фото 1 и 3 из архива семьи Батьяновых. Фото 2 из архива М. Ф. Прудниковой. Фото 17–26 из фотографической документации музея. Все фото, за исключением отмеченных специально, принадлежат авторам статей.

Фото 1. Н. А. Гарф (1893–1970) с женой (1935?).

Фото 2. Ф. П. Прудников (1886–1938) с женой Любовью Петровной и дочерью Надеждой. (1912?)

Фото З. П. В. Цитович (1884–1936).

Фото 4. Гусев. Смешение стилей

Фото 5. Городец. Характерная городская застройка

Фото 6. Сан-Кона. Процессия в день св. Кона со статуей святого.

Фото 7. Пиана-дельи-Альбанези. Улицы городка.

Фото 8. Оргозоло. Граффито с изображением Вардии.

Фото 9. Сампейре. Праздник Баио. «Мавры».

Фото 10. Алжерри. Сардана на площади.

Фото 11. Кондейша-а-Нова. Дворец семейства Лемуш.

Фото 12. Миранда-ду-Дуору. Танец паулитейруш.

Фото 13. Дербент. Крепость.

Фото 14. Дербент. Вид на город и христианскую церковь.

Фото 15. Дербент. Мусульманское кладбище.

Фото 16. Дербент. Последствия селевого потока.

Фото 17. Крапина

Фото 18. Кланъец

Фото 19. Саркофаг графов Эрдеди.

Фото 20. Кланьец. Дамы на ярмарке.

Фото 21. Приглашение на ярмарку.

Фото 22. Кузница.

Фото 23. Грубо обработанная шляпа.

Фото 24. Пряничный стенд (1984).

Фото 25. Мария Бистрица. Пряничная мастерская.

Фото 26. Мария Бистрица. Пряничный стенд.

Институт этнологии и антропологии РАН
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Малые города, большие проблемы
Социальная антропология малого города
Сборник статей

Подписано к печати 31.03.2014
Формат 60 × 84 1/16. Гарнитура Charis SIL.
Тираж 300 экз. Усл.-печ. л. 20,75.
Заказ № 75

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский пр-т, 32а